
K
50
C 50

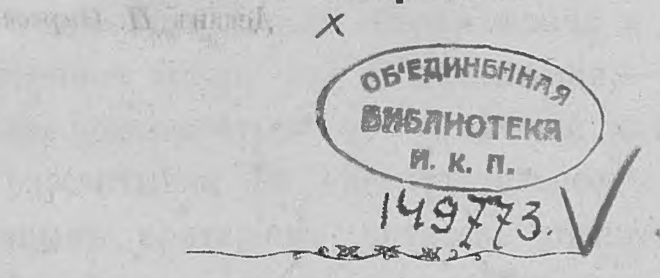
ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ХОРВАТСКАГО ГОСУДАРСТВА

ДО ПОДЧИНЕНІЯ ЕГО УГОРСКОЙ КОРОНѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

И. Смирнова.

КАЗАНЬ.

Въ университетской типографіи.

1879.

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 22 мая 1879 г.

Деканъ *Н. Ѳирсовъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію читателей трудъ обязанъ своимъ происхожденіемъ данной въ 1877 г. историко-филологическимъ факультетомъ Казанскаго Университета, по Всеобщей Исторіи, на соисканіе медали темѣ: „Очеркъ политической и церковной исторіи хорватскаго государства до подчиненія его угорской коронѣ (1102 г.)“. Я указываю на это „независящее отъ автора обстоятельство“ только потому, что оно точно опредѣляетъ объемъ задачи и время, предоставленное автору для ея выполненія,—указываю, не думая прикрываться отъ замѣчаній о недостаткахъ, не разсчитывая на снисходительность. Обладающій научнымъ критеріемъ читатель рѣшитъ, насколько я овладѣлъ предметомъ, удовлетворительны-ли мои научные пріемы, выборъ, группировка и освѣщеніе фактовъ, насколько мой опытъ при данныхъ условіяхъ удовлетворяетъ существующимъ потребностямъ читающей публики.

И. Смирновъ.

I.

Поселеніемъ Сербо-Хорватскаго племени въ западномъ углу Балканскаго полуострова отъ Моравы до Адріатическаго моря и Скутари заканчивается медленный процессъ Славянской колонизаціи на Балканскомъ полуостровѣ. Первыя извѣстія объ этомъ процессѣ восходятъ къ VI в., но онъ начался гораздо раньше. Въ началѣ VI в. на тронѣ Византійскихъ цезарей мы видимъ Славянина-императора (Юстиніана); Византійскими войсками предводительствуютъ Славянскіе вожди; Славяне сражаются подъ знаменами Имперіи. Не въ VI вѣкѣ, стало быть, началась Славянская колонизація полуострова, а въ V-мъ, если только не раньше, но ея ходъ въ теченіе этого столѣтія скрытъ отъ наблюденія историка. Съ VI вѣка Византійскіе писатели начинаютъ говорить о Славянахъ, потому что молчать было уже невозможно. Славяне становятся грозой Имперіи. Слабый Анастасій отдаетъ всѣ свои владѣнія въ жертву Славянамъ; его заботы направлены исключительно на спасеніе столицы и ея окрестностей; отъ Силивріи на Мраморномъ морѣ до Деркаса на Черномъ онъ воздвигаетъ стѣну, которая должна была защитить столицу отъ варварскихъ вторженій; „знаменіе безсилія, памятникъ трусости“ съ горькой ироніей говоритъ современникъ (1). Эта стѣна спасла столицу, но Эпиръ, Ѳессалія и Македонія сдѣлались добычей Славянъ (2). Со смерти его проходитъ 9 лѣтъ (прав-

(1) *Дриновъ*. Заселеніе Балк. пол. Славянами, р. 94,
(2) Ibidem.

леніе Юстина); Славянскія вторженія становятся все опаснѣе и опаснѣе. Славянинъ—Юстиніанъ ставитъ задачей своей жизни спасти Имперію отъ рукъ своихъ соплеменниковъ. По линіи Дуная возникаетъ до 80 укрѣпленій, на которыя возложена тяжелая задача не допускать Славянъ въ Византійскія области ([1]); около 600 такихъ-же укрѣпленій устраивается внутри Имперіи въ Дакіи, Эпирѣ, Ѳессаліи и Македоніи ([2]): они должны служить защитой и убѣжищемъ населенія отъ варваровъ—„безумныя постройки" ([3]), не принесшія никакой пользы. Съ 534-го года начинаются ежегодныя вторженія Славянъ въ области Имперіи; Каждое изъ нихъ стоило Имперіи до 200 тысячъ гражданъ убитыми и уведенными въ плѣнъ ([4]). Въ 548 году Славяне вторгаются въ Иллирикъ, доходятъ до Эпидамна, берутъ и разрушаютъ укрѣпленія, считавшіяся неприступными ([5]). Въ 551 году Иллирикъ снова дѣлается добычей Славянъ; его не могли защитить императорскія войска ([6]).

Въ 552 г. повторяется тоже самое; Славяне безнаказанно опустошаютъ Иллирикъ ([7]). Въ слѣдующіе годы конца VI в. Славяне оставляютъ въ покоѣ Иллирикъ, но забираютъ въ свои руки другія области Имперіи. Они безъ заботы и страха водворяются въ нихъ, грабя и раззоряя огнемъ и мечемъ, богатѣютъ, пріобрѣтаютъ золото и серебро, табуны коней, лучше грековъ владѣя оружіемъ ([8]). Иллирикъ не надолго, впрочемъ, остается спокойнымъ. Въ 568 году въ Паннопіи поселяются Авары; отсюда они въ теченіе 50 лѣтъ тревожатъ области Византійской Имперіи и ([9]), конечно, болѣе всего ближайшій къ нимъ Иллирикъ. Въ 598 году они разрушили въ Далмаціи около 40 городовъ ([10]). За Аварами шли ихъ союзники Славяне. Около начала

([1]) Ibidem, p. 95.
([2]) Ibidem.
([3]) Ibidem, 96.
([4]) Ibidem, 95.
([5]) Stritt. Mem. populor. II, 34; Прокоп.
([6]) Ibidem, p. 37—38.
([7]) Дриновъ. Op. cit. p. 98.
([8]) Ibidem, p. 108.
([9]) Ibidem, p. 103.
([10]) Stritt. Op. cit I, p. 722—723.

VII в. Далмація и Сѣверо-восточная Италія были охвачены паникой: Славяне нападали на приморскіе города Далмаціи, врывались чрезъ Истрію въ Италію (¹). Эти Славяне шли изъ Паннонии или изъ Норика (²). За ними уже идутъ Хорваты и Сербы. Въ 641 году Далмація и Либурнія были заняты Хорватами. Границами Далматскихъ Хорватовъ являются: на востокъ рѣка Врбасъ и погорье, идущее отъ верховьевъ ея до Имотскаго озера къ устью Цетины; на западъ Далматинскіе города Сплитъ, Трогиръ и Адріатическое море; на сѣверъ—черта, проведенная отъ Сеня чрезъ Слуинъ къ впаденію Упы въ Саву, далѣе рѣка Сава (³); на югѣ племя Неречанъ (⁴).

Хорваты не были первыми Славянскими колонистами занятыхъ ими земель. Съ половины VI в., какъ мы видѣли, Славяне начали вторгаться въ Иллирикъ. Большинство ихъ, конечно, отягченное добычей возвращалось на свои старыя жилища, но часть несомнѣнно оставалась на опустошенныхъ земляхъ и основывала первыя Славянскія поселенія. Таковъ былъ ходъ Славянской колонизаціи вообще на Балканскомъ полуостровѣ и нѣтъ основанія дѣлать исключеніе для Иллирика. Годъ за годомъ около этихъ первыхъ поселеній группировались новыя. Съ Обромъ-кочевникомъ шелъ Славянинъ-земледѣлецъ. Обръ довольствовался военной добычей; Славянинъ бралъ опустошенную землю и поселялся на ней. Писатели конца VI вѣка даютъ намъ возможность констатировать, какъ несомнѣнный фактъ, существованіе Славянскихъ поселеній въ Иллирикѣ. Посолъ Аварскаго кагана Баяна, отправленный для переговоровъ въ Константинополь, на возвратномъ пути былъ убитъ Славянами *въ Иллирикѣ* (⁵). Къ этому же выводу приходятъ Рачкій и Ягичъ на основаніи филологическихъ данныхъ,—состава такъ называемаго Сербо-хорватскаго нарѣчія. Въ области этого нарѣчія встрѣчается нѣсколько говоровъ, довольно рѣзко отличающихся отъ тѣхъ особенностей, которыми характе-

---

(¹) Cod. diplom., docum. XLIV, p. 31—32.
(²) Дриновъ, 112.
(³) Ibidem, 159—160.
(⁴) Ibidem, p. 159.
(⁵) Ibidem, p. 108.

ризуется Сербо-хорватское нарѣчіе—таковы Кайкавщина и Чакавщина.

Кайкавщина, господствующая въ Вараждинскомъ, Крижевацкомъ, Загребскомъ частію въ Саладскомъ и Шомодскомъ округахъ Хорватіи, въ полкахъ Крижевацкомъ и Свято-Юрскомъ, болѣе похожа на Словинское нарѣчіе, чѣмъ на Сербо-Хорватское. Она произошла, по мнѣнію Ягича, отъ смѣшенія Хорватовъ при приходѣ ихъ въ эту страну съ ея прежними Славянскими обитателями. Чакавщина Хорватскаго приморья, приморской части прежней Военной Границы и прилегающихъ острововъ, приближается также къ Словинскому нарѣчію.

Чакавщина Далматинскихъ поэтовъ XV и XVI в., остатки которой сохранились еще въ Дубровникѣ и въ его предмѣстьяхъ, въ Gravosa и Ragusa vecchia, хотя и приближается уже къ Штокавщинѣ, но сохраняетъ все таки нѣкоторыя типическія особенности, которыя не могутъ быть объяснены историческимъ развитіемъ Сербо - Хорватскаго нарѣчія. Рачкій видитъ въ этой Чакавщинѣ языкъ тѣхъ Славянскихъ поселенцевъ, которые поселились въ Иллирикѣ еще до прихода туда Сербовъ и Хорватовъ ([1]). —Данныя языка и исторіи приводитъ насъ такимъ образомъ къ убѣжденію, что Хорваты не начали, а заключили Славянскую колонизацію Иллирика. Бросимъ теперь взглядъ на ту степень ~~степень~~ культуры, которую принесли съ собой Хорваты изъ своей Закарпатской родины: на матеріальную обстановку, строй семьи общества и религіозныхъ вѣрованій. Лучшимъ и единственнымъ почти источникомъ для этой цѣли является языкъ, затѣмъ извѣстія современниковъ и наконецъ современный бытъ и міросозерцаніе Сербо-хорватскаго народа. На основаніи общихъ всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ названій, относящихся къ домашней жизни, ремесламъ, искусству, праву, и религіи создается приблизительная картина культуры, предшествовавшей разселенію Славянскихъ народовъ. Хорваты пришли на новую родину, не кочевниками, а осѣдлымъ народомъ. Они имѣли постоянныя жилища, были знакомы и наиболѣе занимались земле-

---

([1]) Дриновъ. Засел. Балк. полуостр. Славянами, р. 129—130; Rački. Nacrt jugosl. povjest. p. 253—254 (Arkiv Za jugosl. povjest. IV).

дѣліемъ, умѣли обработывать металлы, изъ которыхъ выдѣлывали и земледѣльческія орудія, и оружіе и украшенія для рукъ и плечъ (обручи, перстни),—ленъ и шерсть для одежды. Изъ ремеслъ были знакомы имъ: кузнечное, гончарное, производство суконъ; изъ искусствъ—музыка и живопись—конечно въ эмбріональныхъ формахъ (на это знакомство указываютъ слова гудѣть, образовать). Имъ знакомо было также и письмо (¹).

Семейный бытъ древнихъ Хорватовъ можно возстановить по тѣмъ чертамъ, съ которыми является современная юго-славянская семья. Характеристическими чертами этого быта являются равноправность всѣхъ членовъ семьи, выборное начало. Дѣдина (отчина, баштина) составляетъ наслѣдственную собственность всей семьи. Нѣсколько семей, связанныхъ происхожденіемъ, составляютъ задругу (Hausgenossenschaft. Haushaltung, Hauscommunion), число членовъ которой доходитъ иногда до 60 и болѣе. Караджичъ встрѣтилъ, напримѣръ, въ Далмаціи въ деревни Ричани задругу состоящую изъ 62 членовъ (²) Въ Славоніи встрѣчаются задруги, состоящія изъ 50—100 членовъ (³). Во главѣ задруги стоитъ одинъ изъ ея членовъ, выбранный остальными. Онъ управляетъ домашнимъ имуществомъ, продаетъ и покупаетъ съ согласія остальныхъ членовъ семьи или задруги. Состарѣвшись, онъ передаетъ власть сыну, брату. Въ случаѣ, если онъ окажется неспособнымъ управлять дѣлами семьи, домашніе избираютъ на мѣсто его другаго. Ни отецъ, ни старшій сынъ не могутъ считаться владѣтелями и главными собственниками хозяйства; оно принадлежитъ одинаково всѣмъ членамъ семьи. Если кто изъ членовъ захочетъ выдѣлиться изъ задруги или семьи съ своею частью, то долженъ предварительно обратиться ко всѣмъ остальнымъ членамъ семьи; отъ ихъ приговора зависитъ выдѣленіе. Если таковъ строй настоящей семейной жизни южныхъ Славянъ послѣ вѣковыхъ столкновеній съ различными народами, послѣ знакомства съ семейнымъ правомъ нѣмцевъ и Романскаго населенія Далмаціи, то несомнѣнно таковъ-же онъ былъ и въ то время, когда Хорваты пришли въ Иллирикъ изъ

(¹) Воцель. Древн. бытъ слав. вообще и Чех. въ особ.; 48—50.
(²) Jireček. Das Recht in Böhmen u. Mähren. I, 29.
(³) Ibidem.

своей Закарпатской родины. Глубокая древность этихъ семейныхъ порядковъ доказывается и тѣмъ, что ясные слѣды ихъ мы находимъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ. Результатомъ господства этаго общинно-семейнаго строя въ періодъ, предшествовавшій разселенію Славянъ, является то что Славяне не выработали общихъ всѣмъ имъ понятій о наслѣдованіи (въ смыслѣ Римскаго или Нѣмецкаго права) и личной собственности (proprium): то и другое понятіе у отдѣльныхъ Славянскихъ народовъ выработалось впослѣдствіи, выражается у каждаго почти народа различными словами (1).

За предѣлами семьи и семейной общины - задруги Хорваты знали племя, послѣ владыки семьи и задруги Жупана и Кнеза. Племя было высшей соціальной единицей, которую знали Хорваты въ VII в. Идея государства была недоступна еще народному сознанію. Есть изслѣдователи, которые полагаютъ, что Хорваты явились въ Далмацію вполнѣ сплотившимся народомъ, съ удовлетворительно развитой государственной организаціей; народная жизнь ихъ миновала уже будто-бы въ VII в. первыя низшія ступени развитія; въ ихъ сознаніи проснулась мысль о какомъ-то большемъ объединеніи. Жупанъ стоитъ во главѣ жупаніи, а нѣсколько жупановъ подчиняются въ тоже время великому жупану—князю, власть котораго была наслѣдственной (2). Эта фантастическая картина построена отчасти на извѣстіяхъ Багрянороднаго, отчасти на существованіи въ Хорватскомъ лексиконѣ слова „князь". На сколько заслуживаютъ извѣстія Багрянороднаго довѣрія, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ; что-же касается слова „князь", то первоначальный объемъ этаго понятія намъ кажется, лучше всего выражается въ томъ, что и теперь Закарпатскіе Славяне называютъ сельскаго старосту княземъ (3). Не совсѣмъ-то удобно было бы толковать о существованіи въ народномъ сознаніи этихъ Славянъ идеи государства и верховной власти за 1000 лѣтъ до нашего времени.

Гораздо болѣе основательно предположеніе, что Хорваты VII-го вѣка дробились на нѣсколько отдѣльныхъ пле-

---

(1) Воцель. Op. cit. p 60.
(2) Ягичъ. Исторія Сербско-Хорватской литературы. р. 22.
(3) Мацыѳјовскаго. Исторія Славенскы права. (пер. Крстића) р. 84

менъ, не имѣвшихъ между собою почти ничего, общаго, находившихся то въ дружественныхъ, то въ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу ([1]). Что между ними не было никакой государственной связи, доказывается тѣмъ уже, что они раздробились на пути: одни остались въ Паннонiи, другiе пошли далѣе на югъ.

Древнѣйшiя извѣстiя о религiозныхъ вѣрованiяхъ Славянъ представляютъ намъ ихъ до извѣстной степени монотеистами. Прокопiй говоритъ, что славяне въ его время признавали единаго Бога, творца грома и молнiи; кромѣ его они почитали духовъ, которыми населяли природу ([2]). Тоже чрезъ нѣсколько столѣтiй повторяетъ Гельмольдъ. „Не смотря на то, что Славяне признаютъ,—говоритъ онъ—много божествъ, они имѣютъ понятiе о верховномъ существѣ и отличаютъ отъ своихъ боговъ Бога небеснаго, всемогущаго ([3])“. Послѣ этого Бога Славяне покланялись рѣкамъ, огню, лѣсамъ и скаламъ, т. е. силамъ природы, выраженнымъ въ нихъ. Изъ этого общаго начала—обожанiя видимыхъ силъ природы и признанiя единаго небеснаго Бога—выходили всѣ Славяне въ своихъ языческихъ вѣрованiяхъ; въ дальнѣйшемъ развитiи миѳологiи не всѣ они слѣдовали одному пути и не всѣ ушли одинаково далеко. Это развитiе зависѣло отъ обстоятельствъ и въ особенности отъ того, съ какими народами соприкасалась та или другая вѣтвь Славянъ. Высшей степени своего развитiя Славянское язычество достигло у Балтiйскихъ Славянъ: здѣсь мы встрѣчаемъ уже кумиры боговъ, храмы и сословiе жрецовъ съ огромнымъ политическимъ значенiемъ, чего нѣтъ у другихъ Славянскихъ народовъ, въ частности и у Хорватовъ ([4]).

Тотъ единый Богъ, котораго признавали всѣ Славяне, былъ только повелителемъ природы, не имѣя почти никакого значенiя для судьбы человѣка. Жизнь Славянина, его счастье и несчастье зависѣли отъ другихъ низшихъ болѣе человѣкообразныхъ божественныхъ существъ. Рождается ребенокъ — и *суженицы* совѣщаются о томъ, какую судьбу

([1]) Дриновъ. Византiя и Южные Славяне въ X в., р. 35.
([2]) Костомаровъ. Славянская миѳологiя, 4.
([3]) Ibidem.—Helm. chron. Slavor. c. 83, p. 185.
([4]) Эрбенъ Письма о Слав. миѳологiи (Р. Бѣседа. 1857; I, 72).

дать ему въ жизни. Онъ проживетъ долго, будетъ богатымъ и сильнымъ, произведетъ многочисленное потомство или наоборотъ — все это зависѣло отъ приговора суженицъ ([1]). Въ небѣ является его звѣзда, а на землѣ роженица (роjеница), генiй сопутствующiй ему во всей его жизни. Она охраняетъ его имущество и жизнь ([2]). Роженица — это олицетворенiе индивидуальной судьбы человѣка. — Индивидуальность, чувство личной свободы, такъ глубоко лежащiя въ натурѣ Славянина, проникающiя собой все его право, не могли не отразиться и на религiозныхъ вѣрованiяхъ его. Онъ не дошелъ до идеи рока, судьбы, правящей дѣлами всего рода человѣческаго, даже дѣлами боговъ, какъ не дошелъ онъ до идеи абсолютной власти въ рукахъ главы семьи, общины, племени, народа.

Послѣ роженицы на жизнь Славянина имѣютъ большое влiянiе (доброе или злое) *вилы*, изящныя созданiя фантазiи Славянской, прекрасныя дѣвы, которыми наполнена окружающая природа. Онѣ дѣлаютъ и зло людямъ, но умилостивляются жертвами; онѣ лучшiя помощницы героевъ въ ихъ воинскихъ подвигахъ ([3]). Семейное счастье Славянина находится подъ покровительствомъ *Ладо* — олицетворявшаго собой согласiе, любовь и красоту. Ему приносили жертву женившiеся; отъ его благословенiя зависѣло счастье семьи; къ нему обращались при рожденiи дитяти ([4]). Ладо — хранитель и покровитель семейнаго мира, нравственной стороны семейной жизни. Хранителями его матерiальнаго благосостоянiя является рядъ другихъ существъ. Хранителемъ собственности является *Чуръ* ([5]) — олицетворяющiй собой понятiе права собственности и владѣнiи имуществомъ; покровителемъ хаты — домовой (Сидекъ, Скритекъ ([6]), Haus götze, Hausgenius); наконецъ особые духи являются хранителями полей, огородовъ, палисадниковъ, скота, птицъ ([7]). Эти бо-

---

([1]) Шеппингъ. Миѳы Слав. язычества, p. 68.
([2]) Шеппингъ. Op. cit., p. 69.
([3]) Костомаровъ Op. cit., p. 58.
([4]) Ibidem, p. 27.
([5]) Шеппингъ. Op. cit., p. 76—77. Квашнинъ-Самаринъ. Очеркъ Слав. миѳологiи (Бесѣда. 1872; IV, 261).
([6]) Шеппингъ, Op. cit., p. 75.
([7]) Ibidem.

ги-хранители имущества и жизни у нѣкоторыхъ Славянскихъ народовъ олицетворялись въ видѣ истукановъ, которымъ воздавалось поклоненіе, приносились жертвы и молитвы ([1]). Каждый очагъ имѣлъ своихъ собственныхъ боговъ — спасовъ ([2]). Послѣднимъ божествомъ, съ которымъ сталкивался Славянинъ на своемъ жизненномъ пути была *Морена.* Она провожаетъ въ черную ночь (т. е. въ загробную жизнь) душу, вышедшую изъ тѣла ([3]). Со смертью, по воззрѣніямъ Славянина, не прекращается еще участіе человѣка въ дѣлахъ семьи и рода. Въ извѣстное время живые члены семьи вызываютъ умершихъ и предлагаютъ имъ трапезу то на могилахъ, то на дому. За приготовленный столъ садятся дѣды, прадѣды и другіе умершіе родственники; по принятіи пищи они посылаютъ благословеніе своимъ внукамъ ([4]). Такъ дѣлается въ Бѣлоруссіи, но нѣтъ основанія отрицать этотъ культъ предковъ и у другихъ Славянъ. У Чеховъ, мы знаемъ, связь семьи съ умершими членами была еще тѣснѣе. Въ ихъ домахъ въ языческую пору стояли изображенія дѣдовъ, которыя пользовались уваженіемъ наравнѣ съ другими домашними богами. Лучшимъ выраженіемъ этой связи живыхъ и умершихъ былъ Чешскій древній обрядъ благословенія новобрачныхъ. Благословляя новобрачныхъ, отецъ язычникъ держалъ въ своихъ рукахъ изображенія дѣдовъ и отъ имени цѣлой фамиліи освящалъ ихъ союзъ ([5]). Боги огага и умершіе предки—вотъ главныя существа, съ которыми связана была земная судьба Славянина; далеко отъ нея стояли многочисленныя божества Славянскаго пантеона съ верховнымъ Богомъ во главѣ. Отсюда вытекаютъ основныя характеристическія черты Славянскаго язычества, гдѣ оно не было испорчено посторонними примѣсями: отсутствіе общественнаго богослуженія, сословія жрецовъ и храмовъ. Каждый отецъ семейства является вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ. Онъ сожигаетъ жертвы богамъ—спасамъ, даетъ имъ пищу „кръмъ". Въ обычаяхъ юго - Славянъ и

([1]) Эрбенъ. L. cit., p. 74.
([2]) Ibidem.
([3]) Костомаровъ. Op. cit., p. 65.
([4]) Касторскій. Начерт. Слав. миѳол., p. 118.
([5]) Воцель. Op. cit. p. 216.

теперь сохранились еще воспоминанія о томъ, что глава семьи нѣкогда выполнялъ религіозныя обязанности и совершалъ богослужебные обряды (1). Подобно отцу семейства глава племени и народа соединялъ съ своей властью и власть жреца: онъ былъ и правителемъ народа и ходатаемъ его предъ богами (2). Жреческое сословіе существовало только у тѣхъ Славянъ, которыя заимствовали въ свои вѣрованія много чужеземныхъ элементовъ; у Балтійскихъ Славянъ мы видимъ уже правильную іерархію жрецовъ; они пользовались здѣсь огромнымъ вліяніемъ на судьбы народа и дѣлили съ княземъ политическую власть (3). Служеніе стихійнымъ силамъ природы, которыя обоготворяли Славяне, совершалось частію на домахъ, частью на мѣстѣ ихъ дѣйствія. Огню, напр., молились у очага, на что, какъ справедливо замѣчаетъ Срезневскій, указываетъ существующій обычай креститься при разложеніи огня,—подъ овиномъ, у костра. Поклоненіе рѣкамъ, лѣсамъ и скаламъ имѣло уже характеръ общественный, но все таки не требовало ни храмовъ, ни жрецовъ. Поклоненіе водѣ совершалось на берегахъ рѣкъ, озеръ, потоковъ и ключей, куда стекался народъ; воднымъ божествамъ здѣсь приносились въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, птицы (4). Горы считались обиталищемъ вилъ, которыя помогали человѣку, предостерегали его отъ опасностей, давая ему знать о нихъ своимъ голосомъ, предсказывали будущее и требовали жертвъ. Въ жертву имъ приносились на камняхъ плоды и другія вещи. Слѣды этаго поклоненія горамъ и теперь еще остались у южныхъ Славянъ-Хорватовъ и Сербовъ. Велебитскій хребетъ у Хорватовъ и теперь еще считается священнымъ и пользуется уваженіемъ, какъ обиталище вилъ (5). Лѣса были предметами особеннаго поклоненія языческихъ Славянъ. Уже Прокопій говоритъ, что Славяне имѣли священныя рощи и покланялись старымъ деревьямъ (6) Къ священнымъ деревьямъ при-

---

(1) Ibidem, p. 158.
(2) Ibidem, p. 196.
(3) Эрбенъ. Op. cit.
(4) Срезневскій. Святилища и обряды языческ. богосл. др. Слав., p. 25.
(5) Ibidem, p. 30.
(6) Костомаровъ. Op. cit. p. 59

надлежали дубъ, ясень, орѣшникъ, береза, кленъ и липа. Послѣдніи символизировалась, какъ брачная пара [1]. Подъ священными деревьями совершалось жертвоприношенія божественнымъ обитателямъ лѣсовъ, виламъ [2]. Эти жертвоприношенія водамъ, огню и скаламъ, имѣли то единичный, то общественный характеръ. У древнихъ Чеховъ отчикъ (pater familias) одинъ иногда ходилъ въ лѣсъ возглашать богамъ „любимыя слова" [3]. Храмы, въ которыхъ по предположенію Срезневскаго покланялись богамъ небеснымъ [4], были неизвѣстны Хорватамъ, какъ большинству другихъ Славянъ, кромѣ Балтійскихъ,—можетъ быть именно потому, что эти небесныя божества не служили предметами особеннаго поклоненія, какъ неимѣщія непосредственнаго вліянію на судьбу человѣка. Широкое развитіе культа низшихъ божествъ (покровителей очага въ частности) на счетъ высшихъ, преобладаніе частнаго богослуженія надъ общественнымъ, прямое соотношеніе каждаго индивидуума съ божествами безъ посредства особаго сословія жрецовъ—въ религіи; развитіе правъ личности на счетъ общества, абсолютное равенство всѣхъ между собой въ правѣ;—вотъ тѣ существенныя черты внутренней жизни, которыя принесли съ собой Хорваты на свою новую родину. Здѣсь ихъ ждала новая жизнь. Язычество пришло въ столкновеніе съ христіанствомъ. Славянское право съ Римско-Византійскимъ, варварство съ цилизацiей; цѣлымъ изъ этаго столкновенія вышло только право да обломки религіи.

О первыхъ двухъ вѣкахъ пребыванія Хорватовъ въ Далмаціи мы имѣетъ очень скудныя свѣдѣнія. Извѣстно, что Хорваты находились долго въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Романскому населенію Далмаціи. Они отняли у него земли, которыя лежали вокругъ городовъ и служили массѣ источникомъ пропитанія. Далматинцы переселись въ большомъ количествѣ на ближайшіе къ Далмаціи острова и жили ихъ обработкой. Но и здѣсь они не были безопасны. Славянскіе пираты нападали на нихъ и уводили ихъ въ плѣнъ [5].—

(1) Ibidem, p. 60.
(2) Срезневскій. Op. cit., p. 34.
(3) Эрбенъ. Op. cit., p. 75.
(4) Срезневскій. Op. cit., p. 20.
(5) Stritter. Memor. populor. II, 398.

Тѣснимые Хорватами на континентѣ и пиратами на островахъ, Далматинцы обратились къ Византійскому императору съ просьбой, чтобы онъ удержалъ Хорватовъ отъ насилій и обезпечилъ мирное существованіе Романскаго населенія Далмаціи. Императоръ исполнилъ ихъ просьбу и укротилъ Хорватовъ. Съ этихъ поръ установились мирныя отношенія между враждебными сторонами. Между Хорватами и Далматинцами стали устраиваться брачные союзы. Такъ разсказываетъ о первыхъ столкновенія Хорватовъ и туземцевъ Θома архидіаконъ Сплитскій (¹). Гораздо вѣрнѣе другое извѣстіе—что борьба Хорватовъ и Далматинцевъ существовала гораздо дальше, почти до конца IX вѣка (²).

Въ X в. мы застаемъ Далматинскую Хорватію раздѣленною на 11 жупъ и одну бановину, состоящую изъ трехъ жупъ. Эти жупы были слѣдующія (по направленію съ юга на сѣверъ): Хлѣвна (*Χλεβίανα*), Цетина (*Τζέντζηνα*), Имочка (*Ἤμοτα*), Плѣва (*Πλέβα*), Везента (*Πεδέντα*), Приморье (*Παραθαλασσία*) между Цетиной и Кркомъ, Брибирщина (*Βρεβέρα*) между Кркомъ и озеромъ Кариномъ, Нинъ (*Νόνα*), Сидрага (*Σίδραγα*) около Бѣлграда, Нина (*Νίνα*) по обѣ стороны Зрмани, наконецъ Книнъ (*Τνήνα*). Бановина состояла изъ жупъ: Крбавы (*Κρίβαδα*), Лики (*Λίτζα*) и Гадской *Γοδτζηκά* (³). Возникновеніе этихъ жупъ относятъ обыкновенно къ времени поселенія Хорватовъ въ Далмаціи (⁴). При этомъ предполагаютъ, основываясь на извѣстіяхъ Багрянороднаго, что раздѣленная такимъ образомъ Хорватія находилась подъ властью однаго князя, который признавалъ на собой верховную власть Византійскаго Императора. Первымъ изъ Хорватскихъ князей считается Клукъ, старшій изъ пяти братьевъ подъ предводительствомъ которыхъ прибыли будто-бы Хорваты въ Далмацію. За нимъ слѣдуютъ Порга и Поринъ (⁵). Исторія хорватскаго государства начинается сообразно съ этой гипотезой со

(¹) Thoma Archidiak. Hist. Salonit. Schwandtner. Script. rer. Hung. T. III. 546.
(²) Stritter, Op. cit., p. 396.
(³) Stritt. Op. cit.. p. 396.
(⁴) Rački. Nacrt Jugosl. povjest. (Arkiv za povjest jugosl. IV, 259).
(⁵) Голубинскій. Истор. Прав. церквей, 697.

времени появленія Хорватовъ въ Далмаціи. Это государства имѣло будто-бы прекрасное и мудрое устройство, на которомъ покоилась внутренняя и внѣшняя сила Хорватовъ. Соединенные подъ властью князя, которой политическое значеніе жупановъ помѣшало перейдти въ азіатскій деспотизмъ, Хорваты побѣждали своихъ враговъ и были обезпечены противъ нападенія (¹). Вся эта фантастическая исторія, всѣ эти разсужденія о мудромъ политическомъ устройствѣ Хорватскаго государства не могутъ имѣть мѣста въ положительной исторіи, потому что въ основаніи ихъ лежатъ басни писателя, незнавшаго не только прошедшаго, но даже и современнаго ему положенія Хорватовъ. Константинъ говоритъ о первыхъ Хорватскихъ князьяхъ, называя ихъ по именамъ, между тѣмъ не только не знаетъ современнаго ему Хорватскаго правителя, но не знаетъ даже и того, былъ-ли у нихъ въ это время какой нибудь князь, потому что называетъ стариковъ-жупановъ (γέροντες) единственными правителями Сербовъ и Хорватовъ (²).

Что Хорватія въ первые два вѣка своего историческаго существованія не пошла далѣе организаціи жупъ или, самое большее, соединенія отдѣльныхъ племенъ подъ властью однаго предводителя-князя, видно изъ того положенія, въ которомъ застало Хорватію Франкское владычество: мы увидимъ вскорѣ, что тогда и помина не было о существованіи единой власти во всей Хорватіи.

Наиболѣе крупнымъ фактомъ перваго періода Хорватской исторіи является принятіе Хорватами Христіанства. Константинъ Багрянородный разсказываетъ, что Ираклій тотчасъ послѣ прибытія Хорватовъ вытребовавъ изъ Рима священнослужителей и, назначивши изъ нихъ одного епископомъ, а другихъ священниками и діаконами, крестилъ часть Хорватовъ (³). Другая, бо̀льшая часть, крестилась, по его словамъ, послѣ освобожденія отъ Франковъ, которые какъ-то вскорѣ послѣ водворенія Хорватовъ въ Далмаціи подчинили было ихъ своей власти (⁴). Послѣдніе Хорваты, по его словамъ, крестились уже въ концѣ IX в. (⁵). Какъ и

(¹) Rački. Op. cit. p. 260.
(²) Stritt. Op. sit., p. 89.
(³) Stritt. Op. cit., p. 394.
(⁴) Ibid. p. 393.
(⁵) Ibid. p. 398.

всѣ другіе факты древнѣйшей исторіи Хорватовъ, водвореніе между ними Христіанства затемнено сказками. Точная дата крещенія Хорватовъ остается неизвѣстной. Несомнѣнно одно, что они крестились не при Ираклiѣ, потому что въ это время они только устраивалось еще на новыхъ земляхъ, да и извѣстія современниковъ говорятъ еще о Хорватахъ, какъ объ язычникахъ. Въ 641 году—годъ смерти Ираклія—Папа Іоаннъ VI посылалъ въ Далмацію аббата Мартина для выкупа у Славянъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ и перенесенія оскверненныхъ славянскимъ нечестіемъ мощей Святыхъ оттуда въ Римъ (¹). Распространеніе Христіанства между Хорватами началось тогда, вѣроятно, когда они осѣлись на занятыхъ земляхъ; оно было не административнымъ актомъ, а дѣломъ католическаго духовенства Далмаціи, которое хлопотало въ своихъ интересахъ. Религіозная рознь Хорватовъ и Далматинцевъ могла повести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ и сдѣлать невыносимымъ и безъ того уже тяжелое положеніе Романскаго населенія Далмаціи. Со стороны Хорватовъ не могло быть большихъ препятствій къ принятію христіанства. У нихъ не было жрецовъ, не было кумировъ и храмовъ и крайне слабо развито было вообще общественное богослуженіе. Въ этомъ заключается причина свободнаго принятія ими Христіанства. Отъ принятія новой вѣры не терялъ никто, какъ теряли у другихъ народовъ жрецы, которые лишались черезъ это своихъ доходовъ и богатствъ, своего значенія. Христіанство становилось на мѣсто національнаго общественнаго богослуженія; у Хорватовъ его почти не было; Христіанство не врывалось насильственно въ религію очага и культъ очага сохранился до сихъ поръ у Хорватовъ, какъ и другихъ Славянъ, только слегка окрасившись христіанскимъ колоритомъ.—Не въ разъ, а медленно проникало Христіанство въ жизнь Хорватскаго народа; это видно уже и изъ того, что Хорватія не знаетъ имени своего просвѣтителя.

Принятіемъ христіанства подъ вліяніемъ Романскаго элемента кончается первый періодъ Хорватской исторіи; въ слѣдующій за нимъ періодъ во внутреннюю жизнь Хорватовъ входитъ государственное начало, но уже подъ вліяніемъ другаго чужеземнаго элемента—Нѣмецкаго.

(¹) Murat. III, 137 «Reliquias de Dalmatia et Istria adduci praeceperat».

II.

Въ концѣ VIII вѣка сложилась могущественная монархія Карла Великаго. Франки уничтожили Лангобардское владычество въ Италіи и послѣ кровавой осмилѣтней борьбы изгнали изъ Панноніи Аваровъ (1). Массы Славянъ вошли уже въ составъ монархіи, созданной Карломъ; не избѣжали этой участи и Хорваты. Франки надвигались на нихъ съ двухъ сторонъ: съ юга изъ Италіи и съ сѣвера изъ Панноніи. Ни германскіе, ни греческіе хроникеры не говорятъ о томъ, какъ и когда Хорваты подчинились Франкамъ—и это молчаніе необыкновенно характеристично: оно доказываетъ какъ нельзя лучше, что даже въ концѣ VIII вѣка, то есть почти чрезъ два столѣтія послѣ прихода въ Далмацію, Хорваты оставались раздробленными на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ. Эти племена подчинялись одно за другимъ, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія, и были такъ ничтожны каждое въ отдѣльности, что хроникеры обходили молчаніемъ ихъ подчиненіе, какъ событіе не заслуживающее памяти потомства. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что на рубежѣ VIII и IX вѣковъ Посавскіе и Далматинскіе Хорваты находились подъ властью Карла Великаго (2). Византійская Имперія не оспаривала у Карла права владѣть ими; значитъ, она давно уже не считала Хорватовъ въ числѣ своихъ подданныхъ. По Ахенскому миру 810 г. Карла Великаго съ Византійцами Хорваты остались за Карломъ, а далматинскіе приморскіе города, тоже отошед-

(1) Eingard. Vita Kar. Mag. Pertz. II. 449.
(2) Pertz. Monum. Germ. hist. I, 541.

шіе было подъ власть Франковъ (806), возвращены были Византіи ([1]). Истрія, Либурнія, Далмація и Посавье вошли въ составъ Фріульпой марки ([2]). Въ первое время Хорваты не охотно подчинялись владычеству Франковъ. Карлу приходилось иногда путемъ кровавой расправы напоминать имъ свою власть. Разъ онъ самъ долженъ былъ явиться въ Либурніи и наказать жителей за убійство своего намѣстника ([3]).

Съ тѣхъ поръ, какъ Хорваты подчинились Франкамъ, положеніе романскаго населенія Далмаціи стало еще хуже. На Ахенскомъ мирѣ 810 года не были точно опредѣлены границы обѣихъ имперій. Между Хорватами и жителями романскихъ городовъ вспыхнула вражда. Хорваты не уступали послѣднимъ ни шага континентальной земли, не стѣснялись ничѣмъ въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ. Они были чужды Далматинцамъ въ политическомъ отношеніи. Скоро эти обоюдныя распри дошли до того, что уладить ихъ стало можно только путемъ переговоровъ заинтересованныхъ сторонъ. Въ 817 году императоръ Византійскій Левъ отправилъ по этому поводу своего легата къ Людовику Благочестивому. Дѣло оказалось до того затруднительнымъ, что Людовикъ не могъ сразу удовлетворить Византійскаго императора. То или другое рѣшеніе можно было поставить только въ присутствіи представителей спорящихъ сторонъ, на мѣстѣ дѣйствія. Людовикъ отправилъ императорскаго посла въ сопровожденіи своихъ делегатовъ въ Далмацію ([4]). Объ исходѣ этого дѣла мы не имѣемъ извѣстій.

Константинъ Багрянородный освѣщаетъ самымъ мрачнымъ свѣтомъ картину взаимныхъ отношеній Франковъ и Хорватовъ. Въ его описаніи Франки являются чѣмъ-то въ родѣ башибузуковъ. Въ порывахъ безсмысленной жестокости, говоритъ онъ, они бросали грудныхъ Хорватскихъ дѣтей на съѣденіе собакамъ ([5]). За подлинность подобной картины ручаться трудно; несомнѣнно, однако,—что положеніе Хорватовъ, въ особенности Посавскихъ, сдѣлалось не особенно

([1]) Eingard. l. c.

([2]) Eingard. Annales ad ann. 819. Rački Op. cit., 359.

([3]) Ann. Eing. ad. an. 809. Lucius ap. Schwandtn. Script. r. Hungar. III. 81.

([4]) Pertz. Mon. Germ. hist. I, 204.

([5]) Stritter. Mem. pop. II, 392.

пріятнымъ со смерти Карла Великаго. При его кроткомъ сынѣ Людовикѣ Благочестивомъ маркграфы, не стѣсняясь, своевольничали въ ввѣренныхъ имъ областяхъ. Подобно прочимъ товарищамъ дѣйствовалъ и Фріульскій маркграфъ Cadolaus, самоволіе котораго не знало границъ. Одинъ изъ князей Посавской Панноніи Людевитъ вынужденъ былъ обратиться къ Людовику съ жалобой на его намѣстника. Императоръ отпустилъ его безъ удовлетворенія ([1]). Князь понялъ, что онъ избралъ неудачный способъ дѣйствій и у него зародилась мысль объ открытой борьбѣ съ Франками. Онъ располагалъ, какъ мы увидимъ изъ послѣдствій, значительными силами. Въ 819 (820) году возстаніе вспыхнуло. Императоръ отправилъ противъ него войско изъ Италіи, но оно вернулось безъ успѣха, разбитое Людевитомъ ([2]). Людевитъ не отказывался отъ переговоровъ, но предлагалъ при этомъ какія-то условія, по выполненіи которыхъ со стороны императора обязывался повиноваться ему ([3]). Что это было за условія, хроникеры не говорятъ; можно думать, впрочемъ, что они были оскорбительны для чести императора, такъ какъ онъ отказался ихъ выполнить ([4]). Людевитъ рѣшился сопротивляться и сталъ искать союзниковъ между сосѣдними племенами, возбуждая ихъ къ войнѣ ([5]). Въ этотъ моментъ на сторонѣ Франковъ оказался неожиданный союзникъ Борна, одинъ изъ жупановъ Далматинскихъ Хорватовъ. Въ союзѣ съ правителемъ Каринтіи онъ встрѣтилъ Людевита на Купѣ. Въ рѣшительный моментъ подвластные Борнѣ Гадчане (Guduscani) оставили его. Борна былъ разбитъ и едва успѣлъ

([1]) «Ljudewiti rectoris inferioris Pannoniae aderant missi, accusantes Cadalam—falso, ut patuit,—eo quod immanitas illius importabilis sibi foret». Vita Hludow. Imp. Pertz. II, 624. I, 205.

([2]) «Ibidemqe (in Hengelimheim) exercitus sui nuntios recepit, qui contra Liudewiti apertam perduellionem comprimendam missi fuerant. Sed idem negotium paene remansit infectum». Pertz. II, 624.

([3]) «At vero pro his typo inflatus arrogantiae Ljudewitus quasdam conditiones imperatori per missos mandavit suos, quas si imperator impleret ipse quoque ut pridem ejus praeceptis pareret». Vita Hludowici imperat. Pertz. Mon. Germ. Script. II, 624.

([4]) «Sed haec tamquam inutilia ab eo spreta atque rejecta sunt». Ibid.

([5]) «Ljudewitus autem in sua remanere perfidia ratumducens, ad perfidiam quoscumque poterat sibi sotiabat»—ibid.

спастись при помощи своихъ тѣлохранителей (1). Людевиту была открыта теперь дорога въ Далмацію и онъ незамедлилъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы уничтожить неожиданнаго врага. Въ декабрѣ 819 года Людевитъ вступилъ въ Далмацію, опустошая все огнемъ и мечемъ. Борна заперъ свои крѣпости и самъ съ избраннымъ отрядомъ началъ тревожить войска Людевита, нападая на него съ разныхъ сторонъ. Военное счастье перешло на сторону Борны; Людевитъ принужденъ былъ отказаться отъ задуманнаго предпріятія и съ большимъ урономъ выступилъ изъ Далмаціи, потерявъ около 3000 человѣкъ (2). Эта война ясно показала, что Далматинскіе Хорваты не имѣли ничего общаго съ своими Посавскими братьями съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлились отъ нихъ по выходѣ изъ Великой Хорватіи. Борна не ограничился побѣдой надъ Людевитомъ; онъ предложилъ императору свои услуги для дальнѣйшей борьбы съ возмутившимся княземъ. По извѣстію біографа Людовика Благочестиваго, Борна получилъ отъ императора большое вспомогательное войско (3) и сталъ въ главѣ предпріятія, конечной цѣлью котораго былъ разгромъ территоріи, принадлежавшей Людевиту. Въ 820 г. три отряда двинулись въ Паннонію. Первый, шедшій изъ Италіи, встрѣтилъ препятствіе въ Норическихъ Альпахъ; другой, шедшій чрезъ Баварію, не успѣлъ соединиться съ остальнымъ вслѣдствіе длиннаго пути. Одинъ только отрядъ встрѣтился съ Людевитомъ и послѣ трехъ счастливыхъ сраженій перешелъ Драву. Людевитъ, не чувствуя себя въ силахъ вступать въ борьбу въ открытомъ полѣ, заперся въ крѣпости. Нѣмецкія войска, соединившись, опустошили Паннонію огнемъ и мечемъ, но не могли принудить Людевита къ подчиненію и вернулись обратно. Непосредственно за ихъ возвращеніемъ союзники Людевита жители Карніолы и нѣкоторые изъ Каринтинцевъ подчинились Фріульскому маркграфу Бальдрику, преемнику Кадолая (4).

---

(1) «Borna suorum tamen jutus auxilio domestico discrimen imminens tutus evasit». p. 625.

(2) «Tribus interfectis de illius exercitu milibus, equis ac varia supelectile plurima direpta regione sua eum ecxcedere compulit» ibid.

(3) «Borna magnas ab imperatore suscepit adjutorii copias» ibid.

(4) Pertz II, 625. Vita Hludowici Imp. ad an. 820.

Людевитъ остался безъ союзниковъ, но не думалъ подчиняться. Войска, посланныя противъ него въ 821 г., воротились безъ особеннаго успѣха (1). Энергія нѣмцевъ не ослабѣвала. Въ 822 г. новое войско двинулось въ Паннонію изъ Италіи. Теперь Людевитъ упалъ духомъ; не видя возможности бороться съ своими врагами, онъ бѣжалъ въ Сербію (по другимъ—въ Далмацію) къ какому-то жупану. Дружелюбно принятый имъ, онъ дурно (если вѣрить хронисту) отплатилъ за гостепріимство: убилъ этаго жупана и захватилъ его владѣнія. Отсюда, по словамъ біографа Людовика Благочестиваго, онъ обращался къ императору черезъ пословъ, раскаиваясь въ своемъ поведеніи противъ него и обѣщаясь явиться лично (2). Это позднее раскаяніе, вѣроятно, не привело ни къ какимъ результатамъ и не примирило его съ императоромъ. Черезъ нѣсколько времени (823) мы видимъ его въ Далмаціи у родственника Борны Людемысла (3). Въ маѣ 823 г. императоръ получилъ извѣстіе о смерти своего заклятаго врага: онъ былъ убитъ Людемысломъ. Такъ кончилъ свою бурную жизнь одинъ изъ видныхъ борцевъ за славянскую независимость. Его героическая борьба была преждевременна; противъ него были огромныя силы Имперіи; противъ него-же были (такъ мѣтко очерченные Котляревскимъ) исконные роковые политическіе недостатки Славянскаго племени: привязанность къ формамъ розничнаго политическаго существованія, привычка жить интересомъ дня безъ заботы о будущемъ и политическая апатія (5).

Посавскіе Хорваты остались подъ властью Франковъ, но дѣло Людевита не погибло безслѣдно; оно отразилось косвеннымъ образомъ на историческихъ судьбахъ далматинскихъ Хорватовъ. Мы видѣли, какъ въ рѣшительный моментъ борьбы Людевита съ Нѣмцами на сторонѣ послѣднихъ оказался одинъ изъ далматинскихъ жупановъ Борна, какое энергическое участіе онъ принималъ въ теченіе всей этой борьбы. Преданность Борны не осталась безъ возна-

---

(1) Ibidem.
(2) Ibidem, p. 626.
(3) Pertz. I, 209.
(4) Ibidem, 210.
(5) Котляревскій. Древности права Славянъ Балтійскихъ, p. 24.

гражденія. Въ 819 г. Борна изъ мелкаго жупана сдѣлался княземъ всей Далмаціи, которому подчинились всѣ здѣшнія мелкія племена. Въ 821 г. Борна былъ уже княземъ Либурніи и Далмаціи [1]. Теперь всѣ далматинскіе Хорваты составили одно политическое цѣлое: возникло Хорватское государство. Власть Борны расширялась соотвѣтственно размѣрамъ, которые принимала борьба Людевита съ Нѣмцами, расширялась съ вѣдома Имперіи и въ ея интересахъ. Въ разгаръ борьбы Посавскихъ Хорватовъ съ Нѣмцами Далматинцы объединились подъ властью лица, преданнаго интересамъ императорскаго трона. Когда Борна умеръ въ 821 году, начатое имъ дѣло продолжалъ Владиславъ, его внукъ, избранный народомъ и утвержденный императоромъ. Убійство Людевита, совершенное родственникомъ новаго князя, и, безъ сомнѣнія, съ его вѣдома еще болѣе сблизило его съ Нѣмцами. Отношенія первыхъ Хорватскихъ князей къ Нѣмцамъ въ общихъ чертахъ поразительно напоминаютъ отношенія Московскихъ князей къ ханамъ: тѣ-же эгоистическіе разсчеты, тоже умѣнье пользоваться подходящимъ моментомъ для увеличенія своихъ силъ, та-же неразборчивость въ средствахъ, та-же наружная преданность иноплеменнымъ повелителямъ. Расширеніе самостоятельности Хорватскихъ князей, ослабленіе нѣмецкой власти шло медленно, рядомъ съ постепеннымъ разложеніемъ имперіи, созданной Карломъ Великимъ. Самостоятельность Хорватскаго государства была результатомъ времени, слабости послѣднихъ Каролинговъ, а не открытой борьбы съ Нѣмцами, имѣвшей мѣсто, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, около 830 года.

Константинъ Багрянородный, разсыпавшій въ своемъ сочиненіи не мало несообразностей относительно древней исторіи Хорватскаго народа, введшій ими въ заблужденіе не мало довѣрчивыхъ изслѣдователей,—сослужилъ и на этотъ разъ печальную службу. Начертавъ упомянутую уже нами выше картину отношеній Франковъ къ Хорватамъ, онъ прибавляетъ, что Хорваты, выведенные изъ терпѣнія, взялись за оружіе и черезъ 7 лѣтъ упорной борьбы освободились отъ ихъ владычества. Это извѣстіе, не имѣющее ни внѣшней, ни внутренней достовѣрности, привело въ заблужденіе Шафа-

(1) Pertz, Monum. Germ. Script. I, 207.

рика, Ягича и др. Въ исторической наукѣ упорно держится убѣжденіе, что Хорватія, вскорѣ послѣ Борны, сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ. Изслѣдователи не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на молчаніе объ этомъ событіи Эйнгарда и другихъ современныхъ лѣтописцевъ. Отчего Эйнгардъ, такъ обстоятельно изложившій исторію возстанія Людевита, сталъ-бы умалчивать, если бы что нибудь подобное вскорѣ возникло среди далматинскихъ Хорватовъ? Эйнгардъ молчитъ потому, что не о чемъ было говорить, потому, что при немъ далматинскіе Хорваты и не думали бороться съ Франками. Предпріятіе Людевита не встрѣтили ни малѣйшаго сочувствія среди далматинскихъ Хорватовъ; стало быть они не имѣли повода тяготиться владычествомъ Франковъ. Какая же причина могла заставить ихъ однихъ безъ союзниковъ поднять кровавую семилѣтнюю борьбу? Если бы они имѣли основанія тяготиться зависимостью отъ Франковъ,—они не упустили-бы случая поднять возстаніе тогда, когда было больше шансовъ на успѣхъ, когда Людевитъ Посавскій еще побѣдоносно боролся съ силами цѣлой имперіи. Соединившись съ Посавскимъ княземъ, они, конечно, легче достигли бы своей цѣли. Если народъ не имѣлъ поводовъ возмущаться зависимостью отъ Франковъ, то еще менѣе способенъ былъ на это Владиславъ. Противъ подобнаго поведенія Владислава говоритъ унаслѣдованная отъ Борны политика, тѣсная связь съ Имперіей, совершенное въ ея интересахъ и съ его Владислава вѣдома убійство Людевита. Да и не на то, какъ мы увидимъ сейчасъ, было обращено вниманіе Хорватскихъ князей.

Восточный берегъ Адріатическаго моря съ прилежащами къ нему островами фактически находился въ власти Хорватовъ; частью западнаго владѣли Венеціанцы. Послѣдніе господствовали на Адріатическомъ морѣ; ихъ торговые корабли безпрепятственно ходили по всѣмъ направленіямъ. Когда Хорваты сплотились въ государственный союзъ и почувствовали свою силу, они обратили вниманіе на положеніе, занятое на Адріатическомъ морѣ Венеціей. Преемникъ Владислава, Моиславъ, первый сдѣлалъ попытку нанести ударъ морскому могуществу Венеціи. На Адріатическомъ морѣ стали являться не одни венеціанскіе корабли, но и хорватскіе. Послѣдніе не имѣли коммерческихъ цѣлей; ихъ экипажъ состоялъ изъ пиратовъ. Не разъ, со времени ихъ

появленія, корабли венеціанскихъ купцовъ возвращались домой ограбленными. Опасность скоро сдѣлалась на столько серьезной, что дожъ для устраненія ея долженъ былъ вступить въ переговоры съ Моиславомъ. Для этой цѣли онъ отправился лично въ Далмацію въ сопровожденіи значительной эскадры. Свиданіе правителей, по словамъ венеціанскаго хроникера, произошло въ мѣстечкѣ S. Martinus Curtis. Здѣсь былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго Моиславъ обязывался удерживать своихъ подданныхъ отъ нападеній на венеціанскія суда (¹). Обрадованный дожъ вернулся въ Венецію, но черезъ годъ ему снова пришлось имѣть дѣло съ Хорватами. Пираты не хотѣли знать никакихъ договоровъ и спокойно продолжали свое дѣло. Въ 840 г. дожъ съ небольшой эскадрой присталъ къ берегамъ Далмаціи и, высадившись на территорію, вступилъ въ борьбу съ какимъ-то Діуклитомъ, вѣроятно однимъ изъ приморскихъ жупановъ, промышлявшимъ разбоемъ (²). Исходъ борьбы былъ неудаченъ для Венеціи. Діуклитъ, вѣроятно, не остался безъ помощи Моислава. Положеніе, занятое Хорватами послѣ этого эпизода, сдѣлалось угрожающимъ. Безсильная бороться собственными силами противъ новаго врага, Венеція заключила союзъ съ своими мелкими сосѣдями. Въ 840 г., послѣ недавней неудачи дожа, союзъ былъ утвержденъ императоромъ Лотаремъ. Въ силу договора сосѣди Венеціи обязывались по приказанію императора въ случаѣ нужды выставить Венеціи морскую военную помощь. Договоръ былъ заключенъ на 5 лѣтъ (³). Хорватовъ не остановилъ и составленный противъ нихъ союзъ. Успѣхи сдѣлали ихъ болѣе предпріимчивыми. Въ 842 г. на Венеціанскую область было сдѣлано новое нападеніе; на этотъ разъ нападающіе опустошили цѣлый городъ (⁴). Замѣтимъ, что лѣтописецъ не называетъ нападавшихъ здѣсь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, прямо Хорватами; онъ говоритъ, что это было gens Slavorum. Мы позволяемъ себѣ думать, что это были Хор-

(¹) Andr. Dand. Chron. Venet. Murat. Scrp. r. Italic. T. XII, 175; Pertz. Monum. VII, 17.

(²) Andr. Dand. 175.

(³) Cod. diplom. docum. XL, p. 47.

(⁴) Murat. Andr. Dand. p. 177.

ваты, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ. За два года передъ этимъ Венеція заключила съ своими сосѣдями извѣстный договоръ на случай нападенія Хорватовъ и другихъ Славянскихъ пиратовъ. Если бы настоящее нападеніе было сдѣлано какими нибудь Неретванами, Венеція незамедлила бы наказать ихъ собственными средствами; между тѣмъ разрушеніе города прошло безнаказанно; ясно, что оно произведено было такими Славянами, съ которыми не только Венеціи, но и всему союзу было не подъ силу бороться, а такими были Хорваты. Около этого времени долженъ былъ начать правленіе Трпимиръ. При немъ, по словамъ Константина Багрянороднаго, Хорватія владѣла весьма значительными военными силами; она въ состояніи была выставить до 100 тысячъ пѣхоты, до 60 тысячъ конницы, 80 сагенъ и 100 кондуръ (въ сагенѣ помѣщалось 40 человѣкъ, въ большой кондурѣ 20, и въ малой 10 человѣкъ) (¹). Допустимъ, что эти цифры сильно преувеличены, но они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что могущество Хорватовъ при Трпимирѣ было весьма значительно. Весьма понятно по этому, что Венеція не рѣшалась вступить съ ними въ открытую борьбу. Дѣло объединенія Хорватовъ, начатое Борной, принесло такимъ образомъ блестящіе плоды. Черезъ какіе нибудь 20 лѣтъ Хорватія была уже относительно могущественнымъ государствомъ. Во внутренней жизни Хорватіи за эти 20 лѣтъ совершился также значительный переворотъ.

До Борны, какъ мы уже сказали, Хорватія дѣлилась на нѣсколько мелкихъ племенъ; въ главѣ ихъ стояли жупаны — племенные или родовые старѣйшины. Въ предѣлахъ своего племени или рода жупаны были и вождями, и судьями, и жрецами (въ языческій періодъ). Съ тѣхъ поръ, какъ, подъ покровительствомъ Нѣмцевъ, Борна образовалъ изъ Хорватіи государство, соединивъ подъ своей властью разрозненныя племена, значеніе жупановъ должно было клониться къ упадку. Тѣсныя сношенія съ Нѣмцами, знакомство съ строемъ ихъ государственной жизни, положеніемъ верховной власти должны были вести къ тому-же результату. Въ Трпимирѣ мы не узнаемъ уже Славянскаго князя съ весьма

(¹) Stritt. Op. cit. 396.

ограниченной сферой власти. Не называя еще себя королемъ, онъ тѣмъ не менѣе косвеннымъ образомъ намекаетъ на это. Онъ называетъ свою страну Хорватскимъ королевствомъ (regnum Croaroum) свою земельную собственность королевской (regale territorium) (¹). Трпиміра окружаетъ дворъ. Придворные чиновники—capellani, camerarii—принимаютъ участіе въ княжескомъ совѣтѣ наравнѣ съ жупанами (²). Этимъ ослаблялось значеніе жупановъ и усиливалась власть князя въ дѣлахъ внутренняго управленія. Жупаны были не собратья князя, аскорѣе его подданные и слуги. Союзъ съ церковью еще болѣе способствовалъ увеличенію значенія князя.

Чтобы упрочить свою власть, Трпиміръ подобно своему предшественнику Моиславу вступилъ въ дружескія отношенія съ духовенствомъ. Еще Моиславъ началъ строить церкви и предоставилъ высшему духовенству десятинный сборъ съ своихъ земель. Трпиміръ энергически продолжалъ начатое дѣло, не щадя для этаго средствъ. Когда у него не доставало денегъ, онъ занималъ у духовенства, предоставляя ему за это извѣстныя выгоды (³). Моиславъ первый понялъ, какое важное значеніе имѣетъ духовенство, союзъ между церковью и свѣтской властью: опираясь на церковь, князь пріобрѣталъ болѣе авторитета въ внутреннихъ дѣлахъ; предъ этимъ союзомъ должно было пасть значеніе жупановъ и князь становился единовластнымъ правителемъ страны. Трпиміръ пошелъ по его слѣдамъ, не щадя средствъ для того, чтобы привлечь на свою сторону представителей духовной власти. Была и другая причина, которая заставляла обоихъ правителей дорожить союзомъ духовенства.

Со времени Михаила Косноязычнаго далматинскіе города отложились отъ Византіи и составили самостоятельную федерацію (⁴). Весьма естественно, что у Моислава, а потомъ и у Трпиміра, возникла мысль скруглить границы Хорватіи и привлечь подъ свою власть эти города. Зару-

---

(¹) Cod. diplom. Docum. LIX; p. 45.

(²) Ibidem.

(³) По поводу подобнаго случая написана единственная дошедшая до насъ грамота Трпиміра.

(⁴) Stritter. Op. citat. p. 398.

читься для этой цѣли расположеніемъ высшаго духовенства, которое играло видную роль въ жизни этихъ городовъ, были дѣломъ далеко не лишнимъ. Расширеніе княжеской власти на счетъ жупановъ, пріобрѣтеніе далматинскихъ городовъ, господство или, по крайней мѣрѣ, прочное положеніе на Адріатическомъ морѣ—вотъ основные пункты программы, которую завѣщалъ Трпиміръ своимъ преемникамъ. Обстоятельства не позволили ближайшимъ преемникамъ Трпиміра осущесвить эту программу.

Сынъ Трпиміра *Крешиміръ* I правилъ недолго; еще менѣе его внукъ Міроставъ (857—861); его черезъ 4 года убилъ банъ Прибуня и хотѣлъ захватить власть въ свои руки (1). У Прибуни явились соперники: завязалась кровавая внутренняя борьба, которая значительно ослабила Хорватію. Прибунѣ неудалось осуществить своего замысла. Въ 864 г. мы встрѣчаемъ уже Хорватскимъ княземъ *Домогоя* (863—876) (2). Дѣла государства были сильно разстроены. Это ясно изъ внѣшнихъ отношеній Домогоя. Хорваты не переставали грабить Венеціанскихъ купцевъ, но на этотъ разъ не такъ счастливо. Въ 864 г. дожъ высадился на берегахъ Далмаціи. У Домогоя не было средствъ для борьбы съ нимъ и онъ отказался отъ сраженія. Убытки Венеціанцевъ были вознаграждены (чего никогда не было прежде) и между обѣими сторонами былъ заключенъ миръ. Дожъ получилъ заложниковъ и со славой вернулся въ Венецію (3). Домогой принялся приводить въ порядокъ разстроенныя дѣла государства. Замыслы Мѳислава и Трпиміра пришлась на время оставить. Въ жизни Хорватскаго народа явился новый факторъ, полагавшій начало новому порядку вещей, факторъ, съ которымъ долженъ былъ съ этихъ поръ считаться всякій Хорватскій князь.

Въ правленіе Домогоя въ сосѣдней съ Хорватіей Панноніи Коцеля раздалась проповѣдь Кирилла и Меѳодія. Отсюда она перешла и къ Хорватамъ. Есть предположеніе, что Славянскіе апостолы сями положили начало національному культу въ Хорватіи. Въ время перваго путешествія въ

(1) Ibidem. p. 394.
(2) Andr. Dandolo. p. 182.
(3) Ibidem.

Римъ, Кириллъ и Меѳодій, идя къ Адріатическому морю, избрали путь, ведшій чрезъ Хорватію. Въ Хорватіи есть мѣстности, названія которыхъ свидѣтельствуютъ объ издревлѣ оказываемомъ уваженіи св. мученику Клименту, мощи котораго апостолы несли въ Римъ. Во время втораго путешествія одного Меѳодія въ Римъ, въ 870 году, нетолько сѣверная, но уже вся далматинская Хорватія познакомилась съ трудами апостоловъ. Меѳодій, возвращаясь изъ путешествія, самъ завернулъ въ Далмацію къ Хорватамъ. При Домогоѣ такимъ образомъ Славянская проповѣдь проникла къ Хорватамъ (1). Славянская народность пріобрѣла себѣ духовную опору. Римско-Далматинская церковь пошатнулась въ своемъ основаніи и союзъ съ ней не представлялъ уже прежнихъ выгодъ, да и тѣ мотивы, которые руководили отношеніями къ ней Моислава и Трпиміра не имѣли уже мѣста.

На престолъ Византійскихъ цезарей вступилъ энергическій Василій Македонянинъ. Онъ поставилъ своей задачей возстановить минувшій блескъ Византійской Имперіи и возвратить ей прежнее политическое значеніе. Около 870 г. онъ подчинилъ себѣ Далматинскіе города и острова. Подчиненіе это совершилось очень легко. Не будучи въ состояніи справиться съ Сарацинами, около этого времени часто нападавшими на нихъ, далматинскіе города, вѣроятно, добровольно отдались подъ покровительство Византіи, признавъ надъ собой ея верховную власть. Въ тоже время Василій сдѣлалъ попытку подчинить себѣ и Хорватовъ, находившихся еще номинально подъ властью Каролинговъ. Византійскій флотъ сдѣлалъ на нихъ нападеніе въ то время, какъ главная сила ихъ находилась въ составѣ войскъ, осаждавшихъ Баръ (2). Василій дѣйствовалъ на этотъ разъ не особенно рѣшительно. Онъ боялся открытаго посягательства на права Каролинговъ, но уже въ этой попыткѣ его планы обнаружились: ясно было, что онъ рѣшилъ тѣмъ или другимъ способомъ подчинить себѣ Хорватовъ. Домогой не думалъ между тѣмъ ни о какихъ отношеніяхъ съ Византіей. Всѣ его помыслы были направлены къ тому, чтобы отмстить Венеціи за недавнее униженіе. Договоръ 864 г. утратилъ

(1) Ягичъ. Op. cit. p. 48—49.
(2) Cod. diplom. doc. LXVII, p. 53—55.

уже свою силу. Въ 873 г. папа уговаривалъ Домогоя унять морскихъ разбойниковъ, которые отъ его имени нападаютъ на Христіанъ и этимъ чернятъ его репутацію. ([1]) Отвѣтъ Домогоя на эти увѣщанія не замедлилъ послѣдовать. Въ 874 году Хорваты внезапно напали на Истрію, разрушили 4 города и ограбили церкви. Дожъ Венеціи отправился въ погоню за разбойниками, настигъ и побѣдилъ ихъ въ морской схваткѣ. Хорваты возвратили захваченное и обязались не нападать на венеціанскія владѣнія ([2]). Предпріятіе не удалось и было послѣднимъ въ правленіе Домогоя. Около 879 г. онъ умеръ.

Домогой оставилъ послѣ себя сыновей: Илика, Бонно, Иника; одинъ изъ нихъ долженъ былъ сдѣлаться Хорватскимъ княземъ,—но со смертью Мирослава не прекратилось потомство Трпиміра. Члены этой фамиліи смотрѣли на Домогоя, какъ на узурпатора, и ждали благопріятнаго момента, чтобы возвратить утраченную власть надъ Хорватіей. Этимъ воспользовался Византійскій императоръ для того, чтобы подчинить себѣ Хорватію. При помощи его одинъ изъ членовъ фамиліи Трпиміра *Здѣславъ* (877—879) овладѣлъ Хорватскимъ престоломъ, умертвивъ предварительно дѣтей Домогоя ([3]) Въ благодарность за оказанную услугу, Здѣславъ подчинилъ Хорватію верховной власти Византіи. Зависимость отъ Франковъ прекратилась. Василій, чтобы обезпечить за собой вѣрность Здѣслава, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы далматинскіе города отнынѣ платили Хорватскому князю тѣ деньги, которыя они прежде обязаны были вносить Византійскому стратигу. По этому распоряженію Сплитъ платилъ Хорватскому правителю 200 золотыхъ монетъ, Цара 110, Трогиръ, Осоръ, Рабъ, и Велья по 100 ([4]). Первенствующее положеніе въ Далмаціи оффиціально присвоялось теперь Хорватамъ, а не Латинцамъ. Событія не замедлили оправдать это не въ одной политической, но и въ духовно-религіозной сферѣ.

([1]) Ibidem, docum. LXIX, p. 56.
([2]) Andr. Dandolo, p. 186.
([3]) Ibidem, p. 187.
([4]) Stritt. Op. cit. p. 398.

Крещеніе Хорватовъ въ VII вѣкѣ не было окончательнымъ. Принявши зависимость отъ Византіи, они хотѣли скрѣпить это возстановленіе государственнаго союза посредствомъ окончательнаго принятія Христіанства. На этотъ разъ не римскіе, а греко-славянскіе священники крестили Хорватовъ. Политическое подчиненіе Хорватовъ Византіи совпало съ церковнымъ разрывомъ, послѣдовавшимъ послѣ собора 870 года. Константинопольскій патріархъ задумалъ подчинить своей власти всѣхъ тѣхъ подданныхъ Византійскаго императора, которые находились въ церковной зависимости отъ Рима, и не могъ допустить, чтобы Хорваты принадлежали Западной Церкви. Поэтому крестить Хорватовъ были посланы священники изъ Византіи ([1]). Во второй разъ такимъ образомъ Хорваты были крещены по восточному обряду и признали церковную зависимость отъ Константинопольскаго патріарха. Далматинскіе епископы, отдѣленные теперь отъ своей Хорватской паствы принадлежностью къ Римской церкви, чтобы удержать ее за собой, признали также своимъ главой Константинопольскаго патріарха. Въ лонѣ Восточной церкви національному культу открывалась широкая дорога. Въ первый и единственный разъ въ своей исторической жизни Хорваты выступили на правильный путь развитія.

Считаясь подданными Византіи, они были въ сущности самостоятельны (даже эта слабая зависимость не могла быть продолжительной). Далматинскій вопросъ рѣшался лучшимъ образомъ въ пользу Хорватовъ; они теперь-же получили дань съ Далматинскихъ городовъ; въ недалекомъ будущемъ представлялась возможность окончательнаго подчиненія этихъ городовъ власти Хорватскаго князя на извѣстныхъ вассальныхъ условіяхъ,—подчиненія, гарантированнаго Византійскимъ правительствомъ. За Хорватами обезпечивался національный культъ, пропагандируемый тѣмъ-же правительствомъ и церковью,—и этому культу не могли препятствовать далматическіе епископы, потому что онъ находился подъ покровительствомъ ихъ главы — Константинопольскаго патріарха. Слитіе далматинскихъ городовъ съ Хорватіей представлялось такимъ образомъ весьма прочнымъ, потому что между обѣими

([1]) Stritter. Op. cit. p. 398.

сторонами были улажены и политическія и религіозныя отношенія. Но счастливой будущности Хорватскаго государства былъ нанесенъ ударъ въ самомъ зародышѣ его. Правленіе Здѣслава продолжалось только около полутора лѣтъ. Нѣкто *Бранимiръ* (879—892) умертвилъ его и овладѣлъ Хорватскимъ престоломъ (¹). Хорватія сошла съ дороги, на которую только что стала. Церковная борьба между Римомъ и Византіей въ это время была въ полномъ разгарѣ. Римъ не щадилъ никакихъ средствъ для того, чтобы привлечь на свою сторону Славянъ. Честолюбивову діакону Θеодосію пришла въ голову несчастная мысль воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы подъ покровительствомъ Римской церкви положить начало національной Хорватской епископіи (съ сохраненіемъ славянскаго культа). Съ этой цѣлью онъ уговорилъ Бранимiра отложиться отъ Византіи и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніи. Бранимiръ согласился на это тѣмъ охотнѣе, что опасался мести императора за убійство Здѣслава. Тотчасъ же отъ обоихъ были отправлены письма къ папѣ съ извѣстіемъ объ обращеніи Хорватовъ въ лоно Римской церкви. Папа съ восторгомъ принялъ эту вѣсть и одно за другимъ отправилъ въ Хорватію три письма: одно Θеодосію, два Бранимiру (²). Онъ выражаетъ въ нихъ свою радость по поводу обращенія Хорватовъ и уговариваетъ Бранимiра быть твердымъ въ принятомъ рѣшеніи. Наибольшій интересъ имѣетъ письмо папы къ Θеодосію. Папа увѣщеваетъ его, чтобы онъ не обращался въ какую нибудь другую сторону за епископскимъ титуломъ, а принялъ его непосредственно изъ рукъ Римскаго первосвященника, главы всѣхъ церквей Божіихъ (³). Θеодосій безпрепятственно получилъ желаемый титулъ: возникла національная Хорватская епископія. Національный культъ составлялъ ея душу. Іоаннъ VIII, по извѣстнымъ разсчетамъ оказавшій покровительство Славянскому богослуженію въ Панноніи, не ставилъ ему препятствій и въ Далмаціи. На первый взглядъ кажется, что положеніе Хорватіи какъ будто не измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, которое она занимала при Здѣславѣ; получивши церковную самостоятельность, она какъ будто даже выиграла. Въ дѣй-

(¹) Dandolo. p. 187.
(²) Cod. Diplom. docum. LXXIV—LXXVI, p. 59—61.
(³) Ibidem.

ствительности этотъ выигрышъ былъ только случайный, временный, скорѣе призрачный, чѣмъ дѣйствительный; онъ зависѣлъ исключительно отъ личныхъ отношеній папы къ Славянству. Печальныя послѣдствія поступка Бранимiра не замедлили обнаружиться тотчасъ-же послѣ смерти Іоанна VIII.

Почти непосредственно за Хорватами къ Римской Церкви возвратились и далматинскіе города. Во время пребыванія ихъ подъ властью Константинопольскаго патріарха далматинскіе епископы лишались своей славянской паствы, которая съ согласія Рима учредила у себя народное епископство. Это отторженіе Славянъ было весьма чувствительнымъ ударомъ для далматинскихъ епископовъ, которые увидѣли свое господство стѣсненнымъ исключительно въ стѣнахъ городовъ. Перешедши теперь къ Риму, эти епископы пожелали возвратить себѣ утраченную паству; но между ними и этой паствой стала Нинская епископія. Начиная съ Θеодосія, Нинскій епископъ начинаетъ все болѣе и болѣе считаться главой всей Хорватской Церкви; въ силу этого онъ заступается за всяческія права Хорватскаго народа и въ особенности за дорогое для него славянское богослуженіе. Это богослуженіе составляло нравственную связь всего Хорватскаго народа съ Нинской епископіей, краеугольный камень церковной самостоятельности Хорватовъ. Θеодосій не ограничивался предѣлами своей епископіи и вмѣшивался въ церковныя дѣла всего Хорватскаго народа, всюду защищая и оправдывая Славянство. Уничтожить славянское богослуженіе, раздѣлившее въ церковномъ отношеніи Хорватовъ отъ Латинянъ, сократить до возможнаго минимума, если не вовсе уничтожить, предѣлы Нинской епископіи, подчинить ее Сплиту—вотъ единственный выходъ, который представлялся далматинскому духовенству изъ положенія, созданнаго Θеодосіемъ. Только при этихъ условіяхъ возможно было возвратить Славянскую паству. Отсюда возникаетъ вѣковая борьба Нина съ Сплитомъ. Она началась при преемникѣ Іоанна VIII, Стефанѣ VI. По жалобѣ далматинскихъ епископовъ онъ прислалъ Θеодосію письмо, въ которомъ приказывалъ не выходить изъ предѣловъ своей епископіи и не стремиться слишкомъ высоко, то есть не считать себя духовнымъ главой всего Хорватскаго народа [1]. Положеніе

(1) Ягичъ. Op. cit. p. 53.

папы опредѣлилось ясно; мечта Θеодосія, на исполненіе которой, можетъ быть, противъ желанія согласился Іоаннъ VIII, встрѣтила сопротивленіе въ его преемникѣ. Стефанъ VI подался на сторону далматинскихъ епископовъ и не допускалъ уже того, чтобы Нинскій епископъ былъ церковнымъ главою всѣхъ Хорватовъ. Была еще власть, которую слѣдовало привлечь на свою сторону далматинскимъ епископамъ—эти были Хорватскіе князья.

Въ виду постоянно усиливавшагося могущества ихъ, можно было опасаться, чтобы они не вздумали увеличить число хорватскихъ епископовъ. Увеличенные численно хорватскіе епископы могли при содѣйствіи князей отнять у далматинскихъ епископовъ всю Хорватію и сдѣлать ее независимой отъ Сплитской церкви, а потомъ, избравши одного изъ своей среды, выставить его кандидатомъ на митрополитскую каѳедру, объ утвержденіи которой стали бы ходатайствовать предъ папой Хорватскіе князья. Привлечь Браниміра не было нужды, потому что онъ, находясь въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Нинскимъ епископомъ, конечно не измѣнилъ бы ему. Но Браниміръ вскорѣ умеръ. Его преемникомъ сдѣлался *Мутиміръ* (892—914), называвшій себя въ граматахъ сыномъ Трпиміра. Новый князь, не принимавшій участія въ переворотахъ, которые произошли предъ его вступленіемъ на престолъ въ исторіи Хорватскаго народа, обратился къ давно забытой политической программѣ Трпиміра. Сущность этой программы, какъ мы знаемъ, состояла въ томъ, чтобы при содѣйствіи могущественнаго далматинскаго духовенства расширить предѣлы княжеской власти на счетъ власти жупановъ и образовать изъ Хорватіи и Далмаціи (т. е. приморскихъ городовъ) одно государственное цѣлое. Сообразуясь съ этой политикой онъ на первыхъ-же порахъ сталъ на сторону Сплита въ распрѣ, которая произошла между этимъ послѣднимъ и Ниномъ.

Преемникъ Θеодосія, Нинскій епископъ Альфредъ вступилъ въ открытую борьбу съ Сплитскимъ митрополитомъ изъ за церковныхъ владѣній; предметомъ спора были земли, пожертвованныя Сплитской церкви Трпиміромъ. Нинскій епископъ старался присвоить ихъ на томъ основаніи, что онѣ даны были Сплитскому архіепископу только въ временное пользованіе для уплаты долга. Сплитскій архіепископъ утверждалъ, напротивъ, что онѣ отданы по завѣ-

щанію Трпиміра въ вѣчную собственность Сплитской церкви. Споръ былъ предоставленъ рѣшенію князя; онъ рѣшилъ его въ пользу Сплитскаго архіепископа и, какъ кажется, не безпристрастно, потому что Нинскій епископъ былъ правъ: время пользованія спорными землями въ граматѣ Трпиміра было ограничено singulis annis. Какъ ни маловаженъ кажется съ перваго взгляда этотъ фактъ, изъ него вытекаютъ однако два весьма важныхъ заключенія: 1) Нинъ открыто враждовалъ съ Сплитомъ и 2) не встрѣчалъ при этомъ поддержки со стороны свѣтской власти. Въ рѣшительный моментъ, когда дѣлу Ѳеодосія нужна была энергическая поддержка, когда Нинская епископія и князь должны были слиться въ одномъ общемъ стремленіи и сообща рѣшить задачу церковной самостоятельности Хорватіи, князь всталъ на сторону противниковъ славянской народности. Слабыя стороны плана Ѳеодосія опредѣлились теперь-же, но худшее было еще впереди.

Равнодушный къ вопросамъ церковнымъ, Мутиміръ главное вниманіе свое обратилъ на вопросы государственные. Событія до извѣстной степени оправдывали его политику.— Послѣ героическаго возстанія Людевита, Посавскіе Хорваты остались подъ владычествомъ Франковъ. Черезъ полстолѣтія послѣ этого, государство, созданное Борной, пріобрѣло политическую самостоятельность, но князья Посавской Панноніи въ теченіе всего X вѣка были вѣрными слугами Каролинговъ. Послѣднимъ изъ нихъ былъ, какъ кажется, Браславонъ, упоминаемый въ Фульдскихъ анналахъ подъ 896 годомъ (1). Въ 900 году въ сосѣдней Панноніи и Хорутаніи появилось воинственное Мадьярское племя и нанесло первый ударъ владычеству Королинговъ въ этихъ странахъ, затѣмъ въ 907 г. въ битвѣ при Пресбургѣ уничтожило его окончательно. Теперь и Посавскимъ Хорватамъ представилась возможность свергнуть съ себя нѣмецкое владычество и они не замедлили, вѣроятно, этимъ воспользоваться. Зависимость отъ Нѣмцевъ прекратилась, но въ перспективѣ предстояла другая, быть можетъ, болѣе тяжелая: Посавцы рисковали сдѣлаться добычей Мадьяръ. Хорватскому кня-

---

(1) Pertz. Monum. T. I, 417.

зю представлялась возможность воспользоваться этимъ положеніемъ Посавцевъ для того, чтобы подчинить ихъ своей власти. Не менѣе важны были событія, происходившія на юго-востокѣ Хорватіи.

За 4 года предъ Мутиміромъ на Болгарскій престолъ вступилъ знаменитый Симеонъ. Съ перваго же года его правленія открылась борьба Болгаріи съ Византіей, длившаяся съ промежутками во все правленіе Симеона. Геніальный князь оцѣнилъ быстро то значеніе, которое могутъ имѣть въ этой борьбѣ маленькія Сербскія племена, находившіяся у него въ тылу. Онъ вступилъ въ дружескія отношенія съ Михаиломъ Захлумскимъ и Сербскимъ княземъ, но подъ личиной этихъ отношеній скрывались другіе планы. Со времени возникновенія этихъ отношеній дѣлами Сербіи въ сущности распоряжался Болгарскій, а не Сербскій князь. Та-же участь при извѣстныхъ условіяхъ могла ожидать и Хорватію; только опасность для послѣдней была сильнѣе, потому что Хорватскіе князья, подобно Болгарскимъ, вмѣшивались во внутреннія дѣла Сербіи, давая у себя пріютъ неудачнымъ претендентамъ на княжескую власть въ Сербіи, претендентамъ, которые потомъ возвращались въ Сербію и снова затѣвали борьбу. Мутиміръ понялъ стремленія Симеона и точно опредѣлилъ свои отношенія къ возраставшему могуществу Болгаріи.

Мы видѣли, что тѣсныя отношенія съ Франками познакомили Хорватскихъ князей съ римско-германскими формами государственнаго управленія. Непосредственнымъ результатомъ этаго знакомства было то, что уже при Трпимірѣ значеніе жупановъ стала ослабѣвать, а княжеская власть разширила свои предѣлы. Въ промежутокъ времени между Трпиміромъ и Мутиміромъ жупанство падало болѣе и болѣе; могущественные и независимые жупаны былаго времени снизошли до степени простыхъ придворныхъ. Жупаны при Мутимірѣ завѣдывали княжескими имѣніями, состояли въ штатѣ его супруги, были его постельниками, щитоношами, оруженосцами и конюшими (¹). Но при этомъ внутреннемъ ростѣ княжеской власти Хорватскій князь все еще не могъ называться самостоятельнымъ государемъ. Первые князья из-

(¹) Cod. diplom. docum. LXXXVII, p. 37.

бирались народомъ, но избраніе получало силу только послѣ утвержденія со стороны германскаго императора. Еще Трпиміръ признавалъ надъ собой номинальную власть императора. Со времени Здѣслава во внутреннія дѣла Хорватіи вмѣшалась Византія; Браниміръ искалъ себѣ поддержки въ Римѣ. Мутиміръ рѣшился положить конецъ этому неопредѣленному положенію Хорватіи. Онъ первый объявилъ себя Хорватскимъ княземъ Dei gratia ([1]). Это значитъ, что отсюда Хорватія вполнѣ самостоятельное государство, ея князь получаетъ свою власть не какъ вассалъ изъ рукъ Германскаго или Византійскаго императора, а изъ рукъ народа, освященную Богомъ. Сдѣлавъ этотъ шагъ, Мутиміръ выяснилъ и свои отношенія къ Болгаріи: какова бы ни была судьба Болгаріи, какое бы вліяніе не пріобрѣла она на внутреннія дѣла Сербскихъ племенъ,—Хорватскій князь, какъ самостоятельный государь, не допуститъ ея вмѣшательства въ дѣла своего государства, въ направленіе своей внѣшней политики и съумѣетъ при случаѣ отстоять свои права. Преемникъ Мутиміра пошелъ по его слѣдамъ. Томиславъ (914—940 г.) принадлежитъ къ числу лучшихъ людей Хорватской исторіи. Онъ прекрасно выполнилъ то, что было начато Мутиміромъ, и довелъ Хорватію до высокой степени могущества. Его первымъ дѣломъ было, какъ кажется, присоединеніе къ Хорватіи Посавскихъ земель. Мы видѣли, въ какомъ положеніи находились эти земли при Мутимірѣ. Томиславъ воспользовался этимъ положеніемъ какъ нельзя лучше и послѣ трехвѣковой разрозненности далматинскіе и посавскіе Хорваты составили одно политическое цѣлое, сплотились въ одинъ народъ ([2]). Вслѣдъ затѣмъ, по мнѣнію большинства изслѣдователей, Томиславъ овладѣлъ западной частью Босны ([3]). Границы Хорватскаго государства на сѣверо-востокѣ шли теперь уже по Дравѣ; на востокъ со стороны Босны Хорваты граничали съ Сербами. Чтобъ закончить дѣло образованія Хорватскаго государства, Томиславу предстояло еще рѣшить вопросъ, занимавшій уже Моислава

([1]) Ibidem, p. 72.

([2]) Rački думаетъ что при этомъ не обошлось безъ кроваваго столкновенія съ Мадьярами (Rad. jug. acad. XXV, 84).

([3]) Rački l. c. Дриновъ. Византія и Юж. Слав. въ X в., p. 46.

и Трпиміра—подчинить своей власти приморскіе далматинскіе города. Это дѣло при Здѣславѣ встало было на правильную дорогу, но дальнѣйшія событія воспрепятствовали его развитію. При Томиславѣ отношенія приморскихъ городовъ къ Хорватіи могли ограничиваться только положенной данью, да и то едва-ли имѣло мѣсто при отношеніяхъ, возникшихъ между Хорватіей и Византіей по смерти Здѣслава. Средства для рѣшенія вопроса о далматинскихъ городахъ Томиславъ нашелъ въ политическихъ обстоятельствахъ своего времени.

Въ то время, какъ Томиславъ занятъ былъ расширеніемъ своего государства въ сѣверномъ и восточномъ направленіяхъ, между Болгаріей и Византіей вспыхнула энергическая борьба. Въ теченіе 7 лѣтъ, начиная съ 913 года, Симеонъ Болгарскій держалъ въ постоянномъ напряженіи всѣ силы Византійской имперіи. Каждую минуту она готова была рухнуть подъ напоромъ могущественнаго славянскаго князя. Въ годъ восшествія на престолъ Романа Лакапена (919), войска Симеона находились въ виду Константинополя, на берегу Дарданельскаго пролива. Болгарскій царь протягивалъ руку за короной Византійскихъ императоровъ; изъ Византійскихъ владѣній и Болгаріи онъ хотѣлъ образовать могущественное Славянское государство. Слабость Византіи давала надежду на исполненіе этой грандіозной мечты, а осуществленіе ея означало послѣдній часъ самостоятельнаго существованія Сербіи и Хорватіи: обѣ страны номинально входили въ составъ владѣній Византійской имперіи. Симеонъ не преминулъ бы предъявить на нихъ свои права. Сербія фактически была уже въ рукахъ Симеона; очередь оставалась за Хорватіей. Отношенія Томислава къ Болгаріи опредѣлились; онъ долженъ былъ стать на сторону враговъ Симеона, всѣми силами противиться исполненію его плановъ. Въ этомъ стремленіи онъ сошелся съ Византійскимъ императоромъ и папой, вступившими между собой въ союзъ. Романъ Лакапенъ, послѣ неудачныхъ переговоровъ о мирѣ съ Симеономъ, рѣшился испытать послѣднее, повидимому, весьма сомнительное средство. На сѣверо-западъ отъ Болгаріи жили Сербы, Захумляне, Травуняне, Дукляне и другіе такъ называемые южно-далматинскіе Славяне. Всѣ они или находились прямой зависимости отъ Симеона или были

съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ (¹). Романъ задумалъ привлечь ихъ на свою сторону и составить маленькую коалицію, значеніе которой заключалось бы въ томъ, чтобы отвлечь отъ Византійской столицы вниманіе Симеона. Первымъ перешелъ на его сторону князь Сербскій Захарія (²), за нимъ правитель Захлумья Михаилъ (³). Весьма видное мѣсто въ этомъ формирующемся антиболгарскомъ союзѣ долженъ былъ-бы занимать могущественный Хорватскій князь, если бы только удалось заручиться его участіемъ. Томиславъ не отказался отъ союза, который былъ, какъ мы уже говорили, и въ его интересахъ, но потребовалъ въ вознагражденіе себѣ далматинскіе города, признавшіе въ это время верховную власть Византіи. Романъ уступилъ. Это видно изъ того, что около 925 года Томиславъ былъ уже проконсуломъ Далмаціи (⁴), а между 925 и 927 гг. онъ воевалъ съ Симеономъ (⁵). Непосредственно вслѣдъ за подчиненіемъ далматинскихъ городовъ Хорватское княжество превращается въ королевство. Мутиміръ былъ уже королемъ, только безъ титула. Томиславъ закончилъ то, что началъ Мутиміръ: онъ воспользовался своимъ могуществомъ и современными политическими обстоятельствами для того, чтобы провозгласить себя королемъ. Византійскій императоръ, старавшійся привлечь его на свою сторону, не могъ въ этомъ случаѣ оказать ему ни малѣйшаго сопротивленія; при ничтожномъ поползновеніи въ подобномъ родѣ онъ рисковалъ потерять выгоднаго союзника. Папа, который не задолго предъ этимъ вступилъ въ дружескія отношенія съ Византійскимъ императоромъ, также не могъ не признать за Томиславомъ этаго титула: 1) потому, что онъ имѣлъ на него полное право, какъ могущественный государь: 2) потому что признаніе за Хорватскимъ княземъ королевскаго титула было „conditio, sine qua non“ его союза съ Византі-

---

(¹) Дриновъ I. c.

(²) De admin. imp. c. 32. Stritter. Op. cit., p. 157.

(³) О предшествовавшихъ отношеніяхъ Михаила къ Болгаріи см. Pertz. VII, 23; Murat. XII, 198.

(⁴) «Consulato peragente in provincia Croatorum et Dalmatiarum finibus Tamislao rege» Cod. diplom, docum. XCII, p. 72.

(⁵) Stritter. Op. cit. p. 399.

ей. Письмо папы, писанное къ Томиславу около 925 года, доказываетъ, что разсчетъ Хорватскаго князя былъ вѣренъ: папа призналъ его королемъ. Положеніе, занятое Томиславомъ относительно Византіи, доставило ему такимъ образомъ двѣ выгоды: предоставило въ его распоряженіе (только на условіяхъ признанія верховной власти Византіи) далматинскіе города и облегчило возможность добыть королевскую корону. Но за эти выгоды пришлось вскорѣ расплачиваться. Антиболгарская коалиція, къ которой примкнулъ Томиславъ, открыла свои дѣйствія. Симеонъ отправилъ въ Сербію войско для наказанія измѣнившаго ему Захаріи, но этотъ послѣдній разбилъ и уничтожилъ посланный противъ него отрядъ; головы и оружіе болгарскихъ вождей были отправлены въ Константинополь, какъ доказательство одержанной побѣды (²). Въ это время Симеонъ находился недалеко отъ Византіи. Теперь только, когда онъ узналъ о судьбѣ своего войска, а также и о томъ, что на сторону Грековъ перешли Захумляне и Хорваты, онъ понялъ размѣры угрожавшей ему опасности. Оставивши на время въ покоѣ Византію, онъ рѣшился однимъ ударомъ сломить составленный противъ него союзъ и потомъ уже, обезпечивши за собой тылъ, двинуться на Византію. Въ концѣ 924 г., подъ предлогомъ возведенія на Сербскій престолъ Чеслава, Болгарское войско двинулось въ Сербію. При извѣстіи о приближеніи Болгаръ, Захарія бѣжалъ въ Хорватію къ своему союзнику Томиславу. Вѣроломно захвативъ въ свои руки жупановъ, Болгары вступили въ Сербію, стали забирать Сербскій народъ отъ малаго до великаго и отводить въ Болгарію. Сербія опустѣла. Остатки населенія, спасшіеся отъ Болгаръ, бѣжали въ Хорватію (³). Судьба Сербіи показываетъ, что Симеонъ хотѣлъ не ослабить только, а уничтожить, стереть съ лица земли тотъ союзъ, который составила противъ него Византія. Съ такой же цѣлью одновременно, по нашему мнѣнію, былъ посланъ въ Хорватію Болгарскій воевода Алоботуръ съ значительнымъ войскомъ (⁴). Здѣсь

(¹) Stritter. Op. cit. p. 157.
(²) «Victoriae partae signa». Ibidem.
(³) Ibidem, p. 158.
(⁴) Ibidem, p. 199. По другимъ извѣстіямъ самъ Симеонъ ходилъ въ Хорватію (ibid. p. 602, § 113, L.).

Симеону привелось встрѣтить энергическій отпоръ и въ первый разъ въ своей жизни испытать неудачу. Томиславъ былъ на готовѣ и окончательно уничтожилъ отрядъ Алоботура при вступленіи его въ Хорватію. Это событіе относятъ къ 27 мая 927 года (1), но намъ кажется заслуживающимъ болѣе довѣрія предположеніе Дринова, что оно произошло около 925 года (2). Симеонъ торопился уничтожить союзъ, чтобы снова начать враждебныя дѣйствія противъ Византіи. Это доказывается и судьбой, постигшей его войско въ Хорватіи; въ торопяхъ Симеонъ очевидно разсчиталъ дурно силы Хорватовъ, чего онъ не сдѣлалъ бы при болѣе медленныхъ операціяхъ. Томиславъ съ торжествомъ вышелъ изъ неравной борьбы; надолго-ли, увидимъ мы далѣе. Другое событіе, имѣвшее чрезвычайно важныя послѣдствія для внутренней жизни Хорватскаго народа, отвлекло его вниманіе отъ внѣшней политики; мы говоримъ о Сплитскомъ соборѣ 925 года.

Перешедши къ Риму изъ подъ власти константинопольскаго патріарха около 880 г. далматинскіе епископы пожелали возвратить утраченныя, благодаря возникновенію Нинской епископіи, права на славянскую паству. При этомъ они встрѣтили одно весьма важное препятствіе: въ Хорватіи распространилось славянское богослуженіе. Нинскіе епископы, начиная съ Ѳеодосія, оказываютъ ему энергическое содѣйствіе. Понятны причины, заставлявшія ихъ поступать такимъ образомъ. Они знали, что далматинскіе епископы всегда будутъ враждебно относиться къ непонятному для нихъ и чуждому славянскому богослуженію, знали, что народъ, обѣгая поэтому латинскихъ епископовъ, будетъ всегда обращаться съ своими духовными нуждами къ покровителямъ Славянства—Нинскимъ епископамъ. Солидарность съ народомъ для Нинскихъ или, лучше сказать, Хорватскихъ епископовъ была лучшимъ средствомъ для объединенія всего Хорватскаго народа по ихъ властью и для достиженія церковной самостоятельности (3).

---

(1) «Maji mensis die 27 indict. 15» ibidem. p. 602.

(2) Дриновъ. Op. cit. p. 54.

(3) Обыкновенно говорятъ о самостоятельности основанной или, можетъ быть, вѣрнѣе возобновленной Іоанномъ VIII нинской епископіи.

Далматинскіе епископы превосходно поняли значеніе Славянскаго богослуженія и начали противъ него энерги-

---

На самомъ дѣлѣ она не была такой. Ея самостоятельности не признавали ни папы, начиная съ Іоанна VIII, ни далматинское духовенство. Самостоятельность нинской епископіи была не фактомъ, а цѣлью, къ которой стремились ея представители. «Toto corde, totaque voluntate ad gremium sedis apostolicae, unde antecessores tui divinae legis dogmata melliflua cum sacrae institutionis forma, summique sacerdotii honore sumpserunt, redeas; quatenus et ipse ab apostolica sede, quae caput et magistra est omnium ecclesiarum dei, episcopalem consecrationem per nostrae manus impositionem, Christo annuente, percipias»,—читаемъ мы въ письмѣ Іоанна VIII къ Ѳеодосію (cod. dipl. docum. LXXX, p. 61). Смыслъ этихъ строкъ тотъ, что папа самъ желаетъ посвятить Ѳеодосія въ епископы; на этомъ основаніи построена гипотеза о самостоятельности Нинской Церкви. При этомъ не принимаютъ во вниманіе того, что папа не могъ поступить иначе, такъ какъ сплитскій архіепископъ, могшій замѣнить его въ этомъ случаѣ, находился подъ властью константинопольскаго патріарха. Имѣлъ-ли право всякій нинскій епископъ считать только папу своимъ непосредственнымъ главою, изъ текста письма заключить нельзя. Уже въ этомъ письмѣ глухо упоминается, что права эти были ограничены и не простиралась на всю Хорватскую землю. Стефанъ VI упрекаетъ Ѳеодосія за то, что онъ выходитъ изъ предѣловъ установленной власти, вмѣшивается въ церковныя дѣла хорватскаго народа внѣ своей епископіи и стремится слишкомъ высоко. Ни Іоаннъ VIII, ни Стефанъ VI не говорятъ, впрочемъ, въ какомъ положеніи находилась нинская епископія въ древности. Изъ одного мѣста грамоты Трпиміра видно, что нинская епископія, если она тогда существовала, находилась подъ властью сплитскаго архіепископа: «(Salonitanae ecclesiae) quae est metropolis usque ad ripam Danubii et paene per totum regnum Croatorum (Cod. diplom. docum. LIX. p. 46)». Вотъ къ этому то очевидно statu quo ante, приводило нинскую епископію распоряженіе Іоанна VIII. Что курія признавала нинскаго епископа зависимымъ отъ Сплитскаго архіепископа, видно изъ того, что Іоаннъ VIII въ письмѣ къ архіепископу Іоанну и его «suffraganeis episcopis» помѣщаетъ въ числѣ ихъ и Григорія (Cod. diplom. docum. XCI, p. 71). Наконецъ, взглядъ куріи на нинскую епископію лучше всего выражаетъ Левъ VI, говоря, что нинскій епископъ (Григорій) только «probitate (по другому чтенію necessitate) temporum in Croatorum terra effectus est» долженъ ограничиться предѣлами Скадронской Церкви (Cod. diplom. docum. XCIII, p. 82). Что касается далматинскаго духовенства, то оно, очевидно, еще менѣе папъ признавало самостоятельность нинской епископіи. Дѣйствія Григорія въ отношеніи сплитскаго архіепископа признавались незаконными; говорили, что Григорій отказываетъ ему въ должномъ

ческую борьбу. Уже Ѳеодосія, какъ мы знаемъ, папа упрекалъ за то, что онъ всюду оправдывалъ и защищалъ Славянство. Какъ относился къ этому дѣлу преемникъ его Альфредъ, неизвѣстно; нужно думать, впрочемъ, что и онъ не уклонился отъ Ѳеодосія. Самого энергическаго защитника славянское богослуженіе нашло въ лицѣ современника Томислава—Григорія. Во всю жизнь свою энергическій епископъ боролся за двѣ дорогія для него задачи: распро-спространеніе и свободу славянскаго богослуженія въ Хорватіи и независимость Нинской или Хорватской епископіи отъ Сплита. Никто лучше его не понималъ, въ какой тѣсной взаимной связи находятся обѣ эти задачи. Онъ ясно видѣлъ, что если-бы большая часть Хорватскаго народа попала снова въ руки Латинскаго духовенства, если-бы Нинская епископія осталась въ зависимости отъ Сплита,—славянское богослуженіе не долго просуществовало бы въ Хорватіи: Латиняне уничтожили-бы его. Съ другой стороны, если-бы славянское богослуженіе прекратило свое существованіе между Хорватами, Нинскому епископу не было бы никакихъ основаній выдѣляться изъ среды далматинскихъ епископовъ и стремиться къ самостоятельности. Національный культъ долженъ погибнуть безъ существованія независимой Хорватской церкви; независимость Хорватской церкви немыслима безъ существованія національнаго культа—вотъ какъ понималъ дѣло Григорій. Изъ этого убѣжденія вытекаетъ вся его дѣятельность Сплитскій архидіаконъ Ѳома говоритъ, что Григорій доставилъ много хлопотъ Сплитскому архіепископу, отказывая ему въ должномъ повиновеніи и присвоивая себѣ права митрополита (¹). Послѣднее выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что Григорій вмѣшивался въ церковныя дѣла всего Хорватскаго народа, не обращая вниманія на то, что у него (народа) были свои непосредственныя церковныя власти. Ясно, что подоб-

---

повиновеніи, отнимаетъ у него митрополитскія права, т. е, права на весь Хорватскій народъ. Ничего этого не могло-бы быть, если бы нинскій епископъ признавался самостоятельнымъ.

(¹) «Debitam ei oboedientiam substragendo et sibi jus metropoliticum in debile vindicando»—Schwandtn. Script. r. Hungaric. T. III. Hist. Salonit. c. XVI.

ное поведеніе представлялось Сплитскому архіепископу покушеніемъ на его права и титулъ. Опираясь на свою духовную связь съ народомъ, Григорій рѣшилъ, что всѣ земли, которыя принадлежали Хорватіи, должны подчиниться въ церковномъ отношеніи Нинской епископіи. Этого требовала прежде всего желаемая свобода славянскаго богослуженія. Если-бы Григорій достигъ своей цѣли, далматинскія епископіи ограничивались-бы только стѣнами городовъ, въ которыхъ находились ихъ каѳедры. Можно предполагать что на первыхъ порахъ Томиславъ сочувствовалъ этимъ стремленіямъ своего епископа ([1]), что онъ также мечталъ о церковной независимости своего государства. Но это продолжалось недолго. Присоединеніе далматинскихъ городовъ ([2]) измѣнило отношенія Томислава къ вопросу о церковной само-

([1]) Подобная гипотеза была высказана еще Фарлати. Онъ говоритъ, что хорватскіе князья и вельможи стремились къ тому, чтобы всѣ Хорваты, гдѣ-бы они не были, не знали другой церковной власти, кромѣ власти нинскаго епископа, отъ него получали священниковъ и зависѣли въ церковныхъ дѣлахъ (Farlati. Illyr. sacrum. T. IV, p. 213). По нашему мнѣнію эта гипотеза подтверждается десятымъ постановленіемъ сплитскаго собора 925 года: «Si rex et proceres Croatorum,—читаемъ мы здѣсь— omnes dioceseos episcoporum limites nostrae metropolitanae suo cupiunt vindicare pontifici»... (Cod. diplom. docum. XCII, p. 80). Этотъ параграфъ соборныхъ постановленій не имѣлъ бы никакого смысла, если-бы въ предшествовавшемъ поведеніи Томислава относительно нинскаго епископа не было ничего подозрительнаго.

([2]) Дриновъ предполагаетъ, что около этого времени (923 г.) далматинскіе города подчинились и въ церковномъ отношеніи Риму, находившись до сихъ поръ подъ властью константинопольскаго патріарха (стр. 54, прим. 79). Противъ его гипотезы говорятъ: письмо Стефана VI и грамата Мутиміра отъ 892 г. Стефанъ VI упрекаетъ Ѳеодосія за то, что онъ вмѣшивается въ дѣла всего хорватскаго народа, нарушая права далматинскихъ епископовъ и ихъ митрополита. Этотъ упрекъ не имѣлъ-бы ни малѣйшаго смысла, если бы далматинскіе епископы находились тогда въ церковной зависимости отъ Византіи. Ѳеодосій заслуживалъ бы, напротивъ, благодарности за то, что своимъ вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла всѣхъ Хорватовъ спасаетъ ихъ «specialissimos filios sanctae ecclesiae romanae», отъ схизмы.—Мутиміръ закрѣпилъ за Сплитской Церковію пожертвованія Трпиміра въ ущербъ притязаніямъ нинскаго епископа, отнесся съ уваженіемъ къ сплитскому архіепископу, чего не могло-бы быть, если бы послѣдній былъ схизматикомъ.

стоятельности Хорватіи. Новое пріобрѣтеніе доставило Томиславу не мало хлопотъ. Легко было подчинить Босняковъ и Посавцевъ: они были одного происхожденія съ Хорватами, никакое чувство непріязни не раздѣляло ихъ. Другое дѣло— Далматинцы. Томиславъ хорошо зналъ, какъ относились къ нимъ Хорваты при его предшественникахъ. Между Хорватами и Далматинцами была вѣковая вражда изъ-за земель, которую кое-какъ успѣлъ затушить Василій Македонянинъ. Память о притѣсненіяхъ, которымъ подвергались Далматинцы, не изгладилась еще среди нихъ. Становясь въ зависимость отъ Хорватскаго князя, они должны были смотрѣть недовѣрчиво на свои отношенія къ Хорватамъ. Уничтожить это недовѣріе, слить интересы разрозненныхъ по своему происхожденію элементовъ государства, упрочить союзъ между ними —было трудной государственной задачей. Для этого нужно было принять самыя мягкія мѣры въ отношеніи Далматинцевъ, сдѣлать имъ нѣсколько крупныхъ уступокъ, устранить малѣйшіе поводы къ неудовольствію и жалобамъ. Вотъ тутъ-то и измѣнились отношенія Томислава къ славянскому богослуженію и самостоятельности Нинской епископіи. Поддерживать то и другое значило вооружать противъ себѣ наиболѣе вліятельную и интеллигентную часть населенія далматинскихъ городовъ, духовенство, подать поводъ къ вѣковой непримиримой враждѣ между славянскимъ и романскимъ элементами государства, результатомъ которой могло-бы быть отпаденіе далматинскихъ городовъ отъ Хорватіи. Томиславъ колебался между церковными интересами и государственными, но это колебаніе было непродолжительно и интересы Церкви были принесены въ жертву интересамъ государственнымъ. Большинство Хорватской знати отнеслось индифферентно къ перемѣнѣ въ мысляхъ Томислава. На Сплитскомъ соборѣ 925 года знать засвидѣтельствовала, что для нея не дороги интересы Славянства. Иначе не могло и быть. На первыхъ-же порахъ своего историческаго существованія Хорваты вошли въ отношенія съ Римомъ. Въ то время, какъ масса народа вела борьбу съ Далматинцами изъ за земель, племство несомнѣнно подчинялось уже вліянію ихъ культуры. Нѣмецкое владычество, такъ глубоко измѣнившее политическій строй Хорватіи, несло за собой всюду латинское образованіе и культуру. Ни то, ни другое не коснулось, разумѣется, мас-

сы народа, но племство не ушло изъ подъ ихъ вліянія. Когда въ Хорватію впервые проникло славянское богослуженіе, племство и масса народа были уже раздѣлены между собой цѣлой бездной. Если гдѣ нибудь славянское богослуженіе было достояніемъ и святыней одной народной массы, такъ это въ Хорватіи. Мы будемъ не разъ имѣть случай убѣдиться въ справедливости этаго положенія. Теперь понятно, почему племство въ такомъ огромномъ количествѣ оказалось на сторонѣ Томислава, когда онъ отказался отъ содѣйствія Григорію, почему среди его такъ рѣдко раздавались голоса въ пользу Славянства и церковной независимости.

Оставленный безъ поддержки, Григорій, какъ видно, отказался на время отъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ ([1]). Томиславъ между тѣмъ, желая во что бы то ни стало водворить согласіе между своими подданными, по совѣту съ епископами и вельможами, рѣшилъ предоставить вопросъ о славянскомъ богослуженіи на рѣшеніе папы. Это происходило въ 925 г. Папа не замедлилъ отвѣтомъ. Онъ напоминаетъ Томиславу, что Хорваты приняли крещеніе отъ римскихъ проповѣдниковъ ([2]); какъ дѣти римской церкви, они должны имѣть богослуженіе на томъ языкѣ, который принятъ въ римской церкви. Если среди Хорватовъ мало священниковъ, знающихъ латинскій языкъ, то это дѣло поправимое и вовсе не требуетъ того, чтобы хвала Богу воздавалась на варварскомъ языкѣ. Пусть Хорваты отдаютъ своихъ дѣтей въ школы ([3]); тогда у нихъ будутъ знающіе свя-

---

([1]) Наше предположеніе основано на томъ, что Томиславъ просилъ совѣта папы только на счетъ славянскаго богослуженія. Если бы въ это время Григорій спорилъ съ сплитскимъ архіепископомъ, Томиславъ тѣмъ болѣе долженъ бы былъ просить совѣта папы.

([2]) «Quis enim ambigit, Sclavinorum regna in primitiis apostolicae et universalis ecclesiae esse commemorata, cum a cunabulis escam praedicationis apostolicae ecclesiae perceperunt cum lacte carnis, sicut Saxones novo tempore a nostro antecessore doctrinam pariter et litterarum studia, in ea videlicet lingua, in qua illorum mater apostolica ecclesia infulata manebat (Cod. dipl. p. 77, doc. XC)».

([3]) «Unde hortamus vos, dilectissimi filii, ut a cunabulis in studia litterarum tenerissimos pueros vestros offeratis Deo. Quatenus divinitus informati vos suis admonitionibus valeant relevare ab illecebris delictorum.... Quis

щенники. Одновременно съ этимъ папа писалъ и Сплитскому архіепископу. Онъ рѣзко упрекаетъ его и его подчиненныхъ епископовъ за то, что они безпрепятственно допустили въ своихъ дѣлахъ распространеніе славянскаго богослуженія и приказываетъ принять самыя энергическія мѣры для того, чтобы вырвать его съ корнемъ (¹).

Съ этими письмами прибыли въ Далмацію папскіе легаты, епископъ Анконскій Іоаннъ и епископъ Палестринскій Левъ. Они должны были обсудить и привести въ порядокъ церковныя дѣла въ Хорватіи на совѣтѣ съ епископами Далмаціи и Хорватіи. Послѣдніе не должны были ни въ какомъ случаѣ уклоняться отъ рѣшеній, принятыхъ легатами (²). Совѣщанія должны были непремѣнно имѣть своимъ результатомъ то, чтобы съ этихъ поръ, по примѣру и обычаямъ Римской церкви, богослуженіе въ Хорватіи совершалось на латинскомъ языкѣ (³). Томиславу приказано было безусловно исполнить приказанія легатовъ, повиноваться ихъ наставленіямъ и покорно со всею поспѣшностью исполнить то, что будетъ ими постановлено (⁴). Въ заключеніи всѣхъ этихъ папскихъ наставленій постановлено одно, очень

---

enim specialis filius ecclesiae romanae, sicut vos estis, in barbara seu slavonica lingua deo sacrificium offere delectatur». Ibid. p. 77, Тоже говоритъ папа и въ письмѣ къ далматинскимъ епископамъ: «ut secundum morem ecclesiae romanae in Sclavinorum terra ministerium sacrificii peragant in latina scilicet lingua, non autem extranea, quia nullos filios aliquid loqui decet, nisi ut pater ei insinuaverit; et quia Sclavi specialissimi filii ecclesiae romanae sunt in doctrina matris permanere debent». Ibid. 78.

(¹) Fama revelante cognovimus per confinia tuae parochiae aliam doctrinam pullulare, quae in sacris voluminibus non reperitur vobis tacentibus et consentientibus.

(²) «Unde hortamus vos dilectos, ut cum nostris episcopis Ioanne scilicet sanctae Anconitanae et Leone sanctae Palestrinae ecclesiarum dei juncti, cunctaque per Salonitanam terram audacter corrigere satagatis; ea nempe ratione, ut nullo modo ab illorum supradictorum episcoporum doctrina in aliquo deviare praesumatis». Cod. dipl. docum. CXI, p. 78.

(³) Ibidem, p. 78.

(⁴) «Unde iterum atque iterum vos monemus ut in nostra conversatione moneatis, et linguam et praecepta reverendissimorum episcoporum Joanni scilicet sanctae Anchonitanae ecclesiae et Leonis a nostro latere vobis transmissis in omnibus nobis creduli, atque perspicue industria suffulti audiatis. Quod vobis attentius commendamus, ut illorum admonitionibus obe-

внушительное предостереженіе „если не хотите отказаться отъ общенія съ нами ([1])“. Вскорѣ послѣ прибытія легатовъ открылись засѣданія Сплитскаго собора 925 года. Предсѣдателями его были легаты; членами епископы Далмаціи и Хорватіи. На соборѣ присутствовалъ и король Томиславъ съ своими вельможами ([2]).

Судя по письмамъ папы справедливо было-бы ожидать, что главнымъ предметомъ обсужденія будетъ славянское богослуженіе. На самомъ дѣлѣ вышло не то: о славянскомъ богослуженіи упомянуто только въ одномъ постановленіи изъ числа пятнадцати ([3]). Большинство остальныхъ были направлены къ тому, чтобы привести церковныя дѣла къ тому положенію, въ которомъ они находились до измѣненія ихъ во время Бранимíра: подчинить Хорватію Сплитскому архіепископу и его помощникамъ, утвердить точными правилами зависимость Нинскаго епископа отъ Сплита. Это странное, на первый взглядъ, обстоятельство объясняется очень просто. Не смотря на то, что Григорій, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, прекратилъ свои враждебныя дѣйствія противъ далматинскаго духовенства послѣ перехода Томислава на сторону послѣдняго,—это духовенство не могло не опасаться ихъ возобновленія. Когда папскіе легаты прибыли въ Далмацію, ихъ не трудно было убѣдить, что славянское богослуженіе находитъ себѣ главную опору въ честолюбивыхъ притязаніяхъ Нинскаго епископа, что зло можно вырвать съ корнемъ только ограничивъ сферу дѣйствій этого епископа до возможнаго минимума. Далматинскіе епископы не замедлили этимъ воспользоваться для того, чтобы уничтожить опаснаго врага—и вопросъ о Нинской епископіи неожиданно выступилъ на сцену въ засѣданіяхъ Сплитскаго собора. Первое, второе, третье и одиннадцатое постановленія этаго собора направлены были прямо или косвенно противъ Григорія. По смыслу этихъ постановленій, осно-

---

diatis, et quidquid vobis ab illis injuctum fuerit ex divinis sive canonicis argumentis, sub omni celeritate obedienter adimplere satagite». Ibid. 77.

([1]) Ibidem. 77. «Si non vultis sequestrari a nostro collegio».

([2]) «Croatorum et Serborum proceribus convenientes, congregatis in Spalato episcopis et judicibus, celeberrimum concilium peragere». Ibidem. 79.

([3]) Ibid. docum. XCII, p. 80.

ванная ученикомъ Апостола Петра Домніемъ, Салонская епископія, перенесенная потомъ въ Сплитъ, должна занимать первое мѣсто между епископіями всей Далмаціи (включая сюда и Хорватію) и быть митрополіей (1). Всякая епископія должна имѣть приличное количество духовенства и паствы (2). Всякій епископъ долженъ ограничиваться своей діоцезой и не выходить изъ предѣловъ предписанныхъ соборомъ (3). Хорватскій епископъ подобно остальнымъ долженъ подчиниться Сплитской церкви (4); Хорватскому королю и племству подъ угрозой духовныхъ наказаній запрещается стремиться къ тому, чтобы расширить власть Нинскаго епископа за ея границы, на всю Далмацію (5). Противъ Славянскаго богослуженія направлено десятое постановленіе собора: ни одинъ епископъ не долженъ повышать по службѣ людей, говорящихъ по славянски; имъ дозволяется быть только клириками и монахами; ни одинъ епископъ не долженъ также допускать въ своей діоцезѣ литургіи, совершаемой подобными лицами; онъ можетъ къ нимъ прибѣгнуть только въ случаѣ недо-

---

(1) «Quum antiquitus beatus Domnius ab apostolo Petro praedicare Salonam missus est constituitque, ut ipsa ecclesia et civitas, ubi sancta ejus membra requiescunt, inter omnes ecclesias provinciae huius primatis habeatur, et metropolis nominata super omnes episcopatus legitime sortiatur; ita dumtaxat, ut ad ejus jussionem episcopi, qui per divinam gratiam cathedram ipsam retinuerint, et synodus celebretur et consecratio episcoporum». Cod. diplom. p. 79.

(2) Ut in cunctis ecclesiis, in quibus supra recolitur episcopos habitasse, nunc autem clero, ordine et populis sufficiens adest intra dioceseos limites, episcopus habeatur. Quia juxta decreta non licet in modicis civitatibus vel villis episcopos, ne nomen episcopi vilescat, et ut episcopus vacans vacantem diocesim cum consilio metropolitani et ceterorum episcoporum accipiat. Ibid.

(3) Quoniam minime termini a patribus statuti transferri debent, unusquisque episcopus descriptos sibi terminos possideat et alienam diocesim nullatenus invadat; jura propria servato in regnandis, consecrandis ecclesiis, vel sacerdotibus promovendis atque a suo episcopo chrisma accipiendum. ibidem.

(4) Cod. diplom. docum. XCII, p. 80, XI. «Ut episcopus Croatorum sicut nos omnes nostrae ecclesiae metropolitanae subesse sciat».

(5) «Quod si rex et proceres Croatorum omnes dioceseos episcoporum limites nostrae metropolitanae suo cupiunt vindicari pontifici, nullus ex nostris per omnem provinciam eorum neque regenecrationes faciat»... Ibid. XII.

статка священниковъ и съ разрѣшенія папы([1]). Нельзя не замѣтить одной характеристической особенности, отличающей это постановленіе: оно направлено не столько противъ дѣла, сколько противъ лицъ. Постановленіе достигало двухъ цѣлей: уничтожало свободу славянскаго богослуженія и отнимало у лицъ славянскаго (хорватскаго) происхожденія доступъ къ церковнымъ должностямъ. Послѣдній результатъ имѣлъ во всякомъ случаѣ спеціальный интересъ для далматинскаго духовенства. Съ этихъ поръ въ духовной жизни хорватскаго народа романство должно было взять перевѣсъ надъ славянствомъ; воспитателями народа будутъ Латиняне, а не Хорваты. Ни Томиславъ, ни хорватское племство не возвысили своего голоса противъ этихъ стѣснительныхъ мѣръ. По какой причинѣ они поступили такъ, мы выяснили уже въ предыдущемъ изложеніи. Одинъ Григорій, опираясь на нѣсколькихъ преданныхъ его дѣлу магнатовъ, протестовалъ противъ мѣръ, уничтожавшихъ плоды всей его дѣятельности ([2]). Когда нужно было подписывать акты собора и представить ихъ на утвержденіе папѣ, Григорій не согласился поставить свое имя рядомъ съ именами другихъ епископовъ. Онъ отправилъ къ папѣ письмо, въ которомъ жаловался на несправедливое отношеніе къ нему сплитскаго собора. Соборные акты и жалоба Григорія дошли одновременно до папы. Разнородное содержаніе двухъ этихъ документовъ привело Іоанна X въ недоумѣніе, для разъясненія котораго онъ потребовалъ сплитскаго архіепископа и Григорія въ Римъ ([3]). Ни тотъ, ни другой не поѣхали и вопросъ о нинской епископіи оставался открытымъ еще въ теченіе двухъ лѣтъ. Далматинское духовенство неотступно требовало, впрочемъ, его рѣшенія ([4]). Въ это время произошло событіе, имѣвшее очень важное значеніе въ судьбѣ нинской епископіи.

([1]) «Ut nullus episcopus audeat... Slavonica lingua promoveri... nec in sua ecclesia sinat eum missam facere»... X.

([2]) Schwandt. III. Hist. Salonit. c. XVI.

([3]) Cod. diplom. docum. XCII, p. 80—81.

([4]) Ibidem: «unde frequenter poscentibus nobis».

После пораженія Алоботура въ Хорватіи, Симеонъ не отказался отъ намѣренія наказать эту страну за ея союзъ съ Византіей. На этотъ разъ онъ, какъ видно, рѣшилъ дѣйствовать болѣе осмотрительно и началъ дѣлать серьезныя приготовленія. Какъ ни могущественна была Хорватія при Томиславѣ, борьба съ Болгаріей грозила все таки кончиться неудачно. Томиславъ готовъ былъ вступить въ мирные переговоры съ Симеономъ, но не надѣялся на успѣхъ ихъ и обратился за содѣйствіемъ къ папѣ. Около 927 года папскіе легаты отправились въ Болгарію (1). Они прибыли туда, вѣроятно, послѣ смерти Симеона, когда его преемникъ Петръ вступилъ въ дружескія отношенія съ Византіей (2). Примирить Болгаръ съ Хорватами при такихъ обстоятельствахъ было не трудно.

Окончивъ мирные переговоры въ Болгаріи, Мадальбертъ (такъ звали папскаго посла) прибылъ въ Далмацію. Для окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ созванъ былъ новый соборъ въ Сплитѣ около 927—928 г. За исключеніемъ легата на немъ присутствовали тѣже лица, что и прежде. При постановленіи рѣшеній приняты были въ руководство древніе церковные порядки въ Далмаціи. Еще разъ сплитская Церковь была признана митрополіей; другая судьба ожидала нинскую епископію. Далматинское духовенство не даромъ потратило два года; оно открыло, что въ Нинѣ въ древности не было епископа, а былъ только архипресвитеръ, находившійся въ зависимости отъ какого нибудь другаго епископа. На этомъ основаніи и теперь было поставлено, чтобы тамъ не было епископа. Нинской епископіи не стало (3). Далматинская Церковь восторжествовала. Въ постановленіяхъ втораго сплитскаго собора звучитъ уже иронія: „Такъ какъ (4) всѣ епископскія каѳедры по милости Божіей заняты и имѣютъ достаточное количество священниковъ и народа, то пусть Григорій будетъ по-

(1) Ibidem.

(2) Дриновъ. Византія и южные Славяне въ X в., р. 59.

(3) Cod. diplom. p. 81.

(4) Ibidem.

ставленъ въ Скадронской, или въ Шишакской (1), или въ Дельмской; если онъ хочетъ власти въ большихъ размѣрахъ и не довольствуется одной діоцезой, то пусть возьметъ въ свое вѣдѣніе всѣ три названныя діоцезы на свою погибель, потому что и народъ не въ состояніи будетъ получать отъ него благодать такъ, какъ требуютъ постановленія святыхъ отцевъ, да и самъ онъ не будетъ въ состояніи исполнить своихъ обязанностей, потому что ему трудно будетъ вслѣдствіе огромнаго пространства и разстоянія названныхъ діоцезъ объѣжать ихъ.

Григорій былъ подавленъ своимъ несчастіемъ и не считалъ нужнымъ противиться волѣ легата и всего духовенства Далмаціи. Ни одного голоса не раздалось его защиту. Томиславъ безмолвно согласился на уничтоженіе нинской епископіи. Государственные интересы поставили его на первомъ соборѣ на сторону далматинскаго духовенства; тѣ-же интересы руководили его поведеніемъ и теперь. Избавленный отъ опасной войны съ Болгаріей, благодаря вмѣшательству Рима, онъ не считалъ нужнымъ раздражать его противъ себя заступничествомъ за нинскую епископію. Сила обстоятельствъ была выше Томислава; она-то заставила его дѣйствовать противъ самыхъ дорогихъ интересовъ народа. По дорогѣ Томислава пошли лучшіе короли Хорватіи.

Эпохой Томислава заканчивается второй періодъ хорватской исторіи. Сущность этаго періода заключается въ постепенномъ измѣненіи формъ политическаго быта Хорватовъ подъ вліяніемъ столкновеній съ германскимъ міромъ, въ развитіи идеи единодержавія, закончившемся образованіемъ хорватскаго королевства. Рядомъ съ этимъ основнымъ стремленіемъ хорватскихъ князей даннаго періода идетъ процессъ округленія границъ государства, процессъ объединенія всѣхъ Хорватовъ въ одно политическое цѣлое—въ государство, границами котораго служили бы этнографическія границы хорватской народности. Остановимъ на время нашъ разсказъ для того, чтобы подвести итогъ тому, что сдѣлано въ томъ и другомъ направленіи.

---

(1) Шишакъ, или Сисекъ—въ Посавской Панноніи; ясно, что въ это время Паннонія входила въ составъ Хорватскаго государства.

Благодаря трудамъ Томислава и его предшественниковъ, Хорватія сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ, королевствомъ. Такъ говоритъ всѣ историки хорватскаго народа. Правда, но только на половину! Для того, чтобы создать независимое государство, недостаточно назвать тому или другому правителю себя королемъ; нужно добиться признанія этой независимости отъ сосѣдей; если нельзя этого сдѣлать вдругъ, нужно подготовить средства для того, чтобы достигнуть этого признанія во всякій данный моментъ; надо воспитать въ народѣ чувство политической независимости, привести въ гармонію интересы трона и народной массы, интересы политическіе и духовные. Ни того, ни другаго не было сдѣлано не смотря на то, что Томиславъ видѣлъ предъ собой прекрасный образецъ государя, понимающаго свои задачи и положеніе, въ лицѣ Симеона Болгарскаго. Болгарія и Хорватія были номинально въ числѣ владѣній византійскаго императора. Симеонъ и Томиславъ стремились сдѣлать ихъ самостоятельными государствами; оба они получили королевскій титулъ отъ папы, такъ какъ нельзя было добровольно добиться его отъ византійскаго императора,—но на этомъ и кончается сходство ихъ. Симеонъ не ограничился тѣмъ, что папа назвалъ его королемъ, или царемъ; онъ заставилъ силой византійскаго императора признать за нимъ этотъ титулъ. Томиславъ ограничился признаніемъ папы. Результатомъ этого было то, что Болгарія перестала даже номинально считаться въ числѣ византійскихъ владѣній, а Хорватія навсегда осталось въ глазахъ византійскаго императора его тэмой, а хорватскій король простымъ княземъ-намѣстникомъ. Этотъ взглядъ на Хорватію рельефно выступаетъ въ сочиненіи Константина Багрянороднаго, современника Томислава.

Продолжая эту параллель, мы должны замѣтить, что и относительно внутренней политики Симеонъ и Томиславъ рѣзко расходятся. Семеонъ, не смотря на то, что получилъ королевскій титулъ отъ папы, остался внѣ всякой зависимости отъ него въ церковныхъ вопросахъ своего государства. Вѣкъ Симеона—блестящій вѣкъ болгарской письменности, вѣкъ полнаго развитія того, что было посѣяно славянскими апостолами. Томиславу гораздо дороже обошелся союзъ съ Римомъ: онъ привелъ къ торжеству католицизма и романства, къ разрыву съ народомъ. Созданное Томи-

славомъ государство носило уже въ себѣ зародышъ разложенія; этимъ зародышемъ является рознь въ стремленіяхъ трона и народа, въ интересахъ политическихъ и духовныхъ. Томиславъ забылъ о народѣ и его потребностяхъ; онъ построилъ государственное зданіе на союзѣ съ Римомъ и романствомъ. На долго-ли, это показала исторія. Преемникамъ Томислава предстояла задача исправить его ошибку, сблизиться съ народомъ; но мы увидимъ, что они пошли не по этой дорогѣ.

VIII.

Отъ эпохи Томислава источники переносятъ насъ къ концу X вѣка. Между 994 и 1000 годами Хорватіей правилъ *Држиславъ*. Это несомнѣнно слѣдуетъ изъ граматъ, дошедшихъ до насъ отъ того и другаго года ([1]). Изъ позднѣйшихъ, но не менѣе достовѣрныхъ, источниковъ извѣстно, что до Држислава правилъ отецъ его Крешиміръ старшій ([2]). Анонимный діоклейскій священникъ говоритъ въ своей хроникѣ о какомъ-то Крешимірѣ, вступившемъ на хорватскій престолъ около времени смерти болгарскаго царя Петра, то есть около 968 года ([3]). Совпаденіе времени доказываетъ, что этотъ хроникеръ, обыкновенно наполняющій свой трудъ вымыслами фантазіи, имѣлъ въ данномъ случаѣ достовѣрныя свѣдѣнія и говоритъ о Крешимірѣ старшемъ. Правленіе *Крешиміра* II обнимаетъ такимъ образомъ промежутокъ времени отъ 968 года до 991—993.

Политика Крешиміра II старшаго въ общихъ чертахъ не отступаетъ отъ политики Томислава. Крешиміръ дѣятельно поддерживалъ могущество Хорватіи. Анонимный діоклеецъ говоритъ, что Крешиміръ присоединилъ къ Хорватіи Босну ([4]); это извѣстіе не подтверждается, впрочемъ, другими источниками. Главнымъ предметомъ политическихъ заботъ Крешиміра были далматинскіе города. Томиславъ получилъ ихъ

([1]) Cod. diplom. docum. CVI, CVII, p. 96—98.

([2]) Ibidem. docum. CLVIII, p. 129: «tempore ipsius (Cresimiri Majoris) et filii ejus Dirsislai»...

([3]) Schwandtn. III. Regnum Slavorum. C. XXIII.

([4]) Ibidem.

отъ Византіи и управлялъ ими въ качествѣ византійскаго проконсула; верховная власть все-таки принадлежала Византіи. По смерти Томислава Византіи, какъ кажется, удалось еще болѣе ослабить зависимость этихъ городовъ отъ Хорватіи, ограничивши ее почти одной данью (¹). До 986 года проконсуломъ Далмаціи былъ уже не хорватскій король, а пріоръ города Зары, находившійся въ непосредственной зависимости отъ Византіи (²). Крешиміръ рѣшился положить конецъ такому порядку вещей. Подобно Томиславу онъ воспользовался для этого отношеніями Византіи къ Болгаріи. Съ 982 г. Болгарія подъ правленіемъ Самуила стояла на вершинѣ своего могущества и грозила Византіи. Имперія должна была сосредоточивать всѣ свои силы для борьбы съ могущественнымъ врагомъ. Крешиміръ не оставилъ этого безъ вниманія. Возстановлявшемуся владычеству Византіи въ далматинскихъ городахъ теперь безопасно было нанести рѣшительный ударъ. Послѣ 986 года на государственныхъ и частныхъ граматахъ Далмаціи изчезаетъ титулъ проконсула и Далмація дѣлается удѣломъ хорватскаго государства. Въ отношеніи Византіи это было, во всякомъ случаѣ, актомъ насилія. Крешиміръ не спрашивалъ ея согласія на подчиненіе себѣ далматинскихъ городовъ; онъ дѣйствовалъ, какъ открытый врагъ имперіи. Проконсулъ не могъ сопротивляться Крешиміру, еслибы даже и хотѣлъ. Силы Далмаціи были слишкомъ слабы для борьбы съ Крешиміромъ, а на помощь Византіи нечего было и разсчитывать. Но, дѣйствуя насильственнымъ образомъ относительно Византіи, Крешиміръ совершенно иначе поступалъ съ населеніемъ Далмаціи. Съ проконсуломъ Маденъ онъ вошелъ въ самыя тѣсныя дружескія отношенія (³); это обстоятельство, несомнѣнно, имѣло важное значеніе въ окончательномъ рѣшеніи далматинцевъ подчиниться владычеству Хорватіи. Крешиміръ задобрилъ также въ свою пользу и другой вліятель-

(¹) Что Далматинцы платили Хорватамъ дань по смерти Томислава доказывается словами Багрянонароднаго: «quae hodie Slavis pendunt». Сочиненіе Багрянароднаго «de admin. imp». писано 948—952 гг.

(²) Cod. diplom. docum. CIV, p. 94.

(³) Ibidem, p. 129.

ный элементъ въ Далмаціи—духовенство (1). Онъ дѣлаетъ вклады въ монастыри, жалуетъ ихъ землями (2). Какъ и Томиславъ, Крешиміръ хотѣлъ прочнаго сліянія Далмаціи и Хорватіи; дальнѣйшія событія показали, какъ трудно было достигнуть этой цѣли.

Византія не могла, конечно, простить Крешиміру нанесенной имъ обиды, но отмстить ему собственными средствами была не въ силахъ: ее занимала тогда другая, болѣе опасная борьба—съ Болгаріей. Вмѣсто Византіи у Крешиміра явился новый, неожиданный врагъ.

Съ присоединеніемъ Далмаціи Хорватія должна была занять господствующее положеніе на Адріатическомъ морѣ. Уже въ IX вѣкѣ, какъ мы знаемъ, между Венеціей и Хорватіей шла энергическая борьба изъ-за преобладанія на этомъ морѣ. Она кончилась тогда уже, кажется, неудачно для Венеціи. Это видно изъ того, что Венеція издавна платила Хорватіи торговую дань, чтобы обезпечить своимъ кораблямъ свободное плаваніе вблизи далматинскаго побережья (3), по другимъ извѣстіямъ, по всему Адріатическому морю (4). Теперь, когда Хорваты захватили подъ свою власть все далтинское побережье и окончательно утвердили свое владычество на Адріатическомъ морѣ, Венеція должна была ожидать еще болѣе стѣсненій для своей торговли. Уничтожить эти стѣсненія можно было только сломивши морское могущество Хорватовъ. Энергическій Петръ II Орсеоло, сдѣ-

---

(1) Отношенія Крешиміра къ Далмаціи обстоятельно разъяснены Рачкимъ (Rad. jug. akad. XXV).

(2) Cod. diplom.

(3) Sabellicus ap. Lucium. Schwandt. III, 117.

(4) Murat. XII, 226; Pertz VII, 20—24. Люцій отрицаетъ существованіе дани Венеціи Хорватамъ. По его мнѣнію, Венеціанцы, одержавшіе столько побѣдъ надъ Хорватами (?), не имѣли нужды платить имъ дань. Дань, упоминаемая венеціанскими писателями,—не венеціанская, а далматинская; она обезпечивала Далматинцамъ свободу плаванія по морю. Когда Хорваты возобновили на морѣ свои враждебныя дѣйствія противъ Далматинцевъ, послѣдніе примкнули къ Венеціи и отказались платить условную дань Хорватамъ.—Гипотеза Люція противорѣчитъ и свидѣтельству Багрянороднаго, на которомъ основана (de admin. imp. c. 29) и показаніямъ венеціанскихъ хроникеровъ.

лавшійся дожемъ около 991 года, рѣшился сдѣлать попытку въ этомъ родѣ. Онъ завелъ обширныя торговыя и полическія сношенія съ Византіей и, опираясь на союзъ съ ней, началъ мало по малу приводить въ исполненіе задуманный планъ. Онъ началъ съ того, что отказался платить Хорватамъ условную дань. Крешиміръ, въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, пересталъ оказывать покровительство венеціанскимъ купцамъ и хорватскіе пираты въ союзѣ съ неретвскими принялись за привычное дѣло (¹).

Орсеоло воспользовался этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы вступить въ открытую борьбу съ Хорватами. Шесть венеціанскихъ кораблей подъ командой Бодоаріо Брагодино сдѣлали внезапное нападеніе на Висъ. Крешиміръ не ожидалъ отъ дожа подобной дерзости и не приготовился къ защитѣ. Городъ былъ взятъ; жители обоего пола были отведены въ плѣнъ, въ Венецію (²). Ободренные удачнымъ исходомъ первой попытки, Венеціанцы могли теперь разсчитывать на подобный же успѣхъ и другаго, болѣе рѣшительнаго удара. Дожъ, впрочемъ, не думалъ дѣйствовать особенно поспѣшно и не раздѣлялъ надеждъ своихъ соотечественниковъ. Онъ ждалъ и, какъ мы увидимъ, не безъ пользы.

Отношенія между Венеціей и Хорватіей оставались натянутыми во все время правленія Крешиміра. Первый успѣхъ Венеціанцевъ не въ состояніи былъ ослабить морское могущество Хорватіи, но онъ имѣлъ другое, болѣе важное, значеніе. Благодаря ему обнаружились живыя нитки, которыми сшито было хорватское государство, и выяснилась вся безуспѣшность стараній Крешиміра, направленныхъ къ тому, чтобы упрочить связь между Далматинцами и Хорватами. Только могущество Хорватовъ держало въ зависимости отъ нихъ Далматинцевъ. Когда этому могуществу нанесенъ былъ первый ударъ, когда у Хорватовъ явился сильный и энергическій врагъ, да притомъ еще родственный Далматинцамъ по происхожденію, у нихъ блеснула надежда освободиться отъ хорватскаго владычества. Началось опасное броженіе, результатомъ котораго былъ, если вѣрить хроникеру, переходъ Зары подъ власть Венеціи (³). Въ этотъ рѣшительный мо-

---

(¹) Pertz. VII, 29; Muratori. XII, 226.

(²) Ibidem.

(³) Murat. XII, 227.

ментъ, когда нужно было принять самыя энергическія мѣры для того, чтобы прекратить начавшееся броженіе, умеръ Крешиміръ старшій. Послѣ него осталось 4 сына [1]. Старшій изъ нихъ—*Святославъ* [2] долженъ былъ занять отцовскій престолъ, но, къ несчастью для Хорватіи, слѣдовавшій за нимъ братъ, *Држиславъ*, явился также претендентомъ. Между братьями началась борьба; Хорваты раздѣлились на партіи и обѣ стороны начали жестокую междоусобную борьбу. На сторонѣ Држислава оказался перевѣсъ и онъ овладѣлъ отцовскимъ престоломъ [3]. Скрѣпя сердце, Святославъ подчинился своей судьбѣ.

Внутренняя борьба значительно истощила силы Хорватіи, но ея вредъ не ограничивался еще однимъ этимъ. Она отвлекла вниманіе Хорватовъ отъ событій, совершавшихся въ Далмаціи. Далматинцы воспользовались анархіей для того, чтобы ослабить, если не вовсе уничтожить, свою зависимость отъ Хорватовъ. Есть основаніе полагать, что имъ усердно помогали Венеціанцы; изъ занятой ими Зары шла агитація, охватывавшая мало по малу всю Далмацію. Венеціанцы въ своихъ интересахъ раздували народныя страсти: имъ открывалась въ перспективѣ возможность овладѣть далматинскими городами. Когда кончилась междоусобная борьба, Далмація была окончательно возбуждена противъ хорватскаго владычества. Држиславъ, къ несчастію, оставилъ ее на время безъ вниманія и началъ приводить въ порядокъ дѣла Хорватіи. Оправившись, онъ обратилъ вниманіе на Венецію. Онъ отправилъ въ Венецію посла съ требованіемъ дани, въ которой было отказано его отцу. Дожъ отказалъ. Држиславъ потребовалъ снова, настойчивѣе прежняго. Тогда, по словамъ хроникера, дожъ отвѣтилъ ему, что онъ не откажется заплатить дань, но пришлетъ ее не съ послами, а самъ явится для разсчета въ Хорватію [4]. Въ этихъ сло-

---

(1) Cod. diplom. docum. CLXIII, p. 129.

(2) Въ Венеціанскихъ хроникахъ онъ называется *Surigura*. Его сынъ Стефанъ впослѣдствіи былъ королемъ.

(3) Murat. XII, 227.

(4) Pertz. VII, 30. Chron. Ioan. Venet. ad an. 996.

вахъ уже слышалась угроза, но Држиславъ оставилъ ее, вѣроятно, безъ вниманія. Дожъ между тѣмъ сталъ готовиться къ войнѣ. Еще крѣпче сдѣлались его отношенія къ Византіи. Въ то время, когда надъ Хорватіей начала уже собираться гроза, Држиславъ замѣтилъ антихорватскую агитацію, происходившую въ Далмаціи. Для подавленія ея онъ принялъ самыя крутыя мѣры (¹), но на этотъ разъ онѣ не привели ни къ чему и только приблизили моментъ венеціанской войны. Высшее духовенство, городскія власти, народъ — все пришло въ волненіе. Для далматинскаго возстанія нуженъ былъ только сигналъ и онъ не замедлилъ своимъ появленіемъ. Союзные съ Држиславомъ Неретване напали на Зару и увели съ собой сорокъ человѣкъ жителей. Сигналъ былъ поданъ. Одновременно съ Зарой населеніе всѣхъ далматинскихъ городовъ обратилось къ дожу Венеціи съ просьбою о помощи, обѣщая признать надъ собой его власть, если онъ освободитъ ихъ отъ варварства Хорватовъ (²). Для дожа такимъ образомъ представился самъ собой случай нанести окончательный ударъ могуществу Хорватіи. Онъ былъ увѣренъ теперь, что въ предстоящей войнѣ населеніе Далмаціи будетъ на его сторонѣ. Чтобы дать законный видъ своему захвату, дожъ обратился къ византійскому императору за позволеніемъ овладѣть византійскими городами, обѣщая сохранить за нимъ верховную власть на эти города (³). Императоръ не могъ долго колебаться: съ одной стороны стоялъ дожъ, связанный съ нимъ узами родства, бывшій такимъ полезнымъ союзникомъ въ борьбѣ Византіи съ ея многочисленными врагами, обѣщавшій, наконецъ, признать историческія права Византіи; съ другой стороны хорватскій король, безусловно забравшій въ свои руки Далмацію. Выборъ былъ нетруденъ; дожъ получилъ позволеніе. Заручившись согласіемъ императора, дожъ собралъ флотъ и отправился въ экспедицію. Это было въ 996 году. Справедливо говорятъ, что походъ дожа походилъ скорѣе на тріумфальное шествіе. Всюду, гдѣ ни являлся онъ, его встрѣчали съ распростертыми объятіями. Въ городѣ Осорѣ на островѣ

(¹) Murat. XII, 227: «damnum inferens maritimis civitatibus Dalmatiae».

(²) Ibidem.

(³) Ibidem.

Кресѣ сошлись жители сосѣднихъ городовъ и селеній и принесли дожу присягу вѣрности. Хорватское населеніе острова, не имѣвшее особой причины радоваться прибытію дожа, вынуждено было послѣдовать примѣру романскаго, не видя ни откуда защиты. Въ главномъ городѣ Далмаціи Зарѣ его ожидали городской пріоръ и епископъ, епископы и пріоры Аквилеи и Осора (¹). Дожъ былъ встрѣченъ съ большимъ торжествомъ и изъявленіями покорности. Далматинскіе города присоединили свои силы къ войскамъ его. Усиленный такимъ образомъ дожъ двинулся покорять приморскіе города Хорватовъ, расправившись предварительно съ Неретванами. Первымъ изъ этихъ городовъ подвергся нападенію Венеціанцевъ Бѣлградъ. Тамъ было хорватское войско. Дожъ предложилъ гарнизону сдать городъ. Горнизонъ, не ожидая ни откуда подкрѣпленій, вынужденъ былъ подчиниться. Орсеоло не думалъ, впрочемъ, вторгаться въ Хорватію и отъ Бѣлграда направилъ свой путь къ далматинскому городу Трогиру. Какъ и вездѣ въ Далмаціи, онъ былъ принятъ здѣсь съ торжествомъ. Здѣсь-же представился дожу братъ хорватскаго короля, Святославъ; между нимъ и дожемъ, очевидно, составился какой-то уговоръ, при чемъ Святославъ далъ своего сына Стефана въ заложники (²). Изъ Трогира Орсело отправился въ Сплитъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ почетомъ архіепископомъ Петромъ (?). Только островъ Ластовъ, какъ хорошо укрѣпленный, оказалъ нѣкоторое сопротивленіе. Жители Ластова хотѣли сдаться, но дожъ поставилъ тяжелое для нихъ условіе: они должны были сами разрушить стѣны своего города. Возмущенные этимъ требованіемъ Ластовляне рѣшились защищаться; сопротивленіе ихъ было легко сломано. Теперь и отдаленный Дубровникъ принужденъ былъ покориться и принести дожу присягу вѣрности. Дѣло подчиненія Далмаціи было окончено и дожъ съ тріумфомъ вернулся въ Венецію. Здѣсь онъ провогласилъ себя дожемъ Далмаціи (Dux Dalmatiae).

Во внутренней жизни далматинскихъ городовъ за подчиненіемъ Венеціи не произошло никакой перемѣны. Изъ

(¹) См. описаніе этаго похода у Дандоло. Murat. XII, 228—230.

(²) Murat. XII, 229.

всѣхъ хроникеровъ одинъ Сабелликъ говоритъ, что въ Далмацію были посланы венеціанскія власти и тамъ введено было венеціанское управленіе (¹). Епископы Далмаціи поклялись упоминать имя дожа во время богослуженія непосредственно послѣ императорскаго (²). Съ переходомъ Далмаціи подъ власть Венеціи упрочилось владычество послѣдней на Адріатическомъ морѣ. Это событіе ознаменовано было торжественнымъ обрядомъ обрученія дожа Венеціи съ Адріатическимъ моремъ. Могуществу Хорватіи былъ нанесенъ весьма сильный ударъ и Држиславъ ничего не сдѣлалъ для того, чтобы предотвратить его.

Поведеніе Држислава на первый взглядъ кажется чрезвычайно страннымъ, но стоитъ внимательно присмотрѣться къ положенію дѣлъ и оно станетъ понятнымъ (³). У Држислава, кажется, не было достаточно флота для того, чтобы вступить съ дожемъ въ морскую борьбу, но главная причина бездѣйствія Држислава относительно дожа заключалась во внутреннемъ состояніи государства. Въ то время, когда дожъ былъ уже въ виду далматинскихъ береговъ, Држиславу приходилось вести борьбу съ отложившимся населеніемъ Далмаціи. Дожъ безпрепятственно вступилъ на берегъ; разъ это произошло, исходъ компаніи былъ очевиденъ. Населеніе Далмаціи вооружилось и стало на сторону Венеціанцевъ. Силы дожа увеличились весьма значительно. Борьба была-бы еще возможна, еслибы среди самихъ Хорватовъ было единодушіе. Къ несчастію и этого не было. Язвы междоусобной борьбы еще не были залечены. Партіи Држислава и Святослава не успѣли еще примириться между собой, да и Святославъ не вовсе отказался отъ притязаній на королевскій титулъ. Можно было опасаться, что лишь только Држиславъ вступитъ въ борьбу съ Венеціанцами, на сторонѣ послѣднихъ окажется новый союзникъ, Святославъ съ своей партіей. При такихъ обстоятельствахъ

(¹) Schwandtn. III, 722.

(²) Murat. XII, 228.

(³) Rački отказывается объяснить его (Rad jugoslav. akad. XXV, 200—202). Дриновъ придумываетъ для объясненія его безосновательную гипотезу о предшествовавшемъ упадкѣ Хорватскаго могущества.

борьба была бы безуміемъ со стороны Држислава и могла бы окончательно погубить Хорватію. Вотъ почему, думаемъ мы, Држиславъ отказался отъ борьбы съ дожемъ и на первыхъ порахъ старался вступить съ нимъ въ мирные переговоры (1). Упоенный успѣхомъ, дожъ отказался отъ всякихъ переговоровъ и съ презрѣніемъ отослалъ пословъ хорватскаго короля. Какъ ни оскорбителенъ былъ для чести Хорватовъ этотъ отказъ, съ нимъ нужно было примириться для блага государства. Послѣдствія показали все благоразуміе политики Држислава. Святославъ не замедлилъ дѣйствительно войдти въ какіе-то переговоры съ дожемъ; можетъ быть, они имѣли цѣлью при содѣйствіи Венеціи возстановленіе правъ Святослава на отцовскій престолъ, еслибы Држиславъ задумалъ вступить съ дожемъ въ борьбу. Но Држиславъ не довелъ дѣло до этого, а дожъ не рѣшился сдѣлать нападеніе на Хорватію собственно, ограничившись сдачей одного Бѣлграда. Хорватія была спасена; она пережила критическій моментъ, но вышла изъ него значительно ослабленной. Потеря Далмаціи и нѣсколькихъ собственно хорватскихъ пунктовъ составляла уже сама по себѣ значительный ущербъ. Послѣдствія венеціанской войны не ограничились однимъ этимъ; они отразились на отдаленномъ будущемъ Хорватіи и имѣли рѣшительное вліяніе на ея внѣшнюю и внутреннюю политику. Они открыли дорогу для враждебныхъ дѣйствій Византіи.

Съ этихъ поръ начинается настоящая борьба Венеціи и Хорватіи изъ-за обладанія далматинскими городами. То та, то другая сторона овладѣетъ ими; но при всѣхъ перипетіяхъ этой борьбы неизмѣнно повторяется одно и тоже: союзъ далматинскихъ городовъ съ Хорватіей всегда бываетъ вынужденнымъ, результатомъ силы обстоятельствъ; союзъ съ Венеціей, неизмѣнный результатъ малѣйшаго ослабленія Хорватіи, опирается на моральныя и племенныя симпатіи, хотя Венеція и эксплуатировала ихъ иначе. Обѣ враждующія стороны ревниво оберегаютъ права Византіи на эти города. Изъ рукъ византійскаго императора получаетъ ихъ та и другая сторона, но при этомъ съ той-же послѣдовательностью замѣчается, что Хорватія получаетъ далматин-

---

(1) Andr. Dandolo. Murat. XII. 228.

скіе города только въ моменты своего могущества и ослабленія Венеціи. Византійскіе императоры давно уже перестали смотрѣть на хорватскихъ королей, какъ на своихъ подручниковъ; они уступаютъ имъ Далмацію почти по принужденію. Венеція, почти всегдашняя союзница Византіи, получаетъ Далмацію съ согласія греческихъ императоровъ, какъ вознагражденіе за ту или другую услугу. Какое значеніе имѣла венеціанская война для внутренней жизни Хорватіи, мы увидимъ на своемъ мѣстѣ.

Држиславу не привелось видѣть всѣхъ несчастныхъ послѣдствій пережитой имъ эпохи; они обнаружились при его преемникахъ. По смерти Држислава хорватскій престолъ по праву занялъ Святославъ (¹). Его правленіе не оставило никакого слѣда въ исторіи Хорватскаго народа. Какъ родственникъ дожа (²), онъ находился, вѣроятно, въ дружескихъ отношеніяхъ съ Венеціей, но эти отношенія не имѣли для Хорватіи ни малѣйшаго значенія и были выгодны только Венеціи: она прочно утвердила свое вліяніе въ далматинскихъ городахъ. Смерть Святослава, послѣдовавшая около 1018 года, положила конецъ такому положенію дѣлъ. На хорватскій престолъ вступилъ братъ Святослава Крешиміръ, ничѣмъ не связанный въ отношеніи Венеціи (³). На первыхъ же порахъ своего правленія онъ сдѣлалъ попытку уничтожить гегемонію венеціанцевъ въ Далмаціи. Съ этой цѣлью онъ началъ около 1018 г. дѣлать нападенія на Зару и другіе приморскіе города Далмаціи. Жители этихъ городовъ призвали себѣ на помощь дожа (теперь имъ былъ сынъ знаменитаго Петра II Орсеоло — Оттонъ). Оттонъ не замедлилъ явиться съ флотомъ. Крешиміръ не могъ выдержать борьбы съ нимъ и отступился отъ своихъ притязаній (⁴). Дожъ обложилъ данью острова Рабъ, Осоръ, Кркъ,—на вѣрность и послушаніе которыхъ онъ, повидимому, не осо-

---

(¹) Cod. diplom. docum. CLXIII, p. 129.

(²) См. выше. Его сынъ Стефанъ былъ женатъ на дочери дожа Орсеоло. Mur. XII. 228.

(³) Съ именемъ его въ первый разъ мы встрѣчается въ 1018 г. Murat. XII, 236.

(⁴) Ibidem.

бенно надѣялся (1), Крешиміръ оставилъ на нѣкоторое время Далмацію въ покоѣ.—Въ это время кончилась кровавая борьба между Болгаріей и Византіей. Василій залилъ Болгарію потоками крови. Судьба Болгаріи выяснила политику византійскаго императора въ отношеніи къ Славянамъ. Таже участь грозила въ недалекомъ будущемъ и Хорватіи. Хорватскіе короли давно уже прекратили всякія отношенія съ Византіей; по временамъ они дѣйствовали противъ нея даже враждебно. Теперь представилась необходимость возстановить, по крайней мѣрѣ для вида, старыя зависимыя отношенія къ Византіи. Опасность усиливалась еще возможностью совмѣстныхъ дѣйствій Византіи и Венеціи. Перспектива болгарскаго погрома заставила Крешиміра добровольно подчиниться Византіи (2). Императоръ оцѣнилъ деликатность хорватскихъ правителей (замѣтимъ, что Крешиміръ правилъ совмѣстно съ своимъ братомъ Гоиславомъ) и осыпалъ ихъ дарами и почестями (3). Судьба, постигшая вскорѣ послѣ этого владѣтеля Срема (части Хорватской Панноніи), показала, какой опасности избѣгли хорватскіе правители своимъ добровольнымъ подчиненіемъ. Несчастный князь отказался признать зависимость отъ византійскаго императора; его вѣроломно убили; испуганная вдова убитаго князя отдала Сремъ во власть императора и была отправлена тотчасъ-же въ Византію (4).

Подчинившись Византіи, Крешиміръ считалъ возможнымъ продолжать начатую борьбу противъ Венеціи. Но императоръ не хотѣлъ допустить усиленія Хорватіи. Въ 1024 г., когда Крешиміръ былъ занятъ повидимому своимъ далматинскимъ предпріятіемъ, византійская эскадра подъ предводительствомъ правителя лонгобардской тэмы Бугіана напала на Бѣлградъ, захватила жену Крешиміра съ сыномъ и отправила ихъ въ Константинополь (5). Этотъ захватъ сдѣланъ

---

(1) Cod. diplom. docum. CVIII—CXI, p. 99—101.

(2) Stritt. Op. cit. p. 399. Cedrenus.

(3) Ibidem.

(4) Ibidem. p. 400.

(5) Murat. V, 42; Pertz. VII. Script. V, 57. Lupus protospatarius ad an. 1024.

былъ, очевидно, съ цѣлью удержать Крешиміра отъ дальнѣйшихъ покушеній на Далмацію и достигъ своей цѣли. Крешиміръ долженъ былъ отказаться отъ всякой попытки возстановить въ Далмаціи хорватское владычество. Вскорѣ и Венеція потеряла свою гегемонію въ Далмаціи. Съ 1024 г. по 1032-й въ Венеціи происходила междоусобная борьба. Фамилія Орсеоло боролась за свои права, которыя у нея хотѣли отнять ея враги. Византія извлекла изъ этой борьбы немаловажныя выгоды. Когда въ 1052 г. Орсеоло потерпѣли пораженіе и на венеціанскій тронъ вступилъ Традонико, внутреннее положеніе Венеціи было весьма непривлекательно. Борьба партій еще не кончилась. Каждую минуту можно было опасаться новаго возстанія. Дожу приходилось искать поддержки для себя гдѣ-нибудь внѣ Венеціи. Византія обязательно предложила свои услуги. Какъ доказательство дружбы императора, дожъ получилъ титулъ императорскаго протоспатарія, но эта дружба обошлась ему не дешево: Традонико отказался отъ своихъ правъ на Далмацію (¹). Въ 1033 года на далматинскихъ граматахъ выставлялось имя византійскихъ цезарей, а непосредственно за нимъ имя императорскаго проконсула Далмаціи, византійскаго намѣстника (²). Теперь Крешиміръ окончательно убѣдился, что Далмація для него потеряна. Онъ обратилъ вниманіе на другую, сѣверную часть своихъ владѣній. Въ Славоніи, между Дравой и Савой, была значительная часть земель, вошедшихъ при Томиславѣ въ составъ хорватскаго государства; другой, сосѣдней частью, завладѣли Угры. Границы владѣній обоихъ государствъ не были опредѣлены точнымъ образомъ. Можетъ быть даже, что при потрясеніяхъ, постигшихъ Хорватію въ періодъ отъ смерти Томислава до Крешиміра III, Хорватія окончательно потеряла свои земли въ Славоніи. Если этого и не случались, все таки постоянно увеличивающееся могущество Угріи могло грозить здѣсь хорватскимъ интересамъ. Къ счастію для Крешиміра обстоятельства сложились такъ, что мирныя отношенія съ Угріей были обезпечены. Съ 1025 года началась борьба между Угріей и Германіей. Поводомъ къ ней послужили современныя

(¹) Murat. XII, 240—241.

(²) Cod. diplom. docum. CXIX, p. 107.

событія въ Польшѣ. По смерти Мечислава между его сыновьями произошелъ раздоръ изъ-за престола. Одинъ изъ сыновей обратился за помощью къ венгерскому королю Стефану. Стефанъ отказалъ, нежелая ослабить Польшу въ интересахъ Германіи. Претендентъ обратился къ германскому императору Конраду II, обѣщая признать его верховную власть, если онъ поможетъ ему въ борьбѣ противъ брата. Конрадъ не упустилъ удобнаго случая и двинулся въ Польшу, но неожиданнымъ союзникомъ послѣдней явился венгерскій король Стефанъ. Въ то время, когда Конрадъ дѣйствовалъ въ Польшѣ, Стефанъ вторгнулся въ Баварію, въ владѣнія германскаго императора. Очутившись между двумя огнями, Конрадъ поспѣшилъ заключить миръ съ Польшей и обратился противъ угорскаго короля. Стефану была не подъ силу борьба съ Германіей и онъ началъ искать союзниковъ. Первымъ оказался Крешиміръ. Общая опасность соединила Крешиміра и Стефана по отношенію къ Германіи. Паденіе Угріи было-бы опасно для хорватскихъ владѣній въ Славоніи. Союзъ былъ быстро заключенъ и Крешиміръ отправилъ свои войска на помощь Угріи. Этимъ войскамъ не привелось, впрочемъ, принимать дѣятельнаго участія въ борьбѣ. Вскорѣ между Германіей и Угріей былъ заключенъ миръ, войска Крешиміра вернулись на родину. Есть извѣстіе, что Стефанъ послѣ войны уступилъ Крешиміру, въ вознагражденіе за поддержку, часть Славоніи отъ впаденія Купы въ Саву по рѣкѣ Требезу и Блату или Чрнцу до Дравы ([1]). Такъ начались сношенія Хорватіи съ Угріей, кончившіяся такъ злополучно для Хорватіи. Съ 1031 года отношенія Крешиміра къ Угріи стали еще тѣснѣе: сынъ угорскаго короля, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ обрученъ тогда съ дочерью Крешиміра ([2]).

Правленіе Крешиміра простиралось до 1035 года ([3]). Хорватія обязана ему тѣмъ, что онъ искусной политикой

([1]) Rački. Borba južnich Slovena u XI vieku (Rad jug. akad. XXVII, 83). Здѣсь можно найдти обстоятельное изложеніе отношеній Крешиміра къ Угріи.

([2]) Rad jugols. akad. XXVIII, 84.

([3]) Ibidem. p. 86.

съумѣлъ поддержать ея цѣлость, когда отовсюду грозили враги.

Преемникъ Крешиміра Стефанъ, сынъ Святослава, не отступалъ отъ его политики по отношенію къ Угріи. Правителей Хорватіи и Угріи связывали родственныя узы: жена Стефана I была теткой угорскаго короля Петра. Оба они находились въ родственныхъ отношеніяхъ съ фамиліей Орсеоло и смотрѣли на современныхъ правителей Венеціи, какъ на узурпаторовъ. Стефанъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей. Неудачи Крешиміра не отняли у него надежды овладѣть далматинскими городами. Номинально они принадлежали теперь Византіи, но Венеція не думала отъ нихъ отказываться и выжидала только случая, чтобы возстановить въ нихъ свою власть. Стефанъ рѣшился предупредить ее въ этомъ отношеніи. Онъ началъ постоянно тревожить Далматинцевъ своими нападеніями и довелъ ихъ до того, что они принуждены были подчиниться, чтобы только обезпечить свое существованіе ([1]). Около 1044 года хорватскому королю подчинилась Зара ([2]). Не политическія симпатіи, не мирные переговоры вызвали это подчиненіе, а тревога за существованіе. Настроніе умовъ въ Далмаціи приняло другой оборотъ, лишь только Венеція взялась за дѣло. Послѣдняя до сихъ поръ ограничивалась наблюденіями за дѣйствіями Стефана. Она выжидала, какое положеніе займетъ въ этомъ дѣлѣ Византія, выжидала повторенія катастрофы, постигшей Крешиміра III. Когда эти ожиданія не оправдались, Венеція вышла изъ своего наблюдательнаго положенія, не желая уступить Хорватамъ принадлежавшихъ ей недавно городовъ. Въ 1044 г. дожъ явился подъ Зарой. При помощи расположенной къ Венеціанцамъ части населенія дожу удалось овладѣть этимъ городомъ и возстановить въ немъ свою власть. Сосѣдніе Далматинцы частію также собрались и присягнули на вѣрность дожу ([3]). Не удалась еще одна попытка овладѣть Далмаці-

([1]) Murat. XII, 239. Введенный въ заблужденіе союзомъ Хорватіи и Угріи, Дандоло говоритъ, что Далмацію тревожилъ не хорватскій, а угорскій король.

([2]) Muratori. XII, 224.

([3]) Murat. XII, 244.

ей. На этотъ разъ, впрочемъ, успѣхъ Венеціи былъ далеко не такъ полонъ, какъ при Орсеоло. Была значительная партія, которая стояла противъ зависимости отъ Венеціанцевъ (¹). Эту партію могъ эксплуатировать въ своихъ интересахъ хорватскій король. Важное значеніе имѣло еще и то обстоятельство, что послѣднее подчиненіе далматинскихъ городовъ Венеціи совершилось, какъ актъ насилія, безъ согласія Византіи (²). Стоило хорватскому королю заручиться согласіемъ императора и Далмація была-бы въ его рукахъ. Стефанъ сдѣлалъ для этого уже важный шагъ: онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей (³), но осуществленіе задачи выпало не на его долю, а на долю его сына, *Крешиміра IV Петра*, который вступилъ на хорватскій престолъ около 1050 г.

Въ правленіе Крешиміра Петра Хорватія напоминала былые дни своего могущества,—времена Томислава и Крешиміра старшаго. Все, что составляло при нихъ хорватское государство, что было потомъ потеряно вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ и нападеній сосѣдей, теперь вновь соединилось подъ рукой Крешиміра. Нужно замѣтить при этомъ, что и политика его повторила въ существенныхъ чертахъ политику Томислава и Крешиміра старшаго. Здѣсь мы не встрѣтимся уже, какъ было во времена Крешиміра III и Стефана I, съ попытками вооруженной рукой возвратить отнятыя у Хорватовъ земли. Это политика мира, уступокъ.

Оторванная при Држиславѣ, Далмація въ правленіе Крешиміра Петра снова входитъ въ составъ хорватскаго государства. Въ 1059 г. Крешиміръ Петръ называетъ себя rex Dalmatiae Croatiaeque (⁴). Присоединеніе Далмаціи совершилось, очевидно, между 1057 и 1059 гг. Въ 1057 г. на византійскій престолъ вступилъ Комненъ (⁵). Съ нимъ

(¹) Это видно изъ того, что не всѣ жители Зары тотчасъ перешли на сторону дожа, а только часть; тоже говоритъ хроникеръ и относительно сосѣднихъ съ Зарой далматинскихъ городовъ и селеній.

(²) Rački держится противоположнаго мнѣнія. Rad. XXVII, 88.

(³) Cod. diplom. docum. CXXVII, p. 111. Если только въ Стефанѣ этой граматы можно видѣть короля Стефана.

(⁴) Cod. diplom. docum. CXXXV, p. 118.

(⁵) Rad jug. akad. XXVII, 93.

то и вошелъ въ тѣсныя отношенія Крешиміръ. Далматинскіе города въ это время находились въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Фактически въ нихъ было возстановлено венеціанское господство, но оно не находило себѣ сочувствія среди части населенія. Византійская имперія не могла съ своей стороны смотрѣть миролюбиво на захватъ Венеціанцевъ, но не имѣла возможности отнять у нихъ Далмацію. Въ общихъ чертахъ положеніе дѣлъ поразительно напоминаетъ то, которое предшествовало предпріятію Орсеоло. На этотъ разъ только измѣнились роли. Крешиміръ взялъ на себя ту роль, которую игралъ нѣкогда въ отношеніи Византіи Орсеоло. Онъ указалъ императору на захватъ Далмаціи Венеціанцами, какъ на нарушеніе историческихъ правъ на нее Византіи, и выразилъ желаніе получить эту quasi—византійскую тэму изъ рукъ императора, признавая его верховныя права. Результатомъ этой операціи было тоже, что и при Орсеоло: Далмація попала во власть того, кто не нарушалъ, повидимому, номинальныхъ правъ Византіи. При этомъ предполагалось само собой, что при дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ власть Хорватіи надъ Далмаціей фактически можетъ болѣе и болѣе расширяться, такъ какъ со стороны Византіи нельзя было ничего опасаться. Совершенно инымъ представлялось дѣло съ иной точки зрѣнія. Опытъ Држислава, политика его преемниковъ и предшественниковъ Крешиміра показывали, что для того, чтобы владѣть Далмаціей, недостаточно было одного согласія Византіи. Установленная при помощи Византіи, внѣшняя связь Хорватіи и Далмаціи не обладала достаточной степенью прочности. Чтобы дать этому союзу требуемую крѣпость, нужно было ослабить вѣковой антагонизмъ, раздѣлявшій романство и славянство въ хорватскомъ государствѣ. Въ этомъ состояла сущность государственной задачи Попытку въ подобномъ родѣ сдѣлалъ уже Томиславъ, но венеціанская война показала, что она не вполнѣ достигала цѣли. Крешиміръ взялъ за образецъ политику Томислава, но ввелъ въ нее нѣсколько осложненій, которыхъ требовали современныя обстоятельства.

Во главѣ романскаго міра стояло тогда папство, но уже не такое, какимъ оно было въ эпоху Томислава,— ничтожное, переживавшее самую темную пору своего существованія. Современное Крешиміру Петру папство не до-

вольствовалось уже однимъ духовнымъ владычествомъ надъ міромъ; оно стремилось къ преобладанію въ сферѣ политической. Это было время подготовительныхъ работъ Гильдебранда, имѣвшихъ задачей создать всемірную теократію съ папой во главѣ. Къ папству тяготѣли тогда симпатіи всего романскаго міра. Ввести Хорватскій народъ въ эту общероманскую колею казалось Крешиміру и легкой задачей и лучшимъ средствомъ достигнуть цѣли, на которую потрачено было столько жертвъ и борьбы. Въ его жилахъ текла на половину романская кровь (1); венеціанка мать воспитала его въ симпатіяхъ къ всему романскому. Славянство было ему и чуждо и незнакомо. Крешиміръ безповоротно рѣшилъ принести интересы славянства въ жертву для рѣшенія политической задачи. Съ перваго-же года своего правленія онъ вступилъ въ тѣсныя отношенія съ Римомъ. Это былъ первый шагъ въ его политикѣ. Правитель Хорватіи сошелся въ своихъ симпатіяхъ съ представителями романскаго населенія Далмаціи. Для папства этотъ союзъ былъ небезвыгоденъ: онъ расширялъ поле для преобразованія духовенства въ духѣ реформъ, задуманныхъ Гильдебрандомъ. Не опуская случая, Николай II отправилъ тотчасъ же своего легата Майнарда въ Далмацію. Крешиміръ принялъ его съ торжествомъ. Въ концѣ 1058 года (2) Майнардъ созвалъ въ Сплитѣ соборъ, на которомъ постановлено было ввести въ епископіяхъ Далмаціи и Хорватіи церковныя реформы, задуманныя Гильдебрандомъ; на первомъ планѣ стояло безбрачіе духовенства. Послѣ рѣшенія этого существеннаго вопроса приступили къ мѣстнымъ.

На Сплитскомъ соборѣ 925 года было запрещено, какъ мы уже знаемъ, славянское богослуженіе въ Хорватіи. На первыхъ порахъ, вѣроятно, далматинское духовенство строго слѣдило за исполненіемъ этого постановленія, но потомъ этотъ надзоръ сталъ ослабѣвать. Съ 998 года по 1059 годъ, когда Далмація въ политическомъ отношеніи зависѣла отъ Венеціи, хорватскіе короли не имѣли основанія притѣснять

---

(1) Стефанъ, его отецъ, былъ женатъ, какъ мы видѣли, на дочери Орсеоло. Murat. XII, 226.

(2) Такъ опредѣляетъ время этого собора Rački (Rad jug. akad. XXVII, 103).

религіозную свободу своихъ подданныхъ въ угоду латинскому духовенству, такъ дурно зарекомендовавшему себя предъ ними,—и славянское богослуженіе мало по малу снова вошло въ употребленіе. На Сплитскомъ соборѣ 1059 года вопросъ о немъ снова выступилъ на очередь. Далматинское духовенство, король и папскій легатъ были заинтересованы одинаково отрицательнымъ рѣшеніемъ его,—каждый съ своей точки зрѣнія. Для духовенства окончательное запрещеніе славянскаго богослуженія было средствомъ для церковнаго господства надъ Хорватіей. Король въ запрещеніи его видѣлъ первый шагъ къ романизаціи своихъ подданныхъ, которае, по его соображеніямъ, была необходимо для того, чтобы упрочить объединеніе Хорватовъ и Далматинцевъ. Папы давно уже перестали снисходительно смотрѣть на славянское богослуженіе; въ эпоху Крешиміра Петра они видѣли въ немъ препятствіе для достиженія своихъ цѣлей, которыя были направлены къ тому, чтобы сосредоточить въ Римѣ церковную власть и сравнять, отождествить всѣ другія церкви въ отношеніи внѣшнихъ обрядовъ и обычаевъ съ ихъ римской матерью.—Понятно, что вопросъ о славянскомъ богослуженіе долженъ былъ въ виду всего этого рѣшиться не иначе, какъ отрицательно. Соборное постановленіе состояло въ томъ, что отнынѣ никто не долженъ былъ совершать божественныя таинства на славянскомъ языкѣ, а только на греческомъ или латинскомъ; никто знающій только этотъ языкъ не долженъ допускаться къ церковнымъ должностямъ (¹). Никто изъ членовъ собора не сказалъ ни слова въ защиту славянскаго богослуженія, хотя соборное постановленіе состоялось на основаніи нелѣпыхъ мнѣній, которыя распространены были тогда относительно этого богослуженія. Члены собора прямо заявили, что они произнесли свой приговоръ не на основаніи личнаго знакомства съ предметомъ, а по слухамъ. „Говорили, что готскія (славянскія) письмена изобрѣтены какимъ-то еретикомъ Меѳодіемъ, который на этомъ языкѣ написалъ много ложнаго, уклоняющагося отъ правилъ католической вѣры (²)“. Оппозиція возникла тамъ, гдѣ ея во-

(¹) Schwandtn. III. Thoma Archid. Hist. Salonit. cp. XVI.

(²) Schwandtn. III, 552—553. Hist. Salonit. c XVI.

все не ожидали, среди массы простаго народа и низшаго духовенства славянскаго. Когда постановленія собора были утверждены папскимъ авторитетомъ, славянскіе священники были поражены печалью. Впечатлѣніе усилилось тѣмъ, что постановленное относительно славянскаго богослуженія начали приводить въ исполненіе самымъ энергическимъ образомъ. Всѣ церкви, въ которыхъ совершалось славянское богослуженіе, были заперты; священники—Славяне были отрѣшены отъ своихъ мѣстъ [1]. Народъ былъ и опечаленъ и раздраженъ. Темная масса не знала о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли въ убѣжденіяхъ папъ. Изъ рода въ родъ передавалось преданіе, шедшее отъ временъ Адріана II-го и Іоанна VIII, что было время, когда папы одобряли славянское богослуженіе, не находя въ немъ ничего противнаго католической вѣрѣ. Народъ сваливалъ всю вину на дурныхъ епископовъ. Папа по прежнему считался, если не покровителемъ, то, по крайней мѣрѣ, справедливымъ судьей, который вѣрно оцѣнитъ преслѣдуемое богослуженіе. „Въ это время,—говоритъ Ѳома архидіаконъ сплитскій,—пришелъ въ Хорватію одинъ священникъ-пришлецъ, по имени Вульфъ, съ выраженіемъ набожности на лицѣ и ядомъ лукавства въ сердцѣ. Онъ ходилъ между народомъ, нашептывая ему что-то и дѣлая видъ, будто онъ посланъ папой. Съ притворнымъ сожалѣніемъ къ несчастію народа онъ обѣщалъ дать ему полезный совѣтъ. Знайте, говорилъ онъ, что мой повелитель—папа сильно опечалился, услыхавъ, что у васъ закрыты церкви и священникамъ вашимъ запрещено совершать богослуженіе. Отправьте къ моему повелителю посольство и будьте увѣрены, что получите все, чего желаете. Сошлись старѣйшины и рѣшили послать священника Ульфа съ дарами въ Римъ. Ульфъ поспѣшилъ въ Римъ, представилъ папѣ дары Хорватовъ и униженно просилъ его, чтобы онъ возвратилъ прежнее положеніе церкви и священникамъ славянскаго королевства. Папа отвѣчалъ ему, что онъ ничего не можетъ сдѣлать противъ постановленій посланника апостольской каѳедры, но далъ ему письма, которыя онъ долженъ былъ отнести къ архіепископу, королю и всѣмъ магнатамъ страны, присовокупивъ, что должны прійдти оттуда два еписко-

---

(1) Ibidem.

па, такъ какъ Ульфа, какъ человѣка неизвѣстнаго, онъ не можетъ выслушать. Злой попъ не понесъ папскихъ писемъ, кому они были адресованы, а поторопился къ готамъ (Хорватамъ), которые его посылали. Тѣ спросили его, которыя изъ ихъ требованій были выполнены апостольской каѳедрой. Онъ отвѣчалъ имъ: слава Богу, я добылъ все, чего вы требовали отъ моего повелителя папы: церкви ваши будутъ открыты, священникамъ вашимъ возвращается служба; кромѣ того я испросилъ, чтобы вамъ дозволено было избрать изъ своего народа епископа и вмѣстѣ со мной послать для посвященія къ папѣ. Услыхавъ это, готы сильно обрадовались и тотчасъ-же избрали въ епископы нѣкоего старца, простаго человѣка, по имени Цедеду и вскорѣ послали его въ Римъ вмѣстѣ съ однимъ аббатомъ Потепою и съ попомъ Ульфомъ. Когда они пришли къ папѣ, тотъ спросилъ ихъ, кто они такіе? и безбожный попъ отвѣчалъ: „мы изъ далматинскихъ странъ; вы, надѣюсь, изволите помнить, святой отецъ, что я недавно приходилъ къ вашей милости, а эти рѣшились теперь пасть къ ногамъ вашей святости, чтобы вы оказали ихъ народу такую-же милость, какъ и всѣмъ. Этотъ же замѣчательный готъ пришелъ затѣмъ, чтобы, получивши отъ васъ наставленіе, свободно проповѣдывать истину. Папа спросилъ: „въ какомъ онъ санѣ“?—На это ему отвѣчали, что онъ давно уже священникомъ въ своихъ краяхъ. Папа опять спросилъ: „почему же онъ не брѣетъ бороду по обычаю католической церкви?“. Безбожный попъ отвѣчалъ: „онъ затѣмъ и явился къ вамъ, чтобы отнынѣ исполнять вашу волю“. Папа тотчасъ же отрѣзалъ ему часть волосъ и приказалъ своимъ людямъ обрить его по церковному обычаю. Потомъ онъ сказалъ священнику: „я тебѣ не приказывалъ приводить сюда такихъ людей, а велѣлъ тебѣ позвать сюда епископовъ за дѣломъ“. А священникъ на это: „хотѣлъ, владыко, но никакъ не могъ“. Папа, по обсужденіи, отвѣчалъ имъ такъ: „знайте дѣти мои, что я много разъ уже слышалъ, чего желаютъ добиться готы, но ради Аріанъ, изобрѣтателей такой письменности, я не рѣшусь дать имъ позволеніе исполнять богослуженіе на ихъ языкѣ. Теперь ступайте и старайтесь, чтобы народъ повиновался всему, что на церковномъ соборѣ постановили посланники папскаго престола, и тогда уже пусть сюда идутъ новые посланники. Услыхавъ это, они тотчасъ ушли домой. Дорогою Цедеда

спросилъ попа Ульфа: „скажи, пожалуйста, что-же намъ толку, что мы ходили къ папѣ?“. Ульфъ отвѣчалъ ему: „всего, чего ты такъ пламенно желалъ, ты достигъ моими стараніями“. Чего-же? спросилъ Цедеда, а Ульфъ ему въ отвѣтъ: „папа сдѣлалъ тебя епископомъ“. Услыхавъ это, глупый старикъ сильно обрадовался и тотчасъ же добылъ себѣ пастырскій посохъ и перстень. Когда они, наконецъ, дошли до хорватскихъ границъ, то ихъ соотечественники, узнавъ объ ихъ приходѣ, радостно бросились па встрѣчу къ своему епископу и встрѣтили его съ большимъ торжествомъ. На первый разъ онъ смѣстилъ съ каѳедры Крчскаго епископа и присвоилъ себѣ эту каѳедру какъ бы по апостольскому дарованію. Тогда, о стыдъ! этотъ странный епископъ началъ поганить богослуженіе освященіемъ церквей, назначеніемъ священниковъ и исполненіемъ другихъ епископскихъ обязанностей. Какъ только слухи объ этихъ безбожныхъ событіяхъ дошли до папы, онъ немедленно послалъ туда какого-то посланника Ивана кардинала, чтобы онъ истребилъ въ славянскихъ земляхъ сѣмя проклятаго раскольничества. Прибывъ туда, кардиналъ созвалъ множество народа и священниковъ и страшно наругался надъ лжеепископомъ въ присутствіи его готовъ за такое легкомысленное бездѣльничество и объявилъ, что папа не давалъ ему никакого сана. Потомъ мечемъ вѣчнаго проклятія онъ исключилъ его вмѣстѣ съ Потепою и всѣми послѣдователями изъ собора вѣрующихъ; Ульфа-же, какъ зачинщика такого безбожества, онъ велѣлъ отвести въ Сплитъ, гдѣ въ священномъ собраніи лишилъ его священнаго сана и избитаго, обритаго, обезчещеннаго бросилъ на вѣки въ тюрьму. Такъ какъ бѣшеный Цедеда никакъ не хотѣлъ отказаться отъ своей дерзости и такъ какъ по его милости въ цѣломъ королевствѣ произошелъ великій соблазнъ, то папа приказалъ его проклинать не только въ римской, но и въ сплитской церкви и во всей странѣ (¹)“. Въ основаніи приведеннаго разсказа Ѳомы лежитъ, безъ сомнѣнія, дѣйствительный фактъ,—но не слѣдуетъ забывать, скажемъ мы словами Ягича, что это разсказываетъ ярый противникъ славянской народности, который

(¹) Schwandtn. III Hist. Salon. c. XVI (Переводъ у Ягича. Исторія Серб. хорв. литер. p. 57—58.

не скупится на темныя краски и старается выставить глупцами вождей народнаго дѣла. Опуская подозрительныя детали, мы можемъ до нѣкоторой степени правильно представить движеніе, произведенное среди Хорватовъ постановленіемъ сплитскаго собора 1058—59 г. Мы говорили уже, что все дѣло приписывалось епископамъ. Среди массы весьма естественно могла возникнуть мысль о томъ, чтобы обратиться непосредственно къ папѣ за рѣшеніемъ вопроса. Что дѣло дѣйствительно происходило такъ, видно изъ того, что папа Александръ II около 1061 г. нашелъ нужнымъ убѣждать хорватскаго короля и всѣхъ епископовъ, находящихся въ его королевствѣ, что онъ подтверждаетъ всѣ постановленія, которыя сдѣланы были на сплитскомъ соборѣ легатомъ его предшественника Николая (¹). Такъ же естественно, по нашему мнѣнію, среди Хорватовъ могла возникнуть мысль объ избраніи собственныхъ епископовъ. Въ памяти были еще живы преданія о томъ, какъ нѣкогда за тоже общеславянское дѣло ратовалъ нинскій епископъ Григорій. Нинскій епископъ былъ и теперь (²), но далеко не такой, какъ Григорій и его предшественники; онъ далъ клятву сплитскому епископу посильно помогать ему во всемъ. Онъ не будетъ защитникомъ славянства, противъ котораго такъ упорно боролась сплитская церковь.

Что-же удивительнаго въ томъ, что народъ и священники рѣшились избрать собственнаго епископа, который стоялъ бы съ ними за одно дѣло? Оппозиція имѣла чрезвычайно серьезный характеръ: она указывала правительству дорогу, на которую оно должно было стать, чтобы сдѣлаться народнымъ,—требовала исправленія ошибокъ Томислава, возстановленія церковной самостоятельности Хорватіи, какъ единственной гарантіи правильной постановки дѣла народнаго образованія и сноснаго политическаго существованія; но она шла въ разрѣзъ съ политическими убѣжденіями Крешиміра и не привела поэтому къ желаемымъ результатамъ.

(¹) Cod. diplom. docum. CXL. p. 123.

(²) Нинская епископія была возстановлена, по извѣстію Ѳомы архидіакона, на соборѣ 1075 года; на самомъ дѣлѣ она возстановлена въ 1058 г. Hist. Salonit. c. XVI. Rad jug. akad. XXVII, 104.

Движеніе Хорватовъ сильно встревожило далматинское духовенство, короля и папу; для начатаго дѣла возникла преграда. Начиналось антироманское движеніе. Крешиміръ не могъ ему сочувствовать. Придворные, магнаты, жупаны,— все было противъ возставшей за свои духовные интересы массы. Народъ не могъ ждать ни откуда поддержки. Правительство подавило начинавшееся движеніе, а на сплитскомъ соборѣ 1064 года ([1]) были приняты самыя суровыя мѣры противъ народнаго дѣла и его вождей. Здѣсь не ограничивались уже, какъ видно изъ разсказа Ѳомы, одними запрещеніями: осмѣлившихся противиться соборнымъ постановленіямъ били, истязали и бросали въ тюрьму. Въ Римѣ, въ Сплитѣ, по всей Далмаціи загремѣли приклятія на голову тѣхъ, которые вступались за священные интересы народа. Латинство восторжествовало. Въ его руки перешло снова господство въ церкви, а съ нимъ вмѣстѣ и народное воспитаніе. Задача Крешиміра зато была достигнута: своими уступками онъ привлекъ на свою сторону далматинское духовенство. Мы увидимъ, что онъ съумѣлъ этимъ воспользоваться.

Покончивъ дѣло съ Далмаціей, Крешиміръ обратилъ свое вниманіе на сѣверную, Паннонскую часть своихъ владѣній. Часть Посавской Панноніи—Сремъ съ его округомъ— признала въ правленіе Крешиміра III верховную власть греческихъ императоровъ. Около времени вступленія на престолъ Крешиміра Петра Сремъ сдѣлался свободнымъ, но, не имѣя возможности отстаивать свою самостоятельность, онъ долженъ былъ сдѣлаться добычей болѣе могущественныхъ сосѣдей. Крешиміръ не упустилъ случая расширить на счетъ его свои владѣнія ([2]). Границами хорватскаго государства сдѣлались границы хорватской народности; теперь Хорватская Паннонія была подъ властью короля; управленіе ею было поручено особому бану, которымъ при Петрѣ Крешимірѣ былъ Димитрій Свиниміръ. Чтобы обезпечить свои Паннонскія владѣнія отъ покушеній Угровъ, Крешиміръ около1065 года вступилъ въ дружескія сношенія съ

([1]). Такъ опредѣляетъ годъ 2-го собора Ягичъ (op. cit. p. 56). Точная дата неизвѣстна. Рачкій относитъ его къ 1062—63 г.

([2]) Rad jug. akad. XXVII, 100.

угорскимъ королемъ [1]. Вскорѣ эти отношенія стали еще тѣснѣе; Свинимiръ женился на дочери Соломона угорскаго и, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ хроникеровъ, получилъ за ней Славонію въ видѣ приданаго [2]. Обезпечивъ за собой Паннонію, Крешимiръ снова обратилъ вниманіе на Далмацію. До сихъ поръ онъ раздѣлялъ власть надъ ней съ византійскимъ императоромъ. Въ 1067 году мы встрѣчаемся на граматахъ съ титуломъ катепана Далмаціи, императорскаго протоспатарія. Этимъ катепаномъ былъ пріоръ Зары. Катепанъ былъ выразителемъ верховныхъ правъ Византіи на далматинскіе города и находился отъ нея въ зависимости, но, какъ пріоръ Зары, онъ признавалъ надъ собой власть Крешиміра. Въ своей личности, такимъ образомъ, онъ примирялъ права обоихъ государей [3]. Но Крешимiръ не даромъ принесъ столько жертвъ для Далмаціи; подобная полувласть ихъ не стоила. Онъ стремился къ неограниченному господству въ Далмаціи и, повидимому, достигъ этого. Съ 1068—69 г. пропадаетъ на граматахъ титулъ катепана всей Далмаціи [4]. Имя византійскаго императора, впрочемъ, остается по прежнему на первомъ мѣстѣ, но это было уже должной данью со стороны Крешиміра, признаніемъ историческихъ правъ Византіи [5]. Послѣдній параграфъ политической программы былъ выполненъ. Крешимiръ подчинилъ себѣ Далмацію, сдѣлавъ предварительно все для того, чтобы обезпечить за собой ея вѣрность. Для этой цѣли онъ отказался отъ національнаго направленія въ политикѣ, допустилъ церковное господство далматинскаго духовенства, старался обогатить далматинскія церкви постоянными пожертвованіями, оставляя почти безъ вниманія хорватскія, отдалъ въ руки латинянъ народное образованіе. Крешимiръ имѣлъ право надѣяться, что его труды не пропадутъ безъ пользы, что въ исторіи хорватскаго государства не будетъ уже имѣть мѣста антагонизмъ между романскимъ и славянскимъ элементами,

---

(1) Rad jug. akad. XXVII, 98.

(2) Ibid. p. 99.

(3) Ibid. p. 95.

(4) Cod. diplom. docum. CLVI, p. 134.

(5) Ibid. docum. CLIX—CLXII, p. 136—138.

что Далмація органически сольется съ Хорватіей. Онъ не дожилъ до той поры, когда страшная катастрофа доказала неосновательность его надеждъ,—но уже при жизни его начали складываться событія, показавшія, что онъ пошелъ ложной дорогой для осуществленія своей политической программы. Между Византіей и Болгаріей вспыхнула борьба; на сторону Болгаръ сталъ Зетскій князь Михаилъ (1073 г.); по нѣкоторымъ извѣстіямъ въ рядахъ его войска находились и Хорваты ([1]). Крешиміръ не вмѣшивался въ греко-болгарскую борьбу и старался сохранить нейтральное положеніе, но уже и этого было достаточно для того, чтобы его поведеніе сдѣлалось подозрительнымъ для Византіи. Вся прошлая исторія отношеній между Хорватами и Греками доказывала, что настоящей дружбы между ними не было никогда, что хорватскіе короли всегда эксплуатировали малѣйшее ослабленіе Византіи; того-же можно было ожидать и отъ Крешиміра. Чтобы удержать его отъ болѣе или менѣе рѣшительнаго участія въ борьбѣ, Византія заключила союзъ съ Венеціей. Доменико Сильвіо, сдѣлавшійся дожемъ съ 1072 года, вступилъ въ родственныя отношенія съ императоромъ Михаиломъ VII, женившись на его сестрѣ ([2]); нѣтъ сомнѣнія, что одновременно съ родственнымъ союзомъ былъ заключенъ и союзъ политическій. Не принимая активнаго участія въ борьбѣ, Венеція обязывалась наблюдать за повеніемъ Крешиміра и держать его въ границахъ строгаго нейтралитета. Венеціанцы хлопотали, конечно, не безкорыстно и Крешиміръ могъ догадываться, что Византія вознаградитъ ихъ за участіе на его счетъ. Съ тяжелыми предчувствіями на счетъ будущаго привелось ему кончить свое правленіе. Наслѣдникомъ Крешиміра еще при жизни былъ назначенъ Стефанъ, его сынъ ([3]), но ему не удалось на этотъ разъ вступить на престолъ Хорватіи. Удрученный тяжелой

([1]) Nicephor. Bryenn. Stritt. op. cit. p. 401. «Chrobati et Dioclenses rebellantes universum Illyricum infestabant».

([2]) Murat. XII, 247.

([3]) «Ego Stephanus ejusdem patrui mei heres et divina clementia futurus in regno successor hanc donationem *confirmo* et ratam in perpetuum esse *jubeo*» — подписывается Стефанъ на дарственныхъ граматахъ. Cod. diplom. docum. CLIV. p. 133.

болѣзнью, онъ созвалъ духовенство хорватскаго королевства и велѣлъ перенести себя въ монастырь св. первомученика Стефана; здѣсь онъ сложилъ съ себя титулъ князя, отказался отъ престола и самъ, въ ожиданіи скорой смерти, выбралъ себѣ мѣсто для могилы. Тяжелая болѣзнь отнимала у него надежду на выздоровленіе (¹). Хорватскій престолъ долженъ былъ занять одинъ изъ жупановъ Хорватіи по избранію народа. Выборъ палъ на Славича, брата приморскаго жупана (²).

Съ самаго вступленія на престолъ новый король остался безъ союзниковъ, лицемъ къ лицу съ грозной силой, которая утвердилась на западномъ берегу Адріатическаго моря въ правленіе Крешиміра Петра; мы говоримъ о Норманнахъ.

Съ 1059 г. по 1072-й Норманны утвердились въ Сициліи, покорили ломбардскіе города Византіи (³). Гордые своимъ могуществомъ герцоги норманнскіе готовились перенести свое оружіе на востокъ, противъ Византіи; они питали надежду на ея развалинахъ положить начало новой монархіи. По разсчету герцога, Византію нужно было ослабить войной. Съ этой цѣлью, предполагаютъ, было сдѣлано нападеніе на Далмацію въ 1075 году. Славичъ и теперь, какъ при вступленіи своемъ на престолъ, оставался безъ союзниковъ. Ошибочно было-бы приписывать это его политической безтактности и неспособности. Въ Византіи очень хорошо понимали, что въ отношеніи защиты Далмаціи отъ Норманновъ интересы Грековъ и Хорватовъ тождественны, но раз-

---

(¹) Такъ принято думать объ обстоятельствахъ отреченія Стефана отъ престола на основаніи словъ его граматы;—но грамата эта дана была въ 1078 г., т. е. почти черезъ 5 лѣтъ по смерти Крешиміра; въ этомъ году именно и былъ такъ сильно боленъ Стефанъ; въ этомъ году, по смыслу грамоты, онъ былъ перенесенъ въ монастырь и сложилъ съ себя княжескій титулъ; стало быть, до 1078 г. онъ самъ еще считалъ себя наслѣдникомъ престола (dux Chroatorum); стало быть, устраненіе его отъ престола было не его личнымъ дѣломъ, а дѣломъ народа, точнѣе придворной партіи, которая не хотѣла допустить того, чтобы король самъ и при жизни назначилъ себѣ преемника.—Cod. diplom. p. 164/5.

(²) Cod. diplom. p. 212 ad an. 1176.

(³) Rad jug. akad. XXVIII, 150.

считывали защитить Далмацію при помощи Венеціи, а ослабить Хорватовъ считали небезвыгоднымъ въ отношеніи Болгаръ. Лишь только Гамингъ, предводитель Норманновъ, приблизился съ своимъ флотомъ къ далматинскимъ берегамъ, изъ Венеціи отправилась эскадра подъ личнымъ предводительствомъ дожа. Съ другой стороны на встрѣчу Норманновъ отплылъ Славичъ. Обѣ стороны, не смотря на то, что имѣли одну и ту-же цѣль, дѣйствовали самостоятельно. Венеціанская эскадра вела себя выжидательно и не принимала активнаго участія въ борьбѣ Славича и Гаминга. Только тогда, когда Славичу не удалось отразить нападеніе, когда онъ самъ попалъ въ плѣнъ ([1]), а Норманны грозили забять Далмацію, венеціанская эскадра открыла свои дѣйствія. Норманны были разбиты, и прогнаны, но объ освобожденіи Славича не было и рѣчи. Результатомъ побѣды, одержанной Венеціанцами, было возстановленіе ихъ власти въ Далмаціи. Доменико Сильвіо получилъ титулъ дожа Далмаціи; далматинское духовенство, которое такъ усердно старался привязать къ себѣ Крешиміръ Петръ, первое признало за дожемъ этотъ титулъ и изъявило ему покорность ([2]). Славичъ не являлся уже болѣе на родину. Хорватія осталась безъ правителя. Вскорѣ послѣ этой катастрофы прибылъ въ Далмацію папскій легатъ, сипонтскій архіепископъ Герардъ, для введенія здѣсь церковныхъ реформъ, которыя производились въ другихъ западныхъ государствахъ. Въ 1075 г. въ Сплитѣ былъ созванъ соборъ, которому предстояло рѣшить вопросъ объ инвеститурѣ и безбрачіи духовенства. Эта была очень несложная задача: вопросъ о безбрачіи духовенства былъ рѣшенъ уже ранѣе на соборахъ 1058/9 и 1064 гг.; что же касается инвеституры и симоніи, то о нихъ нечего было говорить, такъ какъ историческая жизнь Далмаціи и Хорватіи не выработала условій, среди которыхъ могли бы развиться эти явленія.

По примѣру предыдущихъ соборовъ, въ 1075 г. также былъ поставленъ вопросъ о славянскомъ богослуженіи, но рѣшеніе, къ которому пришелъ на этотъ разъ соборъ,

---

([1]) Cod. diplom. docum. CLXXXIV, p. 150. Murat. XII, 248.

([2]) Ibid. docum. CLXXXIII, p. 149. Murat. XII, 248.

показываетъ, къ какимъ результатамъ привели соединенныя усилія Петра Крешиміра и духовенства Далмаціи. Послѣ энергическихъ и суровыхъ мѣръ легатовъ папы Николая и его преемника Александра никто уже не думалъ бороться за славянское богослуженіе; славянскіе священники были разогнаны; народъ остался безъ руководителей и горькимъ опытомъ убѣдился, что папы преслѣдуютъ славянство не менѣе, чѣмъ далматинскіе епископы. Латинство такъ прочно укоренилась въ Хорватіи, что Герардъ не нашелъ опаснымъ освободить извѣстнаго Ульфа изъ заточенія, обязавъ его только удалиться изъ Хорватіи (¹). Другая, болѣе важная, забота занимала отцевъ собора и посла. Хорватскій престолъ все еще не былъ занятъ, а папа нуждался въ союзникахъ для задуманныхъ предпріятій. Онъ мечталъ о всемірной теократіи, о подчиненіи свѣтской власти авторитету церкви, о борьбѣ съ мусульманствомъ, для которой требовались соединенныя усилія всего христіанскаго міра, тотчасъ сдѣлалась неизбѣжной борьба съ Генрихомъ IV, противъ котораго недостаточно было дѣйствовать интердиктами, а нужно было выставить и матеріальную силу. Союзники нужны были вездѣ—и для исполненія папскихъ утопій и для защиты его отъ враговъ. Понятны поэтому причины, въ силу которыхъ папскій легатъ не могъ смотрѣть безучастно на предстоящіе въ Хорватіи выборы короля. Нужно было хлопотать о такомъ кандидатѣ, который сталъ-бы на сторону папы. Латинское духовенство, преимущественно сплитскій архіепископъ Лаврентій и трогирскій епископъ Іоаннъ, энергически дѣйствовало въ пользу легата. Подходящимъ кандидатомъ оказался бывшій банъ Славоніи Димитрій Свиниміръ, съ именемъ котораго мы встрѣчались уже въ правленіе Крешиміра Петра. Онъ былъ, повидимому, любимымъ баномъ короля и пользовался послѣ него наибольшимъ значеніемъ въ государствѣ. Его имя на граматахъ выставлялось непосредственно вслѣдъ за королевскимъ (²). При Славичѣ мы съ нимъ не встрѣчаемся; онъ, повидимому, потерялъ значеніе (³). Разъ, по смерти Крешиміра Петра, онъ былъ

(¹) Schwandt. III. Hist. Salonit. cp. XVI.

(²) Cod. diplom. docum. CLX, CLXI, CLXXVI; p. 137—38, 146.

(³) Баномъ при Славичѣ былъ Петръ. Cod. diplom. p. 171.

уже обойденъ въ пользу мало извѣстнаго до тѣхъ поръ Славича. Было что-то въ его личности, что не нравилось тогдашнимъ избирателемъ. Можно было опасаться, что его обойдутъ и на предстоящихъ выборахъ. Теперь, когда подъ условіемъ союза съ папой, по вступленіи на престолъ, ему представлялась возможность заручиться содѣйствіемъ могущественной партіи, составленной изъ духовенства,—онъ не задумался обѣщать все, чего отъ него ни потребовали бы, лишь бы добиться престола. Духовенство начало дѣятельно агитировать въ его пользу. На народномъ собраніи Свиниміръ былъ избранъ королемъ Хорватіи и Далмаціи; на соборѣ 1075/6 г. духовенство утвердило за нимъ королевскій титулъ [1], а папскій легатъ Гебизонъ отъ имени папы вѣнчалъ его королевской короной [2]. Главную роль при избраніи Свиниміра, очевидно, играло духовенство. Оно торжествуетъ уже не въ одной церкви, но и въ государственныхъ дѣлахъ, подавляя своимъ могуществомъ всѣхъ народныхъ представителей. Избранный королемъ Хорватіи, Свиниміръ даетъ торжественную клятву безусловно исполнять все, что прикажетъ папа. Какъ выраженіе своей покорности, онъ обѣщаетъ платить папѣ дань по 200 золотыхъ съ уступленнаго ему королевства [3]. „Сверхъ того,—продолжаетъ Свиниміръ въ граматѣ, данной имъ Гебизону,—такъ какъ царствовать значитъ служитъ Богу, то я поручаю и предаю себя въ твои руки и утверждаю клятвенно свою вѣрность. Я, Свиниміръ, божіею милостію и дарованіемъ апостольскаго престола, король отъ этого часа буду вѣренъ св. Петру и господину моему папѣ Григорію, равно и его преемникамъ, имѣющимъ законно вступить на папскій престолъ. Никогда не буду имѣть ни въ намѣреніяхъ, ни въ дѣйствіяхъ, чтобы первосвященники потеряли или жизнь, или члены, или свободу; никому не открою, во вредъ святому престолу, тѣхъ плановъ, которые они мнѣ сообщатъ. Королевство-же, которые ты, господинъ Гебизонъ, передалъ мнѣ своей рукой я буду вѣр-

---

(1) «Synodali concordia totius cleri» Cod. diplom. docum. CLXXXVI, p. 152.

(2) «A te domino Gebigo constitutus rex»... Ibidem.

(3) Ibidem.

но держать; никогда не буду стремиться къ тому, чтобы отнять его, а равно и права на него у апостольскаго престола. Господина моего Григорія, а равно и его преемниковъ, также легатовъ, еслибы они прибыли въ мое государство, съ честью приму, съ уваженіемъ буду обращаться съ ними и провожу обратно. Куда бы они меня не потребовали, смиренно буду служить имъ по мѣрѣ силъ моихъ (1)“.

Свиниміръ, какъ видно изъ приведенной присяги, становился вассаломъ папы. На первахъ порахъ новыя отношенія къ Риму были не безвыгодны для Хорватіи. Папа становился въ силу ихъ защитникомъ Свиниміра и принималъ на себя обязанность оберегать его землю отъ нападеній сосѣдей. Норманны, оставившіе по себѣ такую печальную память въ Хорватіи, въ лицѣ своего правителя вошли въ дружескія отношенія съ папой (2), а чрезъ него и съ Свиниміромъ. Чрезъ папу Свиниміръ возобновилъ дружескія отношенія съ Византіей, разстроенныя послѣдними событіями правленія Крешиміра Петра (3). Соперница Хорватіи Венеція стояла на сторонѣ Генриха IV (4) и, стало быть, была враждебной въ отношеніи Византіи. Населеніе Далмаціи въ лицѣ своихъ представителей, преимущественно духовенство, симпатично относилось къ Свиниміру; его вѣрность, казалось, на долго была обезпечена. Все обѣщало для Хорватіи самые счастливые дни, но союзъ Свиниміра съ папой имѣлъ не одни свѣтлыя стороны: онъ выставилъ Хорватію на арену великой борьбы, раздиравшей тогда Европу, и заставилъ принести не одну безплодную жертву.

Не прошло и трехъ лѣтъ со времени вступленія Свиниміра на престолъ, какъ эти печальныя послѣдствія обнаружились. Въ 1079 году нѣкто Вицелинъ, по предположенію Рачкаго, правитель Истріи (5), вступилъ съ Свиниміромъ въ борьбу, поводомъ къ которой послужили современныя

---

(1) Ibidem, p. 153.

(2) Rad jug. akad. XXVIII, 169.

(3) Ibidem.

(4) Ibidem, p. 168.

(5) Ibidem, p. 175.

отношенія между Генрихомъ IV и папой. Ихъ миръ былъ непроченъ. Въ борьбѣ между Рудольфомъ и Генрихомъ папа принялъ сторону перваго послѣ неудавшихся попытокъ примирить ихъ. По планамъ папы, Хорватія должна была служить однимъ изъ орудій для ослабленія Генриха. Чтобы приготовить ее къ этой роли, папа еще въ 1078 году отправилъ туда своего легата (¹). Вѣрный своему обѣщанію подчиняться во всемъ папѣ, Свиниміръ рѣшился на борьбу Генрихомъ. Тутъ-то и предупредилъ его Вицелинъ, державшій сторону императора. Онъ первый открылъ дѣйствія, чтобы парализировать дѣйствія Свиниміра противъ Генриха. Разсчетъ папы на содѣйствіе хорватскаго короля благодаря этому не оправдался; Свиниміръ самъ обратился къ нему съ просьбой о защитѣ. Папа отправилъ къ Вицелину строгое письмо, въ которомъ упрекаетъ его за начатую борьбу. „Знай, пишетъ онъ, что мы были очень удивлены твоей дерзостью. Обѣщавшись быть вѣрнымъ св. Петру и намъ (²), ты намѣреваешься враждовать съ тѣмъ, кто поставленъ апостольскою властью королемъ Далмаціи. Убѣждаемъ твою свѣтлость и приказываемъ отъ лица св. Петра не поднимать впредь оружія противъ этого короля; рѣшившись на что нибудь въ отношеніи его, ты сдѣлаешь преступленіе противъ апостольскаго престола. Если ты имѣешь что-нибудь противъ него, то долженъ просить у насъ справедливости и ожидать суда, а не поднимать оружіе противъ апостольскаго престола (³)“. Борьба съ Вицелиномъ была прекращена въ самомъ началѣ; болѣе о ней нѣтъ уже извѣстій, но участіе Свиниміра въ современныхъ событіяхъ этимъ не ограничилось. Въ 1081 году между австрійскимъ маркграфомъ Леопольдомъ II и чешскимъ королемъ Вратиславомъ началась война. Леопольдъ незадолго предъ этимъ былъ сторонникомъ Генриха, но теперь отложился отъ него. Свиниміръ объявилъ ему войну, вѣроятно, съ цѣлью обезсилить его на случай новаго союза съ Генрихомъ. При содѣйствіи Мадьяровъ онъ сдѣлалъ нападеніе на Каринтію, но неудач-

---

(¹) Кардинала Петра. Cod. diplom. docum. CC, p. 165.

(²) Вицелинъ, стало быть, прежде былъ сторонникомъ папы.

(³) Cod. diplom. docum. CCIV, p. 166.

но. Леопольдъ уничтожилъ почти все его войско. Свиниміру пришлось заключить миръ и выступить изъ Каринтіи. Это было его послѣднее военное предпріятіе. Въ народѣ начиналось глухое неудовольствіе по поводу безплодныхъ тратъ боевыхъ силъ. Оно исходило отъ партіи, враждебной романизму, и находило сочувствіе въ массѣ народа и между низшимъ духовенствомъ ([1]). Народъ осуждалъ политику Свиниміра, инстинктивно сознавая ея фальшь; вскорѣ эта фальшь обнаружилась въ ужасающей наготѣ.

Преемникъ византійскаго императора Михаила VII Алексѣй вступилъ въ дружескія отношенія съ Генрихомъ и въ силу своихъ политическихъ симпатій сдѣлался врагомъ папы, а слѣдовательно и его сторонника—Свиниміра. Новая политическая комбинація имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что Свиниміръ окончательно присвоилъ себѣ Далмацію и сталъ на сторону Норманновъ, которые начали новую борьбу съ Византіей. Новый императоръ былъ ихъ врагомъ, какъ сторонникъ антипапской партіи и какъ узурпаторъ, отнявшій престолъ у императора Михаила—родственника ихъ герцога. Война началась 1082 году. Не принимая въ ней активнаго участія, Свиниміръ косвенно помогалъ Норманнамъ: они перешли на восточный берегъ Адріатическаго моря на хорватскихъ и дубровницкихъ судахъ ([2]). Это усердіе повлекло за собой очень печальныя послѣдствія. Послѣ перемѣны, происшедшей въ политикѣ Византіи со времени вступленія на престолъ Алексѣя Комнена, союзъ его съ Венеціей возобновился ([3]). Дожъ и императоръ были противниками папы и начали совмѣстныя дѣйствія противъ друзей его—Норманновъ. Венеціанцы были вѣрными слугами императора. Въ 1084 г. ихъ эскадра была уничтожена Норманнами. Робертъ норманскій воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы отвлечь ихъ отъ союза съ императоромъ, но получилъ гордый отвѣтъ: „знай, герцогъ Робертъ! еслибы мы даже видѣли, что ты умерщвляешь нашихъ женъ и дѣтей, то и тогда не рѣшились бы измѣнить Алексѣю;

([1]) Rad jug. akad. XXVIII, 181.

([2]) Rad jug. akad. XXX, 95.

([3]) Ibidem.

для защиты его интересовъ мы готовы на всякія жертвы и опасности (¹)“. Свиниміръ понималъ, какую опасность имѣетъ для него этотъ союзъ, но оставался вѣрнымъ папѣ и дерзко шелъ на встрѣчу событіямъ. Въ 1085 г. посолъ новаго венеціанскаго дожа Виталиса Фаледро прибылъ въ Византію; отъ лица своего правителя онъ предложилъ императору союзъ, но уже не безкорыстно: въ вознагражденіе требовалась Далмація. Повторилась комбинація 998 г. Императоръ припомнилъ, съ какимъ пренебреженіемъ отнесся Свиниміръ къ историческимъ правамъ Византіи на свое королевство, называя его собственностью римскаго престола, принимая его отъ папы, какъ ленъ. Настала пора показать, кому дѣйствительно принадлежитъ хорватская земля-Риму или Византіи. Императоръ уступилъ дожу не только Далмацію, но и Хорватію. Виталисъ Фаледро былъ признанъ дожемъ Венеціи и Хорватіи (²). Вѣковая эквилибристика хорватскихъ королей между Римомъ и Византіей привела къ своимъ естественнымъ послѣдствіямъ. Византія окончательно потеряла довѣріе къ Хорватскому государству и рѣшилась уничтожить его, по крайней мѣрѣ de jure. Не какъ самостоятельное государство, а какъ древняя Византійская тэма (о чемъ позабылъ Свиниміръ, давая присягу папѣ) Хорватія переходитъ теперь по волѣ императора подъ власть Венеціи. Это былъ смертный приговоръ политической самостоятельности Хорватіи—результатъ всей политики Свиниміра и его предшественниковъ. Въ томъ-же году Свиниміра поразилъ новый ударъ: 25 декабря 1085 года умеръ его покровитель Гильдебрандъ, унося съ собой въ могилу идею всеміpной теократіи. Свиниміръ остался безъ защиты лицемъ къ лицу съ могущественными врагами. Положеніе было безвыходно. Самъ Свиниміръ не нашелъ средствъ выйдти изъ него. Союзъ съ Византіей, а онъ только и могъ еще продолжить политическое существованіе Хорватіи, былъ немыслимъ; на него невозможно было разсчитывать послѣ десяти лѣтъ чисто враждебныхъ отношеній. Около четырехъ лѣтъ послѣ этого правилъ еще Свиниміръ, но эти послѣд-

---

(¹) Anna Comn. Alexiad. lib. VI, p. 161.

(²) Andr. Dand. Murat. XII, 249.

ніе годы не напоминали уже богатаго событіями перваго времени его правленія. Онъ умеръ около 1089 года. Строго говоря, это былъ послѣдній хорватскій король. Двухлѣтнее правленіе его преемника Стефана II (1089—1090) было только кратковременной отсрочкой политической смерти Хорватіи.

Правленіе Свиниміра оставило по себѣ добрую память въ потомствѣ. „Во время добраго короля Звониміра, говоритъ, хроникеръ, спокойна была земля; она полна была всякаго добра; города богаты золотомъ и серебромъ. Не боялся бѣдный, что его обидитъ богатый, и слабый, что его обидитъ сильный; не боялся и слуга, что его оскорбитъ господинъ; всѣхъ защищалъ король. Какъ самъ онъ не поступалъ ни съ кѣмъ несправедливо, такъ и другимъ не позволялъ.... Никого не боялась страна, да никто и не смѣлъ ее тронуть (¹)“. Эта апотеоза послѣднихъ свѣтлыхъ дней Хорватіи. Дальнѣйшая судьба ея была такъ печальна, что потомство видѣло въ ней кару Божію, слѣдствіе проклятія, тяготѣвшаго будто-бы надъ народомъ за убійство Свиниміра. Съ точки зрѣнія послѣдующей судьбы Хорватіи можно было поэтизировать внутреннее положеніе Хорватіи при Свиниміре. Не таково оно было, однако, въ дѣйствительности, на сколько можно судить по скуднымъ историческимъ даннымъ. Внѣшняя политика Свиниміра, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, возбуждала въ народѣ неудовольствіе. Самъ Свиниміръ въ своихъ граматахъ упоминаетъ о существованіи внутреннихъ враговъ. Тоже доказываетъ и тяжелая доля, выпавшая его семейству, и самая смерть Свиниміра. Изъ обставленнаго фантастическими подробностями, анахронизмами и нелѣпостями разсказа упомянутаго выше хроникера вытекаетъ одно заключеніе, что Свиниміръ умеръ насильственной смертію.

„Къ королю Звониміру, говоритъ хроникеръ, пришли послы отъ папы и цезаря съ письмами отъ того и другаго; первое дали прочесть только королю. Содержаніе его было слѣдующее: „просимъ и умоляемъ тебя, братъ Звониміръ, благочестивѣйшій изъ христіанскихъ королей, собери со-

(¹) Schwandt. III. p. 522. Marc. Marul.

боръ изъ своихъ вельможъ и народа и вели прочесть публично другое посланіе, а потомъ съ ними вмѣстѣ разсуди о предпріятіи, которые мы съ милостію Божіей замышляемъ изъ любви ко Христу и святой Церкви. Если на общемъ совѣтѣ придете къ какому нибудь рѣшенію, немедленно напиши мнѣ и извѣсти меня. Будь здоровъ"!—Звониміръ согласно съ просьбой тотчасъ-же призвалъ сановниковъ своего государства и правителей городовъ, составилъ соборъ у пяти церквей, на полѣ, которое называется Коссовымъ; здѣсь онъ приказалъ распечатать письмо и всѣмъ присутствовавшимъ слушать, сохраняя молчаніе. Въ этомъ письмѣ было написано слѣдующее: „Римскій первосвященникъ и цезарь Августъ привѣтствуютъ короля Звониміра и народъ его. Недостойнымъ и только отъ бездѣятельности христіанскихъ правителей произшедшимъ дѣломъ считаемъ мы то, что въ Іерусалимѣ, въ священномъ мѣстѣ, гдѣ Господь Іисусъ Христосъ родился для насъ, владычествуютъ невѣрные. Они оскверняютъ и профанируютъ то, чѣмъ владѣютъ, издѣваются надъ священными Господними таинствами, которые у насъ находятся въ уваженіи. Поэтому васъ и всѣхъ вѣрныхъ въ мірѣ мы упрашиваемъ соединить свое оружіе съ нашимъ, чтобы возвратить христіанству принадлежащее ему и пріобрѣсти свободу для путешествія туда. Надѣемся, что другіе короли и народы, которымъ мы писали объ этомъ, согласятся на это дѣло. Всякій долженъ вѣровать, что Господь поможетъ намъ, задумавшимъ такое славное предпріятіе"... Услышавъ это, безбожный хорватскій народъ тотчасъ началъ негодовать и едва дозволилъ окончить чтеніе письма. Онъ не только не согласился на то, что писали папа и цезарь, но даже противъ короля своего возсталъ съ большой яростью и криками, обвиняя его въ томъ, что онъ хочетъ заставить ихъ покинуть женъ, дѣтей, землю отцевъ и идти далеко въ чужіе края, чрезъ чужія земли, да еще не себѣ пріобрѣтать ихъ. Это злодѣйское скопище напало на короля Звониміра и осыпало его множествомъ ранъ. Король пока дышалъ еще, пораженный такимъ вѣроломствомъ, заклялъ ихъ, говорятъ, чтобы съ тѣхъ поръ они не имѣли короля изъ своего народа, а всегда подчинялись чужеземцамъ. Послѣ этого Звониміръ испустилъ духъ и, оставивши тѣло, перенесся въ царство небесное. А Бэла (король угорскій) подавилъ

Хорватовъ трудами и рабствомъ, какъ убійцъ и мятежниковъ противъ Господа (1)„.

По смерти Свиниміра выборъ народа палъ на послѣдняго Крешиміровича Стефана II. Изъ монастырскихъ стѣнъ, по волѣ народа, онъ переходитъ на престолъ Хорватіи, но и здѣсь онъ остается въ сущности тѣмъ-же монахомъ. Въ годы молодости, больной и оставленный съ самыми незначительными средствами, онъ съ краской стыда выпрашивалъ у монаховъ скудныя средства. Теперь на престолѣ Хорватіи онъ радъ былъ тому, что представилась наконецъ возможность отплатить своимъ благодѣтелямъ. Судьба Хорватіи мало занимала его; онъ не считалъ возможнымъ управлять событіями. Scriptum est: imperia et regni hujus mundi haud aliter, atque fumus in auras evanescere tempore procedente, paullatim consumi (2)"—вотъ весь сводъ политическихъ убѣжденій, который принесъ съ собой изъ монастырскихъ стѣнъ послѣдній король хорватскій. Черезъ два года его не стало. Хорватія предоставлена была собственной участи. Между народными представителями возникла борьба изъ-за престола. Всякій считалъ себя достойнымъ занять его. Сплитскій архидіаконъ Ѳома рисуетъ самыми мрачными красками тогдашнее положеніе дѣлъ. Враждебныя партія вели между собой ожесточенную борьбу, не пренебрегая никакими средствами. Увѣчья, убійства, разбои,—все было въ полномъ ходу; анархія царила въ государствѣ (3). Политика Свиниміра еще при жизни его не имѣла сочувствія въ народѣ. Теперь когда его не стало, когда умеръ и послѣдній представитель дома Крешиміровичей, когда хорватскій престолъ оставался незанятымъ, всѣ партіи, кажется, сошлись въ общемъ убѣжденіи, что не слѣдуетъ допускать до престола жену Свиниміра, которая предъявляли на это свои права (можетъ быть отъ имени сына Радована) (4). Только одно это чувство и сближало Хорватовъ въ это печальное время. Относительно избранія короля не было ни малѣйшаго согласія. Масса

(1) Schwandt. III, 552—554.

(2) Cod. diplom. CCXXI, p. 182.

(3) Schwandt. III, 556. Hist. Salon.

(4) Cod. diplom.

претендентовъ предъявляла свои притязанія и раздирала Хорватію междоусобой борьбой. Жена Свиниміра обратилась за помощью къ своему брату—угорскому королю Ладиславу (1). Туда же обратили свои надежды и другіе оскорбленные претенденты. Они хлопотали уже не о себѣ. Забывъ о народѣ, о будущемъ страны, они хлопотали только о томъ, чтобы удовлетворить свое оскорбленное самолюбіе. Ѳома архидіаконъ пишетъ, что „одинъ изъ хорватскихъ вельможъ, оскорбленный соплеменниками, отправился въ Угрію и началъ подбивать Ладислава, чтобы онъ подчинилъ своей власти королевство хорватское, ручаясь за полный успѣхъ предпріятія, такъ какъ Хорватія находилась тогда безъ правителя (2)“.

Прошло болѣе шестидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ завязались отношенія между Хорватіей и Угріей. Мадьяры пользовались хорватскими услугами, но щедро расплачивались и сами. При Крешимірѣ III и Стефанѣ I, когда шла борьба за обладаніе Далмаціей, мадьярскіе отряды дѣйствовали объ руку съ хорватскими. Дандоло вмѣсто этихъ хорватскихъ королей упоминаетъ угорскихъ, введенный очевидно въ ошибку тѣмъ живымъ участіемъ, которое принимали въ дѣлахъ Крешиміра III и Стефана I мадьяры. Мадьярскіе полки ходили и съ Свиниміромъ въ Каринтію.— Настала пора предъявить счетъ за эти услуги и требовать уплаты. Ладиславъ зорко слѣдилъ за событіями, послѣдовавшими въ Хорватіи по смерти Свиниміра. Въ кратковременное правленіе Стефана II неудобно было еще начинать дѣйствія. Стефанъ II былъ избранъ всѣмъ хорватскимъ народомъ; можно было опасаться энергическаго отпора. Когда наступила анархія, захватить Хорватію ничто уже не препятствовало. Безъ постороннихъ указаній Ладиславъ видѣлъ, что Хорватія безсильна, что ее легко подчинить своей власти. Нуженъ былъ только предлогъ для того, чтобы санкціонировать захватъ, и этимъ предлогомъ явилось родство съ домомъ Свиниміра. Въ 1091 году съ большимъ войскомъ Ладиславъ перешелъ Драву и быстро занялъ всю

(1) Bonfinii rer. Hungar. decad. Dec. II, lib. IV, p. 224.
(2) Hist. Salonit. Schwandt. III, 556.

сѣверную Хорватію. Между Хорватами не было никакой солидарности: въ виду страшнаго врага они продолжали свои раздоры; опасность не сблизила ихъ; каждая жупа защищала только себя, не думая о другихъ. Въ этой разрозненности лежитъ главная причина успѣха Ладислава, а не въ условіяхъ мѣстности, будто бы дававшихъ просторъ дѣйствіямъ мадьярской кавалеріи. Только постороннее препятствіе удержало на этотъ разъ Ладислава отъ покоренія остальной Хорватіи: на Угрію напали Печенеги. Оставивъ Хорватію, угорскій король отправился защищать собственную землю. Потомъ до самой смерти Ладиславу не удалось имѣть дѣла съ Хорватіей; его отвлекли войны съ Польшей и Богеміей. Часть Хорватіи, завоеванная имъ, поступила въ управленіе его родственника Альма ([1]). Отсюда преемникамъ Ладислава представилась возможность начать операціи противъ остальной Хорватіи. Чтобы окончательно разорвать связь между Хорватами, подчинившимися Угріи, и ихъ свободными еще соплеменниками, для первыхъ была основана особая епископія въ Загребѣ; этотъ-же городъ былъ и резиденціей Альма. Между Угорскими и Далматинскими Хорватами не стало ни духовнаго, ни политическаго единства; оно скоро, впрочемъ, возстановилось, но уже подъ владычествомъ Угріи. Въ 1095 году на угорскій престолъ вступилъ Коломанъ ([2]); черезъ годъ умеръ дожъ Венеціи Виталисъ Фаледро и его преемникомъ сдѣлался Виталисъ Микіели ([3]). Ни Коломанъ, ни Микіели не были расположены держаться мирной политики. Взоры обоихъ обратились къ хорватскому наслѣдству. Тотъ и другой считали себя въ правѣ воспользоваться имъ; одинъ, какъ родственникъ Свиниміра, другой на основаніи договора съ Византіей 1084/5 года. Первый открылъ дѣйствія Виталисъ Микіели. Въ первый годъ своего правленія онъ не могъ заняться, впрочемъ, этимъ дѣломъ. Въ Европѣ въ это время готовились къ предпріятію, задуманнному еще Григоріемъ VII, къ крестовому походу. Венеція не была въ сторонѣ отъ

([1]) Farlati. Illyr. sacrum. T. V, p. 51.

([2]) Thurocz. Chron. Hung. C. LX.

([3]) Rad jug. akad. XXX, 114.

общаго увлеченія; оно даже представляло ей нѣкоторыя выгоды: маскируя свои дѣйствія крестовой идей, она легче могла утвердить свою власть въ Далмаціи. Въ 1099 году туда посланы были Бодоаріо-да-Спинале и Фалетро Сторнато для того, чтобы привлечь Далматинцевъ къ крестовому движенію и, кромѣ того, утвердить среди нихъ венеціанское владычество. Далматинскіе города признали за Виталисомъ Микіели титулъ, данный Византіей его предшественнику и подчинились его власти (1). Ихъ участіе въ крестовомъ походѣ выразилось тѣмъ, что они обязались выставить по два судна съ города, когда крестоносный венеціанскій флотъ прибудетъ къ берегамъ Далмаціи (2). Что касается Хорватіи, то дожъ оставилъ ее на время въ покоѣ: нужно было готовиться къ отплытію въ святую землю, а съ Хорватіей дѣло не такъ легко было покончить, какъ съ далматинскими городами; тутъ предвидѣлось столкновеніе съ Угріей. Только вернувшись изъ экспедиціи приступилъ къ этому дѣлу Виталисъ Микіели. Въ нижней Италіи утвердились Норманны; подъ предлогомъ защиты отъ нихъ, дожъ вступилъ въ переговоры съ Коломаномъ (3). Настоящая цѣль этихъ переговоровъ, кажется, заключалась въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить положеніе, которое займетъ Угрія относительно Венеціи въ случаѣ попытки дожа присоединить Хорватію къ своимъ владѣніямъ. Коломанъ превосходно понялъ эту двойную игру. Онъ принялъ на себя обязанность оказать дожу помощь противъ Норманновъ (4) и въ тоже время ясно высказалъ свой взглядъ на счетъ втораго пункта—Хорватіи. „Вельможи и старѣйшины мои сомнѣваются, можемъ-ли мы признать тебя дожемъ Хорватіи и Далмаціи. Желательно было-бы для упроченія нашей дружбы, чтобы твои и мои старѣйшины устранили всякія недоразумѣнія, которыя впослѣдствіи могли-бы возстановить насъ другъ противъ друга (5)“. Дожу не привелось посылать новыхъ легатовъ для

---

(1) Murat. XII, 256. Cod. diplom. docum. CCXXVIII, p. 187.

(2) Ibidem.

(3) Murat. XII, 259. Thurocz. Chron. Hungar. c. LXII.

(4) Ljubič. Monum. spect. hist. Slav. meridion. I, 4—5.

(5) Ibidem.

устраненія недоразумѣній. Въ 1102 году Коломанъ самъ устранилъ ихъ наилучшимъ образомъ. Покончивъ дѣло съ своими внѣшними и внутренними врагами, Коломанъ съ войскомъ двинулся въ Хорватію (¹). Хорваты ожидали его на Дравѣ, но не съ изъявленіемъ покорности, а съ оружіемъ въ рукахъ. Ихъ объединила на этотъ разъ общая опасность. Не отдѣльныя жупы, а цѣлый народъ ждалъ случая встрѣтиться лицемъ къ лицу съ врагомъ своей независимости. Коломанъ не ожидалъ этого. Какъ ни былъ увѣренъ онъ въ своихъ силахъ, побѣда все-таки представлялась ему сомнительной. Наступала минута раздумья, послѣ которой Коломанъ рѣшился войдти въ переговоры съ Хорватами и мирнымъ путемъ достигнуть предположенной цѣли. Онъ предложилъ Хорватамъ безъ борьбы признать его своимъ королемъ. Хорваты составили совѣщаніе; чрезъ нѣсколько времени двѣнадцать жупановъ-избирателей явились къ Коломану и предложили ему королевскій титулъ отъ лица всего Хорватскаго народа. Въ это время въ Хорватіи была личность, которая называла себя также хорватскимъ королемъ—нѣкто Петръ. Его силы были невелики, но онъ не хотѣлъ уступить своихъ правъ чужеземцу, не хотѣлъ политической смерти Хорватіи. Въ горахъ Гвозда онъ встрѣтилъ Коломана съ небольшимъ отрядомъ людей, оставшихся ему вѣрными, и вступилъ съ нимъ въ смертельный бой. Силы соперниковъ были неравны и послѣдній защитникъ хорватской независимости палъ безъ поддержки и сочувствія народа (²); по трупу его чужеземецъ прошелъ къ хорватскому престолу (³). Хорватія подчинилась угорской коронѣ (1102 г.).

Остановимъ еще разъ наше вниманіе на печальной картинѣ, которую представляло хорватское государство послѣ смерти послѣдняго Крешиміровича. Эта картина—итогъ всей исторіи хорватскаго народа. Три столѣтія прошло съ

(¹) Schwandtn. T. III. Hist. Salonit. c. XVII.

(²) Murat. XII, 259.

(³) Lucius. De reg. Croat. et Dalm. lib. III. c. 3.

тѣхъ поръ, какъ основалось хорватское государство, и болѣе пяти съ тѣхъ поръ, какъ хорватскій народъ оставилъ свои прежнія жилища и поселился на земляхъ византійскаго императора, но эти прожитые вѣка, наполненные столкновеніями съ различными народами, съ различными видами культуры, съ различными формами государственной жизни отъ республики до деспотіи, не оставили въ жизни хорватскаго народа никакаго прочнаго слѣда, кромѣ христіанства. Раздѣленными на мелкія племена или роды, не сознававшими потребности политическаго единства пришли Хорваты на свои новыя жилища; такими-же остались они и послѣ пяти вѣковъ своего существованія здѣсь. Когда угорскіе полки вступали на хорватскую землю, не весь народъ, проникнутый чувствомъ политической независимости и солидарности, выставилъ противъ нихъ свои силы; противъ Угровъ боролись отдѣльныя жупы, защищавшія свою дѣдину, землю отцевъ. Жупа, какъ въ началѣ такъ и въ концѣ хорватской исторіи, была высшей политической единицей, которая доступна была народному пониманію; государства народъ не понималъ. Жупаны — какова ни была ихъ внѣшняя судьба — все-таки смотрѣли на себя, какъ на самостоятельныхъ князей; они не могли добровольно подчиниться одному изъ своей среды, отказаться отъ своихъ традиціонныхъ правъ. Каждому хотѣлось стоять въ главѣ и не хотѣлось подчиняться. Когда такое положеніе стало невыносимымъ, они обратились къ сосѣдямъ, добровольно подчинились чуждой власти, лишь бы быть подъ нею равными. И для жупановъ, и для народа было безразлично, кто будетъ стоять во главѣ государства—свой или иноземецъ. Этотъ индифферентизмъ—плодъ политики хорватскихъ государей. Около трехъ столѣтій Хорваты имѣли собственныхъ государей, но что сдѣлали эти государи для того, чтобы привязать къ себѣ народъ, слить его интересы съ своими, дать ему почувствовать выгоду своей власти? Свиниміръ тратилъ народныя силы на защиту папскихъ утопій; Крешиміръ III жертвовалъ ими Уграмъ. Дважды въ теченіе своего историческаго существованія Хорватскій народъ ясно и опредѣленно предъявилъ свои требованія верховной власти, указывалъ на свои существенныя потребности и на путь, по которому должна направляться внутренняя и внѣшняя политика государей (мы говоримъ о славянскомъ богослу-

женіи и церковной независимости)—и каждый разъ верховная власть шла въ разрѣзъ съ народомъ. Лучшіе изъ хорватскихъ королей, создавшіе внѣшній блескъ государства, были въ тоже время наиболѣе энергическими противниками національныхъ стремленій. Томиславъ отвернулся отъ народа въ самый разгаръ его одушевленія идеей національнаго культа. Церковной независимостью и національнымъ культомъ онъ заплатилъ за королевскую корону. Проходитъ почти столѣтіе; ослабленная Хорватія подпадаетъ подъ политическое и духовное вліяніе Византіи; идея національнаго культа возрождается; но возстановитель хорватскаго могущества Петръ Крешиміръ становится его энергическимъ противникомъ. Свиниміръ заканчиваетъ дѣло. Не на Хорватскій народъ, не на его потребности было обращено вниманіе хорватскихъ королей: ихъ занимала горсть Далматинцевъ. Слить эту горсть въ одно цѣлое съ Хорватскимъ народомъ—вотъ единственная государственная задача, на которую было обращено вниманіе хорватскихъ королей, на разрѣшеніе которой были потрачены и талантъ, и энергія ихъ. Для этой цѣли они игнорировали огромную массу народа и ея существенныя духовныя потребности, отдали церковную власть въ руки Латинянъ, а въ концѣ концевъ въ тѣже руки и огромное политическое вліяніе. Исторія показала, на сколько цѣлесообразна была ихъ политика, къ какимъ результатамъ она приводила: подчинить Далмацію не удалось, а связь съ народомъ была разорвана на всегда. Былъ элементъ, который могъ еще стать между верховной властью и народомъ, связать ихъ интересы—церковь. Церковь вездѣ была могущественной союзницей верхной власти; она воспитывала въ народной массѣ любовь и уваженіе къ коронѣ. Такая церковь нарождалась и въ Хорватіи. Если есть въ хорватской исторіи свѣтлая точка, если есть личность, правильно понимавшая сущность національной политики, такъ это нинскій епископъ Григорій. Независимая національная церковь—вотъ цѣль, на которую направлены были всѣ его силы,—а только такая церковь и могла сослужить для верховной власти ту службу, о которой мы говорили. Къ стыду своему Томиславъ отказалъ ему въ содѣйствіи и сталъ на сторону далматинскаго духовенства. Представителями церкви стали чужеземцы, которые видѣли въ хорватскихъ короляхъ только доходную статью. За де-

сятины и земли они продавали верховной власти свое фальшивое содѣйствіе и сочувствіе. Эта безстыдная и позорная торговля проходитъ черезъ весь періодъ хорватской исторіи послѣ Томислава. Одной рукой они принимали королевскіе дары, другой подписывали измѣнническіе трактаты съ Венеціей. Рѣзче всего эта двуличность выразилась въ современникѣ Крешиміра-Петра, Лаврентіѣ, сплитскомъ архіепископѣ. Осыпанный благодѣяніями Крешиміра, онъ очень развязно подписался послѣ его смерти вслѣдъ за катастрофою, постигшей Славича, на документѣ, отдававшемъ Далмацію въ руки Венеціи. Такая церковь не могла, конечно, способствовать солидарности верховной власти и народа: это было не въ ея выгодахъ. Для Хорватскаго народа были чужды по своимъ стремленіямъ и церковь и верховная власть. Когда наступилъ моментъ перехода верховной власти въ руки чужеземца, хорватскій народъ не почувствовалъ ни малѣйшей перемѣны: для него одинаково были чужды и Арпадовичи и Крешиміровичи. Паденіе хорватской независимости подготовилось такимъ образомъ всѣмъ ходомъ хорватской исторіи и никакія силы не могли предотвратить его. Не однѣ внутреннія причины, впрочемъ, привели къ этому печальному результату; внѣшнимъ принадлежитъ также большая доля вліянія. Между этими внѣшними причинами первое мѣсто занимаютъ отношенія хорватскихъ государей къ Византіи.

Византійскіе императоры никогда не признавали Хорватію независимымъ государствомъ; для нихъ она была просто провинція, отданная подъ управленіе намѣстника. Хорватскіе короли не могли измѣнить этихъ воззрѣній. Въ лучшіе моменты своего существованія Хорватія была слишкомъ слаба для того, чтобы вырвать у Византіи силой признаніе своей независимости. Этого могла достигнуть только могущественная Болгарія. Византійскіе императоры считали себя въ правѣ отдать Хорватію кому угодно подъ управленіе, если ея собственный правитель шелъ въ разрѣзъ съ ея интересами. Они неоднократно пользовались этимъ правомъ относительно Далмаціи.

Только въ Римѣ могли добиться хорватскіе короли и своей короны, и признанія своей самостоятельности. Отсюда возникаетъ тѣсная связь хорватскихъ королей съ папами, связь, которая влекла за собой усиленіе значеніе духо-

венства, господства католицизма, угнетенія народа и приводила къ непріязненнымъ отношеніямъ съ Византіей. Спокойствіе и болѣе или менѣе сносное политическое существованіе Хорватіи зависѣло отъ отношеній между Римомъ и Византіей. Ея лучшіе моменты были тогда, когда Римъ и Византія были въ дружбѣ между собой, а это случалось очень рѣдко. Чаще симпатія хорватскихъ королей къ Риму раздражала византійскихъ императоровъ. Когда Свиниміръ принялъ Хорватію, какъ ленъ изъ рукъ папы, терпѣнію ихъ наступалъ конецъ. Византійскій императоръ напомнилъ Свиниміру, что Хорватія—номинально византійская тэма, и отдалъ ее Венеціи, которая давно этого добивалась. Но не одна Венеція слѣдила за хорватскими дѣлами. Съ сѣвера за ними наблюдали угорскіе короли, выжидая случая поживиться хорватскимъ наслѣдствомъ. Когда византійскій императоръ отказался отъ своихъ номинальныхъ правъ на Хорватію, этотъ случай представлялся и угорскій король вырвалъ изъ рукъ венеціанскаго дожа не только Хорватію, но и Далмацію.

IV.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВНУТРЕННЯГО БЫТА ХОРВАТОВЪ СЪ IX ПО XI ВѢКЪ.

A) Бытъ семейный.

Въ началѣ нашего этюда, на основаніи нынѣшнихъ формъ семейнаго быта у юго-Славянъ мы имѣли уже случай замѣтить, что юго-славянская семья вообще, а въ частности семья хорватская, представляла особый типъ сравнительно съ тѣмъ, который мы замѣчаемъ у античныхъ народовъ и народовъ германскихъ. Семья не находится въ безусловной зависимости отъ отца семейства и послѣдній не имѣетъ права распоряжаться не только жизнью и смертью своихъ домочадцевъ, но даже и имуществомъ. Письменные памятники, дошедшіе до насъ отъ IX—XI вв., даютъ намъ возможность доказать это положеніе преимущественно въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Въ хорватской семьѣ этого періода господствуетъ полная равноправность всѣхъ ея членовъ. Дѣдина (земля, на которой живетъ семья) считается общею собственностью. Семья обработываетъ сообща принадлежащую ей землю и живетъ ею. Безъ сильной необходимости семейная собственность рѣдко отчуждалась. Если обстоятельства требовали отчужденія, то отецъ семейства долженъ былъ получить дозволеніе домочадцевъ и только послѣ ихъ согласія произвести отчужденіе. Отецъ долженъ былъ получить согласіе сыновей (¹); если въ семьѣ нѣтъ от-

---

(¹) Cod. diplom. p. 172. «Emi a Dobrowito et filio ejus Dedomiro»..

ца, то братъ отчуждаетъ только съ согласія брата (1), мать съ согласія дѣтей (2); иногда къ обсужденію вопроса объ отчужденіи привлекались и всѣ родственники (parentes, consanguinei) (3). Памятники не говорятъ намъ, какъ поступали члены семьи въ случаѣ, если отчужденіе совершалось безъ ихъ согласія; по аналогіи съ древне-польскимъ правомъ можно предположить, что въ этомъ случаѣ члены семьи имѣли право выкупа (4), а можетъ быть и насильственнаго захвата. Кое-какіе намеки на это есть, впрочемъ, и въ нашихъ источникахъ. Только этимъ правомъ можно объяснить стереотипную фразу дарственныхъ граматъ: „если кто-нибудь поступитъ противъ нашего завѣщанія, на томъ основаніи, что не присутствовалъ на его обсужденіи, то пусть падетъ на него гнѣвъ Господа и наше проклятіе". Правоспособными членами семьи, чье согласіе требовалось при отчужденіи семейнаго имущества, были, кажется, и женщины. Мужъ отчуждаетъ съ согласія жены (5), братъ съ согласія сестры (6).

Рядомъ съ общимъ владѣніемъ родовой собственностью въ описываемый періодъ мы встрѣчаемъ уже раздѣлъ. Извѣстно, что вдова получала въ свое полное распоряженіе осьмую часть имущества (7).

---

(1) Ibidem, p. 174. «Emi de Bazza et de fratre ejus»...

(2) Ibidem, p. 166. «Ego Brana una cum filiis meis»...

(3) Ibidem, p. 174. «Vendidit Pribinega et sui parentes»...

(4) О существованіи этого права у Хорватовъ мы узнаемъ только изъ позднѣйшихъ источниковъ. На него есть указанія въ статутахъ Полицкомъ и Сеньскомъ и въ хорватскихъ граматахъ до XV вѣка (Леонтовичъ. Древнее хорвато-далмат. законодательство стр. 119, 120); подробныя правила этого выкупнаго права см. въ истор. сборникѣ Валуева I. 149—150. Постановленіе о правѣ выкупа сохранилось въ статутѣ острова Крка (см. Arkiv za povjest. jugosl. II, 293). О существованіи этого права у Поляковъ см. Спасовича «объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу»... стр. 8, Зигеля op. cit. p. 184.

(5) Cod. diplom. p. 179. «Omnes nostras terras.... una cum conjuge mea».

(6) Ibid. p. 174. «Coram omnibus fratris et sorore sua».

(7) Ibid. p. 107. «Octava pars de domus, quae visa sum habere et quae me tangere videtur».

Внѣ вліянія домочадцевъ на отчужденіе стояли дарственныя земли и приданое жены.

Дарственныя земли пріобрѣтались чрезъ пожалованіе короля, причемъ объемъ правъ одареннаго лица на нихъ опредѣлялся особой граматой (¹). Пользованіе и владѣніе подобными землями обусловливалось прежде всего согласіемъ членовъ королевской семьи, которые могли воспользоваться обычнымъ правомъ выкупа, если земля дана безъ ихъ согласія (²). Въ силу этого владѣлецъ дарственной земли долженъ былъ добиваться подтвержденія своего права владѣть ею отъ каждаго новаго короля (³). Пожалованная королемъ земля почти сохраняла за собой характеръ казеннаго имѣнія. Владѣлецъ ея въ случаѣ отчужденія долженъ былъ предварительно испросить согласіе короля (⁴). Въ силу такого характера дарственныхъ земель семья не имѣла права разсматривать ихъ, какъ condominium. Приданое составляло личную собственность жены, которой она могла распоряжаться по произволу и оставлять кому угодно изъ своихъ дѣтей (⁵).

(¹) Ibid. p. 182, 183 и др.—Jus habendi, fruendi, permutandi, cuicumque libet donandi».

(²) Жертвующій князь или король обыкновенно предупреждалъ подобныя поползновенія своихъ потомковъ. Страхомъ проклятія старался онъ заставить ихъ отказаться отъ правъ своихъ на тѣ или другія земли, выдѣленныя уже разъ изъ королевскаго имущества. Иногда принимались болѣе энергическія мѣры. Крешиміръ Петръ въ одной изъ своихъ граматъ (p. 140, c. diplom.), предусматривая подобный случай, предоставляетъ народу право взгнать виновника изъ государства,—если онъ король, лишить его трона.

(³) Такъ поступали монастыри. Они обращались къ королямъ за подтвержденіемъ даже такихъ дарственныхъ граматъ, которыя даны были за 200 лѣтъ до нихъ. Свиниміръ укрѣпляетъ дарственныя записи Мутиміра и Трпиміра.

(⁴) Cod. diplom. p. 138. «Ego Iohannes Chroatorum dad concedo monasterio Beati Chrisogoni Martiris curtem in loco, qui dicitur Berda, perpetuo possidendam. Hanc ipsam denique terram promerui a domino meo Chresimiro rege, et ipse concessit mihi hanc donationem facere». Такъ было у Сербовъ (Зигель. Законникъ Стефана Душана. стр. 204) и у Чеховъ (Иречекъ. Slav. pravo, T. II, p. 248).

(⁵) Cod. diplom. p. 106: «territorium dimissum a matre sua».

Приведенныхъ данныхъ достаточно для того, чтобы опредѣлить положеніе женщины въ хорватской семьѣ. Она не находится безусловно in manu mariti, имѣетъ свою собственность, наравнѣ съ другими членами семьи участвуетъ въ вопросахъ, касающихся обще-семейнаго имущества. Общество признавало также ее, какъ правоспособнаго члена, допуская ее какъ свидѣтельницу въ спорныхъ вопросахъ ([1]).

Въ иномъ видѣ представляется положеніе дѣтей. Равные отцу въ вопросахъ имущественныхъ, они сохраняютъ еще нѣкоторыя черты отношеній, въ которыхъ мы встрѣчаемъ дѣтей въ античной семьѣ. Хорватскій отецъ отъ своихъ патріархальныхъ правъ сохранилъ еще нѣкоторую долю: онъ имѣетъ право распоряжаться личной свободой дѣтей. Въ памятникахъ мы встрѣчаемъ указанія на широкое развитіе этого права. Отецъ продаетъ сына ([2]), отдаетъ его въ уплату за долгъ ([3]).

Б) Бытъ общественный.

Союзъ нѣсколькихъ семейныхъ общинъ однаго или разнаго происхожденія составлялъ у Хорватовъ жупу. Объемъ жупы первоначально простирался, вѣроятно, только на одну деревню; впослѣдствіи жупой сталъ называться цѣлый округъ съ городомъ въ центрѣ. Во главѣ жупы стоитъ выборный староста, или жупанъ. Въ личности жупана соединялась власть судебная и военная ([4]); въ языческое время онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ общины-жупы ([5]), Подъ вліяніемъ государственныхъ идей римско-германскихъ

([1]) Ibidem, p. 173. «Ante praesentiam Jacobi Morstic et *uxoris suae*»...

([2]) Ibidem, p. 173. «Emi puerum a suo genitore»..

([3]) Ibidem, p. 174. «Comparavi servum, quia dedi patri suo XL solidos et non habebat reddere».

([4]) Жупаны, очевидно, стояли въ главѣ войскъ, боровшихся противъ Владислава угорскаго.

([5]) См. выше стр. 18. На это указываетъ и настоящее названіе у Славонцевъ священника «жупникъ». Венелинъ. Крат. истор. розыск. стр. 16, т. II.

значеніе жупана ослабѣло. Изъ самостоятельнаго правителя, зависящаго только отъ воли народа, жупанъ превратился въ простаго королевскаго чиновника, сдѣлался comes regis. Рядомъ съ жупаномъ въ XI в. мы встрѣчаемъ уже подъ-жупана (post-juppo, pod-juppo) (¹), vice-comitem. Возникновеніе званія подъ-жупана объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что жупаны, по крайней мѣрѣ главные, не жили въ своихъ областяхъ, а находились при королевскомъ дворѣ и составляли совѣтъ короля вмѣстѣ съ другими придворными. Отсюда они разсылались королемъ въ различныя мѣстности въ качествѣ его легатовъ съ тѣми или другими порученіями (²). Содержаніе жупановъ равно какъ и другихъ королевскихъ чиновниковъ шло отъ короля; они получали часть штрафныхъ денегъ, поступавшихъ въ королевскую казну (³), пользовались доходами отъ монастырей (⁴).

Источники даютъ намъ возможность возстановить до нѣкоторой степени главные виды общественныхъ отношеній жупы: обмѣнъ собственности (куплю-продажу) и судъ.

При всякаго рода обмѣнѣ собственности, будетъ-ли это мѣна, будетъ-ли купля-продажа, по хорватскому праву требовалось присутствіе свидѣтелей. Рядомъ съ указаніемъ на пріобрѣтенную собственность мы встрѣчаемъ въ памятникахъ тотчасъ-же имена свидѣтелей, присутствовавшихъ при обмѣнѣ. Отъ важности договора зависѣло и качество свидѣтелей. При болѣе или менѣе крупныхъ сдѣлкахъ присутствовали подъ-жупаны (⁵) и жупаны (⁶), иногда князь (⁷);

(¹) Cod. dipl. p. 86.

(²) Cod. dipl. p. 182. «Quibus omnibus legatum dedimus jupanum C entene».

(³) Cod. diplom. p. 132.

(⁴) Cod. diplom. p. 118, 120, 132 «donaria secolaria, debita banis, uppanis»...

(⁵) Cod. diplom. p. 175. «Coram Astrizo podzuppo».. 168.

(⁶) Cod. diplom. p. 170—176.

(⁷) Cod. diplom. p. 170—176.

при мелкихъ дворники ([1]), бравари ([2]), сотники ([3]) или простые обыватели ([4]). Свидѣтельницей признавалась и женщина ([5]). Заключеніе купли скрѣплялось совмѣстной трапезой купца, продавца и свидѣтелей ([6]), трапезой, напоминающей „запитье“ балтійскихъ Славянъ ([7]).

Главными предметами купли-продажи въ источникахъ являются земли, виноградники, рабы.

При продажѣ земли основную вещь составляла пахатная земля,—коренная собственность, сросшаяся съ извѣстной семьей чрезъ постоянную обработку отцами, дѣдами и прадѣдами; остальное: сады, луга, огороды и пр. разсматривалось какъ вещь придаточная—„pertinentia“, adjacentia“, „appendicia ([8])“.

Памятники не даютъ намъ возможности установить единицу мѣры, которая принималась при продажѣ земли. При измѣреніи, кажется, пользовались количествомъ зерна, засѣваемаго на данномъ участкѣ ([9]). Единицей-же мѣры, кажется, служила „pecia“, или „pezza ([10])“.

Покупка мелкихъ земельныхъ участковъ рѣдко производилась на чистыя деньги. Часть условленной цѣны уплачивалась зерномъ ([11]) и всякаго рода житомъ, солью ([12]), ви-

---

([1]) Cod. diplom. p. 170—176.

([2]) Ididem.

([3]) Ibidem.

([4]) Ibidem.

([5]) Ibidem. p. 171.

([6]) Ibid. p. 117. «Comedi cum praefatis testibus unam porcam, unum modium de farina et duodecem galtetas vini».

([7]) Котляревскій. Op cit. p. 163.

([8]) Cod. diplom p. 160, 167 и др. «Insulam cum universis consintentibus tam ex natura, quam manuali positura cum terris arabilibus sive son, silvis, saltibus, puteis, fontibus, pascuis, pratis»...

([9]) Co. ddiplom. p. 187. «Continens sementi modia usque XXIV»...

([10]) Ibidem. p. 169.

([11]) Iiiūem. p. 172. «II solidos et unum modium frumenti»..

([12]) Ibidem. p. 171. «pro I solido et uno parjo de sole».

номъ (1), скотомъ (2), иногда даже приготовленнымъ хлѣбомъ (3). Этотъ характеръ купли-продажи бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на экономическое положеніе мелкихъ собственниковъ, указывая на массу самыхъ существенныхъ потребностей, которыхъ они не могли удовлетворить иначе, какъ продажей части принадлежащей земли.

Монеты, ходившія въ Хорватіи, называются „solidi (4)", „argentei (5)", „romanati (6)". Мѣрами для сыпучихъ тѣлъ служили: „modium (7)", „stara (8)", „parium (9)", для жидкостей „galeta (10)"; для вѣса употреблялась „libra (11)".

Для приблизительной оцѣнки стоимости земли можно принять во вниманіе, что земля, доставляющая двадцать четыре модія зерна, продавалась за шесть солидовъ (если только будетъ извѣстна вмѣстимость модія) (12).

Стоимость рабовъ обусловливалась ихъ поломъ, возрастомъ, семейнымъ положеніемъ. Рабъ стоялъ отъ двухъ до десяти солидовъ. Поставщиками рабовъ являлись часто монастыри. Богатыя пастбища давали имъ возможность заниматься скотоводствомъ, въ частности коневодствомъ. Незначительная хорватская аристократія вымѣнивала иногда красивыхъ монастырскихъ коней на рабовъ. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ и при постоянномъ приливѣ пожертвованій, между которыми рабы занимали видное мѣ-

(1) Ibidem. p. 172. «pro I salido et VII galetas vini».
(2) Ibidem. p. 172. «I pinguissima porca et CCC cepas».
(3) Ibidem. p. 172. «IV caseis et IV panibus».
(4) Ibidem. p. 170—176.
(5) Ibidem. p. 172. «I solidum et I argenteum».
(6) Ibidem. p. 167. «pro X romanatis».
(7) Ibidem. p. 170—176. «modium frumenti».
(8) Ibidem. 172. «Stara de grano».
(9) Ibidem. 171. «I pario de salis».
(10) Ibidem. 172. «VII galetas vini».
(11) Ibidem. 170—176. «libra de lino».
(12) Ibidem. p. 167.

сто, при монастыряхъ скоплялось значительное количество рабовъ и избытокъ могъ поступать въ продажу ([1]).

Тяжбы, вытекавшія изъ имущественныхъ отношеній членовъ общины, разрѣшались при участіи семьи, рода или цѣлой общины. Рѣже доходили онѣ до разсмотрѣнія короля. Отецъ сдерживаетъ несправедливыя притязанія дѣтей ([2]); родъ самъ наказываетъ отвѣтчика, выдавая изъ имущества послѣдняго часть, слѣдующую для удовлетворенія истца ([3]); община разсматриваетъ притязанія тяжущихся сторонъ и произноситъ той или другой сторонѣ безапелляціонный приговоръ ([4]).

Къ посредничеству князя тяжущіеся прибѣгали главнымъ образомъ тогда, когда князь случайно являлся въ данной мѣстности. Въ присутствіи князя рѣшались такія распри, въ которыхъ фигурировали подаренныя княземъ земли. Королевская поземельная собственность не была, вѣроятно, точно ограничена. Въ силу этого получившій отъ короля извѣстный участокъ „per donationem" старался расширить его правдами и неправдами на счетъ сосѣдей-собственниковъ, оттягивая у нихъ участки подъ предлогомъ, что они входятъ въ составъ земель, пожалованныхъ ему королемъ. Возникшія изъ этого распри рѣшались лично королемъ ([5]), который сверхъ того отправлялъ иногда на мѣсто тяжбы своего посла для окончательнаго рѣшенія дѣла въ присутствіи общины ([6]).

([1]) Ibidem. p. 174. «Emi servum ex monachis San. Bartholomei.

([2]) Cod. diplom. p. 171. Браварь Иванъ удерживаетъ дѣтей отъ захвата.

([3]) Ibidem. p. 176. «habii ad praenominatos parentes ejus (обидчика)... ita dicendo: reddite mihi damnum, quae fecit vester consanguineus, at ipsi responderunt: verum est sicut tu dicis, jam nos te rogamus, ut accipias totam hereditatem illorum, quae pertinet illis ex suo patre»...

([4]) Ibidem. p. 171. «convocatis iterum multis Spalatinorum nobilibus, ante quorum praefata cum praefato (обидчикомъ) decertavimus, ubi et conventionem hisdem monentibus nobilibus cum eis denuo fecimus»..

([5]) Ibidem. p. 175. «ivi ad Suinimirum in Sibenico et duxi mecum venditores terrae unde confirmavit mihi praefatus rex nominatas terras».

([6]) Ibidem. p. 136. «Largitus est mihi (rex) legatum suum Apricium socolarem, qui regia fretus auctoritate, mihi et meam terram ab illis defendens redderet ac meam donationem coram vicinis confirmaret et sigilli proprii munimine roboraret»...

Таковы были несложныя жизненныя отправленія хорватской общины IX—XI в. Она сама вводила порядокъ и миръ въ взаимныя отношенія своихъ членовъ, но не могла обезопасить ихъ имущество, жизнь и свободу отъ чиновной аристократіи и разбойниковъ. Первые подъ прикрытіемъ королевскихъ привиллегій захватывали земли частныхъ собственниковъ ([1]), вторые внезапно нападали и уводили въ неволю ихъ семейныхъ ([2]).

Государственное устройство.

Знакомство съ римско-германскими формами государственнаго устройства отразилось и на строѣ государственной жизни Хорватіи. Хорватскіе короли заимствовали у нѣмцевъ всю внѣшнюю обстановку ихъ правителей. Мы видѣли, что уже въ IX в. хорватскіе князья были мало похожи на другихъ славянскихъ князей. Жупаны, среди которыхъ князь, по славянскимъ воззрѣніямъ, былъ только первый между равными, снизошли на степень придворныхъ и числились даже въ штатѣ княгини. Въ теченіе X и XI в. число придворныхъ увеличивается все болѣе и болѣе. Всѣ они входятъ въ составъ королевской думы и тѣмъ естественно ослабляютъ значеніе жупановъ. При Крешимірѣ Петрѣ и его преемникахъ подъ королевскими граматами подписывались рядомъ съ жупанами: comes curialis ([3]), died ([4]), setnik ([5]), bravar ([6]), spisar ([7]), dvornik ([8]), karik ([9]), ubru-

([1]) Ibidem. p. 175. «Valebat mihi per vino tollere terram (aunculus Suinimiri) memoratam ita dicendo, quod essent regales»...

([2]) Ibidem. «Soror mea a latronibus rapta et in servitutem extra nostram provinciam vendita»...

([3]) Cod. diplom. p. 153.

([4]) Ibidem. p. 137, 142, 146, 148.

([5]) Ibidem. p. 144, 148, 179.

([6]) Ibidem. p. 148.

([7]) Ibidem. p. 146.

([8]) Ibidem. p. 137, 146.

([9]) Ibidem. p. 146.

sar (1), causidicus regalis (2), postelnik (3), stitonosa (4), psar (5), pincernarius (6), volar (7), vinotok (8), vratar (9), vicarius regis (10), regalis curiae judex (11), Croatorum episcopus et aulae regiae concellarius (12), praesbiter et capellanus regis (13), sacerdos et cancellarius regis (14). Этотъ перечень даетъ довольно ясную картину обстановки хорватскаго двора. Нѣкоторые изъ приведенныхъ титуловъ не ясны по своему значенію. Died, вѣроятно, ничто иное, какъ хорватскій переводъ майордома. Для содержанія такаго двора требовались, конечно, значительныя средства. Источниками послѣднихъ служили: доходы съ королевскихъ земель, сборы съ монастырей (15) и пеня за преступленія (16) (мы знаемъ только частный случай: назначеніе иска за покушеніе отнять у того или другаго монастыря пожалованной королемъ земли; нѣтъ основанія не распространять этого и на другіе случаи), объемъ которой зависѣлъ отъ произвола князя.

По тѣмъ скуднымъ извѣстіямъ, которыя дошли до насъ отъ эпохи самостоятельнаго существованія Хорватіи, трудно опредѣлить объемъ королевской власти. Есть указанія, что

---

(1) Ibidem. p. 144, 178.

(2) Ibidem. p. 144.

(3) Ibidem. p. 132, 137, 142, 178.

(4) Ibidem. p. 133, 142.

(5) Ibidem. p. 137.

(6) Ibidem. p. 132, 133.

(7) Ibidem. p. 129.

(8) Ibidem. p. 129.

(9) Ibidem p. 120.

(10) Ibidem. p. 179.

(11) Ibidem. p. 132.

(12) Ibidem. p. 137.

(13) Ibidem. p. 178.

(14) Ibidem. p. 178.

(15) Ibidem. p. 118. «Tributum, vectigal fisco regali».. (льгота—nec solvat).

(16) См. ниже, на слѣд. стр.

ему принадлежала власть законодательная. „*Nostris sit legibus reus*"—говоритъ король, предусматривая то или другое преступное дѣяніе[1]. Власть судебная принадлежала ему несомнѣнно. Существованіе придворнаго судьи (regalis curiae judex, онъ же, кажется, causidicus regalis) одно уже служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что къ князю часто обращались за рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ и съ всякими другими жалобами. Разбирательство производилъ король или лично или посылалъ одного изъ жупановъ, который дѣйствовалъ отъ имени короля. Приговоръ въ большинствѣ случалось произносился самимъ королемъ; онъ же назначалъ и наказаніе. Изъ видовъ наказаній употреблявшихся въ Хорватіи мы знаемъ денежную пеню въ пользу короля, иногда пополамъ съ истцомъ (²), конфискацію имущества (³), изгнаніе изъ предѣловъ государства (⁴). Съ XI вѣка хорватскіе короли обнаруживаютъ стремленіе при жизни еще назначать себѣ наслѣдника, облекая его извѣстной степенью власти. Такъ дѣлалъ Петръ Крешиміръ (⁵); такъ сдѣлалъ и Свиниміръ (⁶).

Вторую инстанцію послѣ короля представляли баны. Ихъ было семь и на соотвѣтствующее количество участковъ было раздѣлено хорватское государство. Первымъ былъ банъ Хорватіи (т. е. далматинской), за нимъ слѣдовали баны Босны, Славоніи, Posige, Подравья, Албаніи (?) и Срема (⁷). Наибольшимъ значеніемъ въ дѣлахъ государства пользовался банъ Хорватіи. Онъ называется въ граматахъ „potens banus (⁸)". Достоинство бана было избирательнымъ, причемъ выборъ принадлежалъ народу, а не королю. Банами

(¹) Cod. diplom. p. 120.

(²) Ibidem. p. 162.

(³) Ibidem. p. 126.

(⁴) Ibidem. p. 140.

(⁵) Послѣ Крешиміра подписывался сынъ его Стефанъ. Cod. diplom. p. 133.

(⁶) Послѣ Свиниміра подписывался сынъ его Радованъ. Ibid. p. 165.

(⁷) Cod. diplom. p. 188.

(⁸) Ibidem. p. 129.

Хорватіи могли быть только члены слѣдующихъ шести высшихъ аристократическихъ фамилій Хорватіи: Качичей (Kacigi), Куккаровъ (Cuccari); Сватичей (Suacigi), Чудомиричей (Cudomirigi), Могоровичей (Magorovigi) и Шубичей (Subigi) (¹). Источники не опредѣляютъ ясно функціи бановъ; извѣстно только, что имъ принадлежало право выбора короля въ случаѣ пресѣченія династіи (²). За банами слѣдовали comites. Хорватія была раздѣлена на шесть комитатовъ, во главѣ которыхъ стояли шесть упомянутыхъ фамилій. Далѣе шли жупаны и подъ-жупаны (появившіеся только въ XI вѣкѣ).

Жупы дѣлились еще, вѣроятно, на сотни, наподобіе нѣмецкихъ gau, управленіе которыми было поручено сотникамъ (Setnicus) (³).

Положеніе монастырей.

Хорватскіе монастыри имѣли большое количество земель и угодій, которыя поступали къ нимъ то въ даръ отъ королей и частныхъ лицъ, то приносились поступавшими въ нихъ собственниками. Какъ въ Чехіи, такъ и въ Хорватіи монастыри одни имѣли право произвольно распоряжаться пожалованными имъ королевскими землями. Въ дарственныхъ граматахъ королей монастырямъ за указаніемъ на даръ слѣдовало точное опредѣленіе правъ, которыя получали они на него: jus habendi, possidendi, permutandi, cuicumque libet donandi. Этихъ правъ не имѣло частное лице, получавшее отъ короля въ даръ землю; въ случаѣ отчужденія, какъ мы знаемъ уже, нужно было испрашивать согласіе короля. Обширное количество земель, съ которыми вмѣстѣ часто дарились и рабы или крѣпостные, давало монастырямъ возможность заниматься скотоводствомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; на монастырскихъ земляхъ па-

(¹) Ibidem p. 188.

(²) Ibidem.

(³) Ibidem. p. 144, 148, 179 и др.

(⁴) Codex. diplom. 73.

слись табуны лучшихъ въ Хорватіи коней, не говоря уже объ огромномъ количествѣ другаго скота. Избытокъ рабочихъ силъ былъ такъ великъ, что монастыри имѣли возможность продавать лишнихъ рабовъ и крѣпостныхъ.—Въ IX вѣкѣ они были подчинены наблюденію особаго лица (suprapositus monasteriis) (¹), который, вѣроятно, собиралъ съ нихъ поборы въ пользу князя. Эти поборы существовали и въ XI вѣкѣ; они платились королю, банамъ, жупанамъ, но король вправѣ былъ освободить тотъ или другой монастырь отъ всѣхъ поборовъ, давши ему на это грамату. Горе монастырей, составляли не поборы, а взглядъ современнаго общества на монастырскія имущества. Воспользоваться монастырской землей или какой нибудь другой собственностью не многіе считали грѣхомъ. Община города Зары въ видѣ особенной милости сообщаетъ монастырю св. Маріи о своемъ постановленіи, чтобы впредь у этого монастыря „non cavallus, non famulus, usque ad formellam casei per vim aliquis tollerit", прибавляя при этомъ, что такими широкими правами не пользуется ни одинъ изъ Зарскихъ монастырей (¹). Присвоеніе монастырской собственности считалось, такимъ образомъ, чуть не законнымъ. Противъ этого взгляда энергично борется и общество и королевская власть въ Хорватіи. Нѣтъ ни одной граматы, въ которой не призывались бы проклятія на голову тѣхъ, кто покусится присвоить себѣ пожертвованную монастырю землю. Крешиміръ Петръ первый понялъ, что одними проклятіями зла не искоренишь и принялъ самыя суровыя мѣры противъ расхитителей монастырской собственности; онъ пустилъ въ дѣло конфискаціи имущества виновныхъ, изгнаніе изъ родины, огромные штрафы, но не могъ все-таки искоренить зла: оно продолжало существовать во все время политической независимости Хорватскаго государства.

(¹) Ibidem. p. 145.

V.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

А) Источники.

1) Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae (Ed. Kukuljevič Sakcinsky). Такъ называется собраніе документовъ, относящихся къ исторіи хорватскаго государства въ періодъ его самостоятельнаго существованія; королевскихъ граматъ, папскихъ посланій, соборныхъ актовъ, дарственныхъ записей, данныхъ монастырямъ королями и частными лицами и пр.—Первоначально эти документы были разсѣяны въ разныхъ изданіяхъ: часть ихъ была собрана еще Люціемъ и вошла въ составъ его труда „De regno Croatiae et Dalmatiae"; документы преимущественно церковно-историческаго характера можно видѣть у Фарлати въ монументальномъ трудѣ, носящемъ названіе „Illyricum sacrum"; важнѣйшіе документы политическаго и церковно-историческаго характера вошли въ составъ: „Jura regni Croatiae et Dalmatiae (T. I)" и изданіе Любича—Monumenta, spectantia historiam Slavorum meridionalium". Въ изданіи Кукулевича - Сакцинскаго этотъ разбросанный матеріалъ расположенъ въ точномъ хронологическомъ порядкѣ. Сборникъ Кукулевича занимаетъ первое мѣсто въ ряду источниковъ для хорватской исторіи. Въ немъ можно найдти, скудныя, правда, но за то точныя, несомнѣнныя данныя для генеалогіи хорватскихъ королей, хронологіи событій и правленій, внутренней и внѣшней политики правителей, исторіи церкви, для характеристики внутренняго строя государства,

обычнаго права, матеріальнаго быта. Помѣщенная въ этомъ сборникѣ дарственная запись Петра Чернаго, сына Гумая, монастырю св. Петра имѣетъ для хорватской исторіи приблизительно такое же значеніе, какъ „Domesdaybook" для исторіи Англіи и „Polyptique d' Hyrminon" для исторіи Франціи. На основаніи этого документа можно представить довольно обстоятельный очеркъ матеріальной обстановки мелкихъ хорватскихъ собственниковъ, цѣны земли, разнаго рода мѣръ, употреблявшихся въ Хорватіи,—семейнаго права, формъ договора въ случаѣ купли, продажи, займа, способовъ разрѣшенія спорныхъ вопросовъ; здѣсь же встрѣчаемъ мы указанія на источники рабства, цѣну рабовъ, на отношенія между частными собственниками и чиновной аристократіей, на отношенія народа къ князю. За сборникомъ Кукулевича слѣдуютъ извѣстія хроникеровъ византійскихъ, нѣмецкихъ, венеціанскихъ. Первое мѣсто между этими хроникерами по количеству сообщаемыхъ извѣстій занимаетъ

2) Konstant. Porphyrogenet. Наиболѣе значенія для исторіи Хорватовъ имѣетъ его трудъ „de administrando imperio". Цѣль и назначеніе этого труда опредѣляется въ предисловіи къ нему, которое обращено къ сыну автора. „Прежде всего я намѣренъ изложить тебѣ, говоритъ Багрянородный, какой народъ въ чемъ можетъ быть полезенъ Грекамъ и въ чемъ причинить вредъ; далѣе—какъ живутъ разные народы и съ помощью какого народа можно угрожать войной другому или покорить его.... Я буду говорить о различіи между народами, о ихъ происхожденіи, образѣ жизни, положенія и условіяхъ земли, ими населенной, о томъ, что происходило между греками и различными народами". Задача чрезвычайно широкая, но для исполненія ея у автора не хватило ни средствъ, ни таланта. Всю жизнь свою ученый императоръ прожилъ въ столицѣ, собирая необходимыя для своего труда свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ. Это отразилось очень невыгодно на всемъ его трудѣ. Даже о южныхъ Славянахъ, жившихъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, онъ не пріобрѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній и надѣлалъ массу ошибокъ относительно предметовъ, находившихся предъ его глазами. Разсказывая о томъ или другомъ событіи, онъ не считаетъ нужнымъ ознакомиться съ мѣстомъ, гдѣ происходитъ дѣло. Къ этимъ недостаткамъ присоединяется страсть автора къ гипотезамъ и измышленіямъ, которыя

онъ выдаетъ потомъ за дѣйствительные факты, къ выводамъ, основаннымъ на филологіи самой низкой пробы. Благодаря всѣмъ этимъ недостаткамъ онъ вполнѣ заслуживаетъ данный ему титулъ ограниченнаго географа, плохаго филолога и не особенно критическаго историка, а его трудъ важенъ не столько по качеству, сколько по количеству извѣстій. У Константина мы заимствуемъ свѣдѣнія о первоначальной родинѣ Хорватовъ, о времени и обстоятельствахъ ихъ прибытія въ занимаемыя нынѣ земли, о принятіи ими христіанства, объ отношеніи къ Франкамъ и Грекамъ и много другихъ, но рѣдкія изъ нихъ выдерживаютъ самую слабую историческую критику. Болѣе или менѣе удовлетворительно онъ опредѣлилъ древнюю родину Хорватовъ, ихъ отношенія къ далматинцамъ и внутреннее положеніе хорватскаго государства въ концѣ IX в. Сообщаемыя имъ извѣстія объ этомъ подтверждаются и другими источниками. Разсказы о прибытіи Хорватовъ въ Далмацію, о первыхъ хорватскихъ князьяхъ, о борьбѣ Хорватовъ съ Франками, о крещеніи Хорватовъ и ихъ договорахъ съ Римомъ нужно выпустить, какъ сказки, не заслуживающія ни малѣйшаго довѣрія. Первый разсказъ ничто иное, какъ теорія, придуманная для уясненія занятія Далмаціи Хорватами. „Около 449 года, разсказываетъ Багрянородный, въ Далмацію вторгнулись Авары; страна имъ понравилась и они остались въ ней, притѣсняя туземное населеніе. Такъ шло дѣло до Ираклія. Вступивъ на престолъ около 610 года, этотъ императоръ приказалъ Хорватамъ, жившимъ тогда въ Великой Хорватіи за Карпатами (въ восточной Галиціи), явиться въ Далмацію, выгнать Аваровъ и поселиться на занятыхъ ими земляхъ, признавши верховную власть византійскаго императора. Хорваты откликнулись на этотъ призывъ. Подъ предводительствомъ пяти братьевъ: Клука, Ловеля, Косенца, Мухла и Хорвата и двухъ сестеръ Туги и Буги часть ихъ явилась въ Далмацію, завязала отчаянную борьбу съ Аварами и чрезъ нѣсколько лѣтъ вышла изъ нея съ торжествомъ". Авары были по большей части истреблены въ борьбѣ; незначительное меньшинство осталось рабами; оно существовало еще въ X в. Къ этой фантастической сказкѣ наши историки придѣлали еще болѣе фантастическія толкованія. Вотъ, напр., что говоритъ по поводу ея Хомяковъ: „Славяне мало по малу вливались въ имперію мирными

колоніями; даже тогда, когда они приходили въ нее, какъ вооруженные завоеватели, они охватывали ее сѣтью своихъ семейныхъ общинъ и принимали начала просвѣщенія и разумной гуманности въ душу и жизнь. Ираклій постигъ глубоко-человѣческую и правдолюбивую натуру Славянина и пригласилъ Славянъ прикарпатскихъ въ придунайскую область".

Самая завязка разсказа Багрянороднаго исторически несостоятельна. Ни одинъ историкъ не знаетъ Аваровъ въ V вѣкѣ не только въ Далмаціи, но и вообще въ западной Европѣ. Аваровъ тогда и въ поминѣ не было на исторической сценѣ. Они выступаютъ на ней лишь во второй половинѣ VI в. Никогда и въ VI в. Авары не захватывали въ свою власть Далмаціи и не оставались въ ней на жительство. Разъ только, въ 598 году, они сдѣлали на нее нападеніе, но удалились, ограничившись однимъ грабежемъ. Никакого приглашенія Хорватовъ современные писатели не знаютъ и объ услугахъ ихъ византійской имперіи не говорятъ. Хорватское вторженіе въ Далмацію ничѣмъ въ ихъ глазахъ не отличалось отъ другихъ славянскихъ вторженій на полуостровъ; поэтому они и не говорятъ отдѣльно о занятіи Хорватами Далмаціи. Хорваты ведутъ себя въ Далмаціи далеко не какъ друзья имперіи, а какъ завоеватели. De jure belli они захватываютъ у туземнаго населенія земли; отъ ихъ нечестія мощи святыхъ убираются по распоряженію папы въ Римъ. Имена предводителей хорватскихъ и первыхъ князей ихъ—такая-же выдумка Багрянороднаго. Только Поринъ, кажется, дѣйствительная историческая личность, но неправильно пріуроченная. Онъ очень напоминаетъ Борну Эйнгарда. Шафарикъ принимаетъ Багрянороднаго подъ свое покровительство, говоря, что онъ писалъ на основаніи извѣстныхъ славянскихъ пѣсенъ, но на пѣсни много уже свалено всякихъ небылицъ. По пѣснямъ, говорятъ, и нашъ Несторъ сочинилъ свою исторію разселенія славянскихъ народовъ съ береговъ Дуная (достойную стать рядомъ съ измышленіями Багрянороднаго); изъ пѣсенъ вышли и братья Ляхъ, Чехъ и Русъ,—и Русъ, Болгаръ и Словенъ,—и Кій, Щекъ и Хоревъ,—и Рюрикъ съ братіей и многое множество имъ подобныхъ. Позволительно спросить, кто и когда слышалъ эти пѣсни? Сколько вѣковъ

прошло съ тѣхъ поръ, какъ Дакійскіе Славяне столкнулись съ Траяномъ, а о Траянѣ поетъ еще и теперь сербская пѣсня, разсказываетъ болгарская сказка. Куда-же дѣвались Туги и Буги, Русы и Словены? Какой злой геній вычеркивалъ ихъ изъ народной памяти, лишь только монахъ-историкъ или императоръ-историкъ записалъ ихъ на страницы своего труда?

Разсказъ о борьбѣ Хорватовъ съ Франками построенъ на историческомъ фактѣ—на подчиненіи Хорватовъ нѣмецкому владычеству при Карлѣ Великомъ,—но этотъ фактъ обставленъ такими фантастическими подробностями, что становится просто неузнаваемымъ. Мѣсто дѣйствія переносится изъ посавской Хорватіи въ далматинскую; вождемъ возставшихъ является не Людевитъ, а Поринъ (т. е. Борна, въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ уже, искреній союзникъ Франковъ); время борьбы переносится изъ IX вѣка въ VII; зависимость Хорватовъ въ Далмаціи отъ Франковъ является продолженіемъ той, въ которой они находились еще въ своей закарпатской родинѣ; исходомъ является не пораженіе Хорватовъ, а побѣда надъ Франками и, какъ торжественный финалъ, принятіе христіанства—благодарность небу за дарованную побѣду.—Извѣстія о крещеніи Хорватовъ были уже разобраны выше.

2) Thoma Archidiakonus Spalatensis. Historia Salonitana (Schwandtn. Script. rerum Hungaricarum. T. III). Ѳома пишетъ собственно исторію сплитской (салонской) церкви; но нѣкоторыя главы его труда касаются и хорватской исторіи. Какъ и Багрянороднымъ, имъ нужно пользоваться съ большой осторожностью. Разсказъ Ѳомы сбивчивъ, страдаетъ отсутствіемъ опредѣленности и, часто, безпристрастія; какъ у Багрянороднаго, мы можемъ встрѣтить у него личныя измышленія (первымъ королемъ хорватскимъ онъ называетъ Држислава, между тѣмъ какъ доказано, что Хорватія сдѣлалась королевствомъ при Томиславѣ), неподтвержденныя никакими доказательствами. Не смотря на эти крупные недостатки, трудъ Ѳомы имѣетъ важное значеніе, какъ источникъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ нѣсколько хронологическихъ данныхъ (за перечнемъ сплитскихъ архіепископовъ онъ помѣщаетъ современныхъ имъ хорватскихъ

королей), характеристику взаимныхъ отношенiй Хорватовъ и Далматинцевъ въ VII—IX вв., важныя свѣдѣнiя, касающiяся церковной исторiи Хорватiи въ XI в., хотя проникнутые католическимъ духомъ и непрiязнiю къ славянству. Лучшимъ и наиболѣе свободнымъ отъ упомянутыхъ недостатковъ мѣстомъ этого труда нужно назвать яркую картину внутренняго состоянiя хорватскаго государства въ послѣднiе дни его существованiя, не задолго до подчиненiя Мадьярамъ.

4) Anonym. Diocleat. Regnum Slavorum (Schwandtn. Script. rer. Hungaric. T. III). Анонимный Дiоклейскiй лѣтописецъ говоритъ въ своей хроникѣ не о Хорватахъ и Сербахъ въ отдѣльности; онъ выдумалъ какое-то славянское королевство и произвелъ въ короли его, соединивши въ одну генеалогiю, всѣхъ князей отдѣльныхъ иллирiйскихъ племенъ, даже мелкихъ бановъ и жупановъ; иногда у него фигурируютъ даже такiя личности, которыя принадлежатъ исторiи другихъ, не иллирiйскихъ Славянъ. Чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить въ этой хроникѣ дѣйствительное имя какого нибудь хорватскаго короля, еще рѣже точно опредѣляется время его правленiя. Чаще всего бываетъ, что хорватскiй король относится къ такому времени, когда не существовало не только его, но и его предковъ; у него является потомство, извѣстное, даже по именамъ, только исключительно одному Дiоклейскому лѣтописцу. Небывалыя имена, небывалая генеалогiя, масса сказочныхъ подробностей, полное пренебреженiе къ хронологiи—вотъ черты, которыми характеризуется „Regnum Slavorum“, какъ источникъ.

5) Chronika Hrvatska (Arkiv za jugoslav. povjestnicu. Kukul. Sakc. I). Характеристика, которую мы сдѣлали для „Regnum Slavorum“, можетъ быть отнесена безъ малѣйшей поправки къ хорватской хроникѣ неизвѣстнаго автора. Нужно быть слишкомъ смѣлымъ, чтобы придавать ей значенiе достовѣрнаго историческаго разсказа. Она важна лишь потому, что въ ней нашли свой отголосокъ народныя преданiя о Свинимiрѣ „послѣднемъ королѣ хорватскомъ“.

6) Каталоги сплитскихъ архiепископовъ (Illyricum Sacrum. T. I, pars 3, prolegom.). Это хронологическiе списки сплитскихъ архiепископовъ отъ основанiя сплитской митрополiи. Они имѣютъ значенiе собственно для церковной исторiи Далмацiи, но между ними есть такiе, гдѣ параллель-

но со спискомъ архіепископовъ идетъ списокъ современныхъ имъ хорватскихъ государей; таковы—указанный уже выше каталогъ архидіакона Ѳомы и такъ называемый римскій каталогъ. Послѣдній пользуется у нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ совершенно незаслуженной репутаціей весьма достовѣрнаго источника, такъ какъ составитель его имѣлъ будто-бы подъ руками такіе документы, которые остались неизвѣстными для составителей прежнихъ каталоговъ. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что подобная репутація римскаго каталога составилась вслѣдствіе нѣкотораго недоразумѣнія; виновникъ ея Фарлати, но онъ аттестуетъ такимъ образомъ только списокъ архіепископовъ, который дѣйствительно составленъ правильнѣе, чѣмъ другіе, предшествовавшіе ему; между тѣмъ этотъ отзывъ безъ малѣйшаго измѣненія прилагается и къ списку хорватскихъ государей, современныхъ перечисленнымъ сплитскимъ архіепископамъ. Достаточно ознакомиться самымъ поверхностнымъ образомъ съ послѣднимъ спискомъ (государей), чтобы убѣдиться, что репутація, которой онъ пользуется, совершенно незаслуженна. Онъ составленъ по Багрянородному, Эйнгарду, Дандоло и только иногда по граматамъ. Въ немъ фигурируетъ небывалый, выдуманный Багрянороднымъ, Поринъ и, неизвѣстно по какой причинѣ попавшій въ число хорватскихъ князей, князь Захлумскій Михаилъ. Съ упоминаемымъ у Багрянороднаго Мирославомъ составитель каталога не зналъ, очевидно, какъ справиться, такъ какъ отвелъ ему въ своемъ каталогѣ два совершенно различныхъ мѣста. Нужно игнорировать всѣ таковые факты, чтобы придавать римскому каталогу значеніе цѣннаго документа для политической исторіи Хорватіи.

7) Annales Ehingardi (Pertz-Monumenta Germaniae historica. Scriptorum T. I). Анналы Эйнгарда составляютъ почти единственный источникъ для исторіи Хорватовъ IX в. Изъ нихъ мы узнаемъ объ обстоятельствахъ образованія хорватскаго государства, о первыхъ хорватскихъ князьяхъ и ихъ отношеніяхъ къ Франкамъ, въ нихъ-же находится и подробный разсказъ о героической борьбѣ Людевита съ нѣмцами за независимость, борьбѣ такъ искаженной въ разсказѣ Багрянороднаго. Эйнгардъ былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій изъ исторіи южнаго славянства и сообщаетъ только то, что было ему вполнѣ извѣстно; если

придать къ этому, что онъ былъ умный всесторонне-образованный для своего времени человѣкъ, то достоинство его труда и значеніе для исторіи южнаго славянства будетъ понятно.

Въ существенныхъ чертахъ извѣстія Эйнгарда о Хорватахъ повторили и біографы Людовика Благочестиваго—Теганусъ и Астрономъ (Pertz. Monum. German. hist. Script. T. II). Разница въ извѣстіяхъ весьма незначительная: Эйнгардъ сообщаетъ только нѣкоторыя подробности, оставшіяся, какъ видно, неизвѣстными біографамъ Людовика (Теганусу, который чрезвычайно коротко упоминаетъ о возстаніи Людевита Посавскаго).

8) Ioann. Venetian. Chron. Venet. (Pertz. Monum. Germ. hist. Script. T. VII). Хроника Іоанна имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для исторіи хорвато-венеціанской войны 998 года, такъ какъ онъ былъ современникомъ этого событія и стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ дожемъ Петромъ II Орсеоло. Іоаннъ сообщаетъ, впрочемъ, нѣсколько извѣстій объ отношеніяхъ между Хорватами и Венеціанцами въ IX вѣкѣ, но эти извѣстія отличаются чрезвычайной отрывочностью и неопредѣленностью; часто трудно понять, кого разумѣетъ хроникеръ подъ общимъ именіемъ „Sclavi"—Хорватовъ или какихъ нибудь другихъ далматинскихъ Славянъ, напр. Неретванъ.

9) Andr. Dandolo. Chron. Venet. (Muratori. Scriptor. rer. Italicarum. T. XII). Недостатки Іоанна отразились и на трудѣ его продолжателя—Андрея Дандоло. До конца X вѣка онъ въ своей хроникѣ почти буквально повторяетъ то, что было записано его предшественникомъ; изрѣдка онъ дѣлаетъ попытки сдѣлать свое повѣствованіе болѣе опредѣленнымъ, сравнительно съ Іоанновымъ, но эти попытки еще болѣе сбиваютъ съ толку читателя и только обличаютъ недостаточное знакомство Дандоло съ фактами, о которыхъ онъ говоритъ. Съ XI вѣка начинается самостоятельный разсказъ Дандоло; не смотря на свои крупные недостатки, онъ служилъ единственнымъ источникомъ для характеристики отношеній Венеціи и Хорватовъ въ XI вѣкѣ. Очевидно и съ этой эпохой Дандоло не былъ знакомъ удовлетворительно, такъ какъ онъ часто искажаетъ факты, впадаетъ въ анахронизмы. Съ тѣхъ поръ, какъ Хорватія вступаетъ въ дружескія сношенія съ Угріей, Дандоло перестаетъ

отличать ихъ одну отъ другой и дѣйствія Хорватіи приписываетъ угорскимъ королямъ. Всѣ эти недостатки станутъ понятными, если мы вспомнимъ, что Дандоло не былъ современникомъ описываемыхъ событій.

10) Annales Fuldenses, Lupus Protospatarius, Zonaras, Cedrenus, Nicephoras Bryennius — сообщаютъ отдѣльные факты; мы не будемъ касаться ихъ въ нашемъ разборѣ.

Б) Главныя пособія.

1) Lucius. De regno Chroatiae et Dalmatiae (Schwandtn. Scriptor. rer. Hungaric. T. III). Трудъ Люція представляетъ первый по времени опытъ разработки хорватской исторіи по источникамъ. Занимающей насъ эпохѣ посвящены вторая и третья книги этого обширнаго труда. Люцій первый подвергнулъ критикѣ нѣкоторыя извѣстія Багрянороднаго (о времени крещенія Хорватовъ и освобожденія ихъ отъ Франковъ), но не удержался на этой критической почвѣ и сохранилъ значительную долю довѣрія къ показаніямъ этого хроникера. Для исторіи Хорватовъ въ IX в. Люцій собралъ весь матеріалъ, разбросанный до него по различнымъ хроникамъ, но этимъ собственно и ограничился, не подвергнувъ этого матеріала научной обработкѣ. Въ отношеніи X и XI вв. онъ даже не сдѣлалъ и этого: онъ довольно коротко говоритъ о Држиславѣ, Крешимірѣ III, Крешимірѣ Петрѣ, Славичѣ, Свинимірѣ и Стефанѣ II, вычеркивая почти всю исторію X в. до Држислава, не говоря ни слова о внутреннемъ положеніи Хорватіи, объ отношеніяхъ ея къ Угріи и Венеціи въ XI в. Трудъ Люція характеризуется вообще отсутствіемъ прогматизма, неполнотой и отрывочностью изложенія и въ настоящее время уже устарѣлъ, утратилъ свое значеніе. Прежде онъ имѣлъ важное значеніе потому, что въ немъ собрана масса сыраго матеріала.

2) Farlati. Illyricum Sacrum. T. I—VIII. Трудъ Фарлати имѣетъ весьма важное значеніе для церковной исторіи хорватскаго государства; немногія данныя, сообщаемыя въ немъ для политической исторіи, не имѣютъ особенно важнаго значенія. Въ I томѣ собранъ матеріалъ для древнѣйшей исторіи Иллирика (Prolegomena); съ III идетъ исторія сплитской митрополіи, сообщаются извѣстія о вре-

мени крещенія Хорватовъ, объ отношеніяхъ между нинской и сплитской церковью, начиная съ эпохи Бранимiра до паденія нинской епископіи, о событіяхъ въ Хорватской церкви во время Крешимiра Петра и Свинимiра; часть IV тома посвящена исторіи нинской епископіи. Монументальному труду Фарлати даетъ особенную цѣну то обстоятельство, что въ немъ, какъ и въ трудѣ Люція, собрано огромная масса сыраго матеріала, преимущественно граматъ, и встрѣчается большіе отрывки изъ всѣхъ писателей, сообщавшихъ что-либо о Хорватіи отъ Багрянороднаго до Люція. Съ этой стороны трудъ Фарлати имѣетъ значеніе хрестоматіи по хорватской исторіи, не совсѣмъ къ сожалѣнію полной, что обусловливается собственно задачей труда. Во всемъ, что касается церковной исторіи Хорватіи и отношешеній между королями и церковью, „Illyricum Sacrum“ отличается всѣми достоинствами историческаго труда: обстоятельностью разсказа, прагматизмомъ, отсутствіемъ пристрастія къ какой нибудь одной сторонѣ (за немногими исключеніями). Если-бы въ немъ съ такой-же обстоятельностью и полнотой была разработана и политическая исторія, то трудъ Фарлати былъ-бы несомнѣнно лучшимъ пособіемъ при изученіи хорватской исторіи.

7) Раичъ. Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, на иначе же Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Раичъ не можетъ претендовать на титулъ прагматическаго историка. Это компиляторъ, трудъ котораго содержитъ въ себѣ массу извлеченій изъ источниковъ. Съ этой точки зрѣнія трудъ его имѣетъ и до сихъ поръ значеніе для изслѣдователя: онъ до извѣстной степени можетъ замѣнить сборникъ Штриттера изъ Византійцевъ въ отношеніи Славянъ южныхъ (Memoria populorum.). Собственныя толкованія и выводы Раича не имѣютъ никакой цѣны. Другимъ существеннымъ недостаткомъ труда Раича нужно назвать полнѣйшее игнорированіе внутренней исторіи славянскихъ народовъ, въ частности ихъ права и государственнаго устройства.

4) Šaffarik. Slovan. Starožitnosti. Безполезно говорить объ общемъ значеніи этого труда; оно извѣстно каждому образованному человѣку; и до сихъ поръ, не смотря на нѣкоторые недостатки, „Славянскія древности“ Шафарика служатъ настольной книгой всякаго слависта. Мы касаем-

ся здѣсь только тѣхъ мѣстъ его труда, гдѣ онъ трактуетъ спеціально о Хорватахъ—это, главнымъ образомъ, часть II тома, въ которой помѣщенъ краткій очеркъ хорватской исторіи. Очеркъ этотъ слабъ и въ настоящее время не имѣетъ даже того значенія, какимъ можетъ пользоваться трудъ Фарлати. Древнѣйшую исторію Хорватовъ Шафарикъ безъ всякой критики излагаетъ по Багрянородному и даетъ мѣсто въ своемъ очеркѣ его баснямъ объ освобожденіи Хорт овъ отъ владычества Франковъ подъ предводительствомъ и верховной властью Порина, относитъ время освобожденія приблизительно къ 832 году (вопреки самому Багрянородному) и совершенно игнорируетъ хронику Эгингарда, заслуживающую несравнено болѣе довѣрія. Очеркъ хорватской исторіи въ X и XI вв. сжатъ и не полонъ; на внутреннюю исторію, какъ и у Раича, не обращено ни малѣйшаго вниманія. Короче—это сухой, далеко не вездѣ правильный, конспектъ хорватской исторіи.

5) Голубинскій. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской, и Румынской. Въ концѣ этого труда помѣщенъ краткій очеркъ государственной и церковной исторіи Хорватовъ, составленный частью по Багрянородному, частью по Шафарику и Ассемани. Авторъ повторяетъ ошибки Багрянороднаго и Шафарика, не внося въ свой очеркъ никакихъ самостоятельныхъ изысканій. Очеркъ церковной хорватской исторіи сдѣланъ весьма поверхностно и не заслуживаетъ особаго разбора. Литература не полна.

6) Rački. Ocjena starijich izvora za hrvatsku i srbsku povjest srednjega vieka (Književnik. I). Главное содержаніе этой статьи составляетъ разборъ сочиненія Багрянороднаго. Рачкій старается выяснить извѣстія Багрянороднаго о первоначальной родинѣ Хорватовъ и объ обстоятельствахъ ихъ прибытія въ занимаемыя нынѣ мѣста. Онъ подробно разбираетъ вопросъ о положеніи Великой или Бѣлой Хорватіи и приходитъ къ заключенію, что эта страна находилась въ закарпатской равнинѣ между Германіей, Карпатами и западными племенами русскихъ Славянъ (р. 57). Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Рачкій доказываетъ, что нынѣшніе Хорваты дѣйствительно переселились изъ этой Великой или Бѣлой Хорватіи, но не въ силу переговоровъ съ императоромъ Иракліемъ, какъ утверждаетъ Багрянородный, а какъ завоеватели.

7) Rački. Nacrt jugoslovjenskich povjestij do IX stoljetja (Arkiv za povjest. jugoslov. IV). Очеркъ Рачкаго содержитъ въ себѣ исторію заселенія Балканскаго полуострова Славянами и ихъ отношеній къ Византіи до IX столѣтія. Наиболѣе значенія имѣютъ здѣсь тѣ мѣста, гдѣ говорится о ходѣ славянской колонизаціи на полуостровѣ вообще и въ западной части его въ частности. Рачкій считаетъ Хорватовъ не первыми славянскими поселенцами въ Далмаціи и Либурніи. Имъ предшествовала та часть нынѣшняго населенія этихъ земель, которая называется Чакавцами (стр. 253). Крупными недостатками этой части слѣдуетъ назвать довѣріе къ Багрянородному (въ вопросѣ объ обстоятельствахъ прибытія Хорватовъ въ Далмацію) и повтореніе извѣстія Нестора о разселеніи Славянъ изъ Иллирика подъ вліяніемъ Влаховъ.

8) Rački. Dopunici i popravci za stariju povjest hrvatsku (Rad. jugosl. Akad. XIX). Въ этой маленькой статьѣ Рачкій устанавливаетъ генеалогію хорватскихъ королей изъ народной династіи и разсматриваетъ нѣкоторые темные вопросы въ хорватской исторіи, напр. плѣнъ Славича въ 1075 году, народныя сказанія о смерти Свиниміра.

9) Rački. Kada i kako Hrvatska kneževina se preobrazi u kraljevinu (Rad. jug. Ak. XVII). Сущность этой статьи заключается въ доказательствѣ, что Хорватія сдѣлалась королевствомъ еще при Томиславѣ, а не при Држиславѣ, какъ утверждаетъ Ѳома архидіаконъ. Раздѣляя вполнѣ взглядъ Рачкаго, мы считаемъ нужнымъ замѣтить однако, что онъ беретъ за точку отправленія сомнительное въ сущности положеніе: Rimski dvor tačnošću od njekada izražavao u svojech izpravach različite stepene vladalačke časti; za dokaz dosta je navesti, da se u pismich pape Alexandra II hrvatski vladalac zove „rex“, češki Vratislav II samo „dux“.... Захлумскій князь Михаилъ, никогда не бывшій королемъ, титулуется въ папскомъ посланіи „rex“ (Mansi XX, 246. Regesta lib. V, ep. 12). Разъяснивши весьма обстоятельно, *когда* Хорватія сдѣлалась королевствомъ, Рачкій не такъ ясно отвѣчаетъ на вторую половину поставленнаго имъ вопроса—*какъ*..., ограничиваясь гипотезой самаго неопредѣленнаго свойства.

10) Raćki. Borba južnich Slovena za državnu neodvisnost u XIV veku (Rad. jugosl. Akad. XXV, XVII, XVIII, XXX).

Названное изслѣдованіе Рачкаго служитъ пособіемъ при изученіи хорватской исторіи X и XI вѣковъ. Подробно излагая события внѣшней и внутреней исторіи Хорватіи, Рачкій яснѣе, чѣмъ кто либо до него, освѣтилъ время Крешиміра старшаго, о которомъ предшествовавшіе историки упоминали только мелькомъ. Съ особенной подробностью разработана исторія XI в.—исторія паденія хорватскаго могущества, попытокъ возстановить его посредствомъ союзовъ съ сосѣдними государствами, сближенія съ Римомъ въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ. На каждомъ шагу Рачкій обнаруживаетъ обширную эрудицію, строгое и безпристрастное отношеніе къ свидѣтельствамъ источниковъ. Изложенію Рачкаго вредитъ нѣсколько, впрочемъ, то, что онъ нерѣдко не ограничивается ролью историка и выступаетъ адвокатомъ за симпатичныхъ для него личностей. Говоря, напр., что Свиниміръ принялъ корону хорватскаго королевства изъ рукъ папскаго легата, онъ старается оправдать въ этомъ Свиниміра и ссылается на современныхъ правителей Богеміи и Угріи, которые старались встать въ такія-же отношенія къ папѣ, на примѣръ, западныхъ государей, начиная съ Карла Великаго и т. д. Отъ этихъ, часто ненужныхъ, вставокъ трудъ Рачкаго теряетъ и съ внутренней и съ внѣшней стороны; изложеніе становится растянутымъ. Увлеченный ролью адвоката, Рачкій закрываетъ глаза предъ темными сторонами своихъ любимцевъ, старается всячески оправдать ихъ, тогда какъ исторія роковымъ образомъ осуждаетъ каждый фальшивый ихъ шагъ. Онъ не видитъ того, что нашествіе Норманновъ въ 1075 г., кончившееся такой печальной катастрофой, было вызвано политикой Крешиміра Петра, что виновникомъ паденія Хорватіи былъ Свиниміръ, дискредитировавшій окончательно свою страну въ глазахъ византійскихъ императоровъ, и слагаетъ всю отвѣтственность за эти печальныя событія на неповинныхъ ни въ чемъ Славича и Стефана II, упрекая ихъ въ неумѣньи справиться съ обстоятельствами. Непріятное впечатлѣніе выноситъ читатель отъ католическихъ симпатій Рачкаго, проникающихъ его трудъ, и отъ поразительнаго индифферентизма, съ которымъ онъ относится къ паденію хорватской независимости: единственнымъ послѣдствіемъ этаго событія въ жизни Хорватскаго народа была, по его только мнѣнію, перемѣна династіи.

11) Дриновъ. Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ (Чтенія въ М. О. ист. и др. 1875, 3 кн.). Вторая и пятая главы этой обширной монографіи посвящены исторіи Хорватовъ и Сербовъ. Немногія страницы, на которыхъ авторъ говоритъ о древнѣйшей исторіи Хорватовъ (до X в.), представляютъ прекрасный образецъ критической разработки хорватской исторіи. Дриновъ превосходно оцѣнилъ значеніе „De administ. imper." Багрянороднаго, какъ источника, и высказалъ весьма основательный взглядъ на внутреннее положеніе Хорватовъ въ первые два вѣка ихъ существованія на новой родинѣ и ихъ отношенія къ сосѣднимъ государствамъ. Онъ отрицаетъ зависимость Хорватовъ отъ Византіи въ VII и VIII вв. и, вопреки принятому мнѣнію, утверждаетъ, что зависимость Хорватовъ отъ Нѣмцевъ продолжалось почти до конца IX в.—до вступленія на хорватскій престолъ Сдѣслава (эту послѣднюю гипотезу онъ, впрочемъ, не развилъ съ достаточной ясностью). Съ иными чертами является очеркъ исторіи Хорватовъ въ X вѣкѣ: натяжки, парадоксы, абсолютное довѣріе къ однимъ источникамъ (римскій каталогъ) и совершенное игнорированіе другихъ (венеціанскихъ хроникеровъ) доказываютъ, что онъ составленъ съ предвзятой мыслью. Это обнаруживается, впрочемъ, только послѣ внимательнаго разбора каждаго отдѣльнаго положенія; съ перваго взгляда, въ цѣломъ, очеркъ поражаетъ читателя новизной, широтой обобщенія, стройнымъ, логическимъ развитіемъ основной мысли.

12) Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами (Чт. въ М. Об. ист. и др. 1872 г., 4). Вопросъ о началѣ славянскихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ не рѣшенъ до сихъ поръ окончательнымъ образомъ въ наукѣ. Существуетъ нѣсколько гипотезъ, но ни одна изъ нихъ не отличается полной опредѣленностью и не можетъ претендовать на значеніе послѣдняго слова въ наукѣ.

Разнообразіе гипотезъ обусловливается вполнѣ разногласіемъ, существующимъ между источниками. Древнія извѣстія о появленіи Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ распадаются на три группы: а) извѣстія византійскихъ хроникеровъ, б) извѣстія туземно-славянскихъ лѣтописцевъ и в) извѣстія древнѣйшихъ лѣтописцевъ русскихъ (Нестора) и польскихъ (Кадлубка). Первыя извѣстія относятъ появленіе Славянъ на полуостровѣ къ VI—VII вв.; вторыя (Thoma

Archidiak., Anonym. Diokleat.) къ эпохѣ готскаго вторженія, т. е. IV—V вв.; третьи указываютъ на Славянъ, какъ на древнѣйшихъ обитателей полуострова, по крайней мѣрѣ—его западной части—Иллирика. Эти три группы извѣстій опредѣляютъ существующія направленія въ рѣшеніи вопроса. Суровецкій, Шафарикъ, Рачкій рѣшаютъ вопросъ на основаніи византійскихъ источниковъ. Гильфердингъ, обходя византійскія извѣстія, основываетъ свою гипотезу на извѣстіяхъ туземно-славянскихъ. Хорватскіе хроникеры—Ѳома архидіаконъ и анонимный пресвитеръ діоклейскій—говорятъ, что Славяне прибыли въ Далмацію вмѣстѣ съ Готами и даже считаютъ Славянъ и Готовъ за одинъ народъ. Въ ихъ сказаніяхъ Гильфердингъ видитъ отголоски народнаго преданія и на основаніи ихъ утверждаетъ, что готскія вторженія на полуостровѣ потянули туда и Славянъ. Извѣстія Нестора и Кадлубка служитъ источникомъ третьей, наиболѣе распространенной гипотезы, которая признаетъ Славянъ автохтонами полуострова. Сторонники этой гипотезы стараются провѣрить свидѣтельства Нестора и Кадлубка древнѣйшей географіей и этнографіей полуострова. Они изучаютъ рядъ древнихъ историковъ и географовъ отъ Геродота до Прокопія включительно, анализируютъ филологически приводимыя ими мѣстныя и племенныя названія, изучаютъ воззрѣнія древнихъ на составъ первоначальнаго населенія полуострова и приходятъ къ убѣжденію, что славянская стихія существовала на немъ искони. Дриновъ открываетъ свой трудъ критическимъ анализомъ этихъ гипотезъ и указавъ, хотя не вездѣ удачно, ихъ несостоятельность, ставитъ на ихъ мѣсто новую, собственную. Онъ не допускаетъ, что Славяне были сторожилами полуострова, не допускаетъ также и того, что славянская колонизація началась съ IV—V в. и ищетъ истину въ срединѣ. Признаки присутствія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, по его словамъ, начинаются съ половины IV в.; слѣдовательно, они предваряютъ не только движеніе Гунновъ, за которыми Рачкій, Суровецкій и Шафарикъ ведутъ на полуостровъ первыхъ славянскихъ поселенцевъ, но вторженія Вестъ—Готовъ, которыя по Гильфердингу потянули туда Славянъ (р. 45). Эти признаки: 1) существованіе въ дорожникахъ (Itineraria) Іерусалимскомъ и Римскомъ, составленныхъ около половины IV в., городовъ и мѣстечекъ въ Ѳракіи и Родопѣ съ назва-

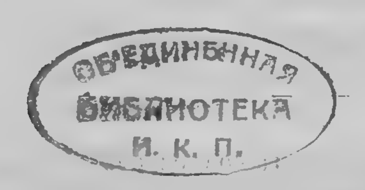
ніями явственно славянскаго происхожденія (р. 45); 2) развалины городовъ VI в., начало которыхъ можетъ быть отнесено къ IV в., съ несомнѣнно славянскими названіями; 3) славянскія личныя имена нѣкоторыхъ дѣятелей V в., дающія основаніе полагать, что ихъ предки обитали въ предѣлахъ Византійской имперіи по крайней мѣрѣ съ половины IV в. (стр. 46—47). Разсматривая эта признаки, мы замѣчаемъ, что они вовсе не требуютъ для своего объясненія новыхъ гипотезъ. Если родители Юстина и Юстиніана жили въ V вѣкѣ уже въ предѣлахъ имперіи, то появленіе ихъ въ Дарданіи весьма легко можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія Гильфердинга, — то есть, что они прибыли въ Дарданію въ второй половинѣ IV в. съ Готами. Такіе-же славянскіе переселенцы IV в. могли оставить и мѣстечки, упоминаемыя въ VI в. Прокопіемъ. Что-же касается мѣстныхъ названій, упоминаемыхъ въ дорожникахъ, то, основываясь на нихъ, нашъ авторъ вступаетъ на ту-же ложную дорогу, за которую такъ упрекаетъ сторонниковъ гипотезы автохтонности и которая нечувствительно можетъ поставить его въ ряды защитниковъ названной гипотезы: такихъ quasi славянскихъ названій очень много и они доходятъ до насъ изъ IV—V в. до нашей эры. Разъ указавши на шаткость подобныхъ филологическихъ основаній, онъ не долженъ былъ-бы ради послѣдовательности самъ обращаться къ нимъ. Raison d'être новой гипотезы такимъ образомъ, собственно говоря, не существуетъ. Если, не смотря на это, нашъ авторъ вознамѣрился во что бы то ни стало создать новую гипотезу, то онъ долженъ создавать съ фактами и положительными данными въ рукахъ. Выходитъ не такъ. Установивъ на основаніи приведенныхъ признаковъ существованіе Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ въ IV вѣкѣ, нашъ авторъ дѣлаетъ заключеніе, что они прибыли сюда гораздо раньше. Вопросъ сводится теперь къ ближайшему опредѣленію времени ихъ поселенія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ Дриновъ находитъ въ событіяхъ, совершившихся въ промежутокъ между такъ назывались Маркоманской войной и первой половиной IV вѣка. Маркоманская война началась въ концѣ II вѣка, въ правленіе Марка Аврелія. Рядомъ съ Маркоманнами и другими нѣмецкими племенами въ ней принимали участіе Буры, Астинги, Языги, Даки, Аланы, Роксоланы, Костобоки. Эти послѣднія племена своимъ удаль-

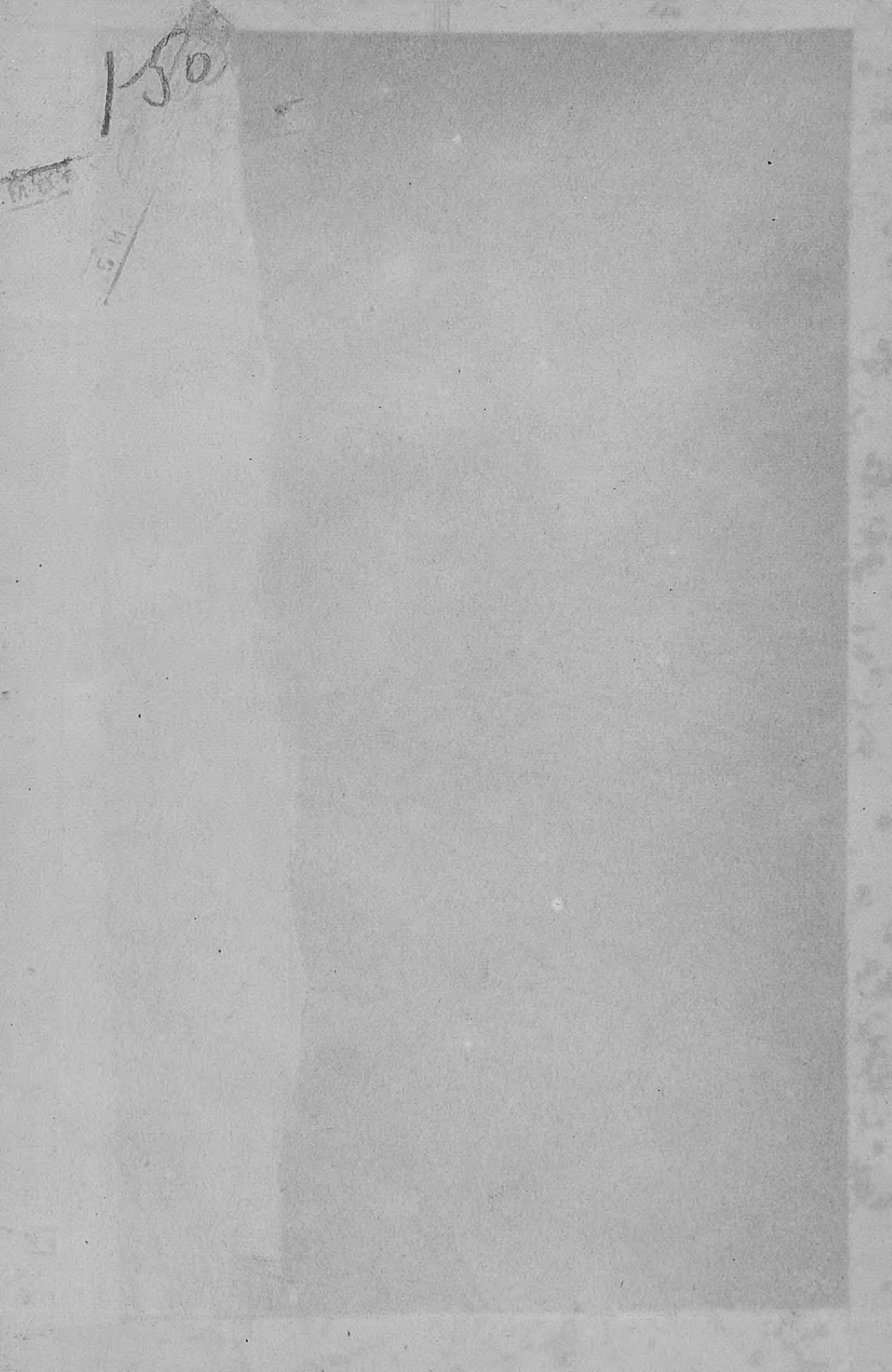
ствомъ превосходятъ доже Маркомановъ. Костобоки прошли поперекъ весь Балканскій полуостровъ и проникли въ Фокиду. Языги продолжаютъ бороться и послѣ того, какъ былъ заключенъ миръ между Римлянами и Маркоманнами. Съ III вѣка начинаются нападенія на Балканскій полуостровъ Готовъ, Карповъ. Въ 238 году послѣдніе опустошили Мизію, а около 240 года требуютъ съ Византійской имперіи такой-же дани, какую получали Готы. Когда это требованіе было отвергнуто, они продолжали опустошать Мизію до 244 года. Къ нимъ вскорѣ примыкаютъ Бораны и Уругунды. Соединившись вмѣстѣ, эти народы безнаказанно грабятъ полуостровъ; въ теченіе семи лѣтъ отъ 253 до 260 года они не оставили ни одного мѣста въ Иллиріи цѣлымъ отъ опустошеній. Въ 271 году съ Готами былъ заключенъ миръ, по которому имъ была уступлена Дакія. Карпы не прекратили своихъ нападеній; въ 273 году они снова опустошаютъ римскія владѣнія. Съ 276 года по 282 римскія войска борятся съ могущественными сарматскими племенами. Императору Кару удалось разбить Сарматовъ не далеко отъ нижняго Дуная; болѣе 200 тысячъ Сарматовъ было взято въ плѣнъ и размѣщено по областямъ Балканскаго полуострова. Борьба съ задунайскими Славянами продолжается при Діоклетіанѣ. Его соправитель Галерій одержалъ наконецъ верхъ надъ Карпами, Бастарнами и Сарматами. Карповъ и Бастарновъ, по извѣстіямъ Аврелія Виктора, онъ переселилъ изъ-за Дуная на Балканскій полуостровъ, преимущественно въ нижнюю Мизію. Въ правленіе Константина (334 г.) между Сарматами и подчиненными имъ народами возникла борьба, которая кончилась изгнаніемъ Сарматовъ. Константинъ охотно пустилъ въ свои владѣнія около 300 тысячъ этихъ изгнанниковъ и помѣстилъ ихъ во Ѳракіи, Македоніи, Малой Скифіи (Добруджѣ) и Италіи. Изъ приведеннаго сейчасъ очерка событій видно, что начиная съ второй половины III вѣка идетъ насильственная колонизація варваровъ на Балканскомъ полуостровѣ. Рядомъ съ ней и гораздо ранѣе, по предположенію нашего автора, могла совершаться и добровольная. Нѣкоторые изъ варваровъ, вторгнувшись во владѣнія имперіи, могли оставаться въ опустошенныхъ ими краяхъ. Если между этими вольными и невольными варварскими колонистами имперіи будетъ доказано присутствіе Славянъ, то вопросъ о началѣ славянскихъ поселеній на

Балканскомъ полуостровѣ рѣшится окончательно, разсуждаетъ нашъ авторъ. Задавшись этой задачей, онъ приходитъ къ убѣжденію, что Уругунды, Бораны, Костобоки, Карпы и Языги были Славяне. Основанія этого убѣжденія слѣдующія: всѣ эти народы жили на сѣверъ отъ Дуная въ восточной Европѣ, жили осѣдло, не блуждая отъ мѣста на мѣсто; нѣкоторые изъ нихъ дѣйствовали въ исторіи объ руку съ Славянами или жили рядомъ съ завѣдомо славянскими племенами. Вопросъ рѣшенъ: славянская колонизація полуострова началась съ II вѣка и кончилась въ VII; она тянулась въ теченіе почти 500 лѣтъ. Дринову нѣтъ дѣла до того, что по тѣмъ расплывающимся, неяснымъ признакамъ, которые онъ положилъ въ основаніе своей гипотезы, можно ославянить всѣ національности, дѣйствовавшія въ Европѣ въ средніе вѣка; но научная критика вправѣ замѣтить, что подобной гипотезой нашъ авторъ испортилъ свой прекрасный въ остальныхъ отношеніяхъ трудъ. Справедливость требуетъ признать, что, за исключеніемъ упомянутой гипотезы, разбираемый трудъ Дринова является лучшимъ пособіемъ для изученія хода славянскаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ съ VI вѣка.

Разборомъ книги Дринова мы оканчиваемъ разборъ главнѣйшихъ пособій. Остальныя, менѣе важныя для нашего труда, указаны въ текстѣ.

Оглавленіе.

150

